

Александр Иванченко

Вишни

Роман в двух книгах. Книга вторая

Издательские решения

По лицензии Ridero

2023

УДК 82-3
ББК 84-4
И23

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Иванченко Александр
И23 Вишни : Роман в двух книгах. Книга вторая / Александр
Иванченко. — [б. м.] : Издательские решения, 2023. — 304 с.
ISBN 978-5-0059-5776-4 (т. 2)
ISBN 978-5-0059-5490-9

Роман представляет документально-историческую семейную сагу, где происходит переплетение исторических событий периода ВОВ с судьбами людей, отдельно взятой простой провинциальной семьи российской глубинки, без сложно завинченных спиралью жизненных перипетий, с большой долей исторической достоверности.

УДК 82-3
ББК 84-4

16+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

ISBN 978-5-0059-5776-4 © Александр Иванченко, 2023
ISBN 978-5-0059-5490-9 © Александр Иванович Иванченко, дизайн
обложки, 2023

Часть вторая

От Миуса до Нисы

я

Весна 1943 года, в отличие от прошлого года, с суровой зимой и холодной весной, была более благодатной и дружной в плане таяние обильного снежного покрова и наступления положительных температур. Солнышко не могло не радовать, особенно стариков, которые, по обыкновению ставят перед собой задачу — дожить до весны и, порой с наступлением заветной мечты, успо-

каивались, расслаблялись и... уходили с легкой душой в мир иной. Но большинство всё же ставили заветной мечтой — дожить до победы и стиснув зубы, преодолевая физические и духовные боли, боль утраты родных, а порой и не одного, а нескольких сынов за эти, без малого два года войны, имели нестерпимое желание дождаться победы, до которой не дожили их дети, но ради которой они отдали свои молодые жизни.

Противостояние на Миус-фронте без значимых боевых действий и попыток прорыва, было связано с планами и попытками улучшить положение на более северных направлениях Степного, Юго-Западного Воронежского, Брянского фронтов. Немцы, используя тактическое преимущество, наличия капитальных эшелонированных оборонительных сооружений, могли сдерживать даже превосходящие количественно соединения Южного Фронта Красной Армии.

И уже к концу марта Вере Ивановне стало понятно, что их ждёт неминуемый голод. Была у неё одна мысль, но для её осуществления, необходимо было отлучиться из дому, минимум на три-четыре дня. А, что за это время может статься с детьми, своими и приёмными, к которым она также успела привыкнуть и не различали со своими — они все были её. Мысль состояла в том, что, если получится попасть в родовой хутор её мужа Григория, где проживали его старшие братья и сестра с семьёй.

«Старший брат Владимир, если жив, должен быть дома, так как не подходил по возрасту к призыву, ему было за пятьдесят уже, а вот среднего Егора могли и в армию взять, — думала Вера Ивановна, — а у сестры Клавы детей шесть душ, да и муж, скорее всего на фронте...».

Но, что-то нужно было делать, хоть душу дьяволу продавай, чтобы детей от голодной смерти спасти. Подумала-подумала женщина и решила вынести вопрос на обсуждение. Дети уже взрослые — поймут.

Вечером, собрав крохи еды, что-то похожее, как горожане в мирное время кормят крошками голубей на городских площадях и аллеях парков, Вера Ивановна сидела совсем молча и наблюдала за детьми. Дети тоже понимали, что времена пришли критические.

На столе лежали небольшие лепёшки, серо-коричневого цвета, местами совершенно черные, пригоревшие. В другое время такое снадобье и собаки бы не ели, скулили и поджимая хвосты уходили бы обиженные, что хозяйин или хозяйка над ними решила поиздеваться и решив, что завтра все переменится, и гнев сменится милостью, а в миске появится вкусная и привычная еда, сытная и полезная для организма, чей бы он ни был.

Но есть поговорка — «люди — не свиньи, всё поедят» и то, что «голод — не тётка»: дети дружно захрустели, кусая молодыми и острыми зубами лепешки из отрубей, с добавлением или зерновых отходов или подопревшей кукурузной крупы с ячменной дертью и какой-то молодой травы, нащипанной на обогретых солнцем пригоркам. Лепешки жарились на машинном масле, что придавало им, кроме специфического вкуса и особый запах.

Лепешки закончились, а с ними и хруст от их раскусывания. Наступила особая, если не назвать гробовой, тишина. Вера Ивановна внимательно осмотрела всех, сидевших за столом. Редко кто на доли секунд бросал в её сторону любопытный взгляд и сидели, опустив головы, как будто была задача что-то обдумать. Каждый думал свою, а она уже всё обдумала и сейчас решила всё сказать воочию.

— Дети, у нас совсем нечего кушать. Что-то нужно делать до той поры, когда или нас освободят, или появится возможность всё же найти пропитание. А пока, у меня, после долгих раздумий только одна, как я считаю, верная мысль пришла в голову...

Всё после этих слов, как по команде подняли головы и в напряжении ждали вердикт матери или приёмной матери, Mutter, и снова воцарилась тишина.

— Я решила пойти к родне в с. Покровское, вернее в х. Едуш, к вашим дядям и, если они живы, то уверена, что хоть чем-нибудь нам помогут. Отец, когда уходил на фронт, то говорил, чтобы в случае какой трудности или, если помощь потребуется, чтобы к ним обращалась, они помогут, должны помочь, если живы, конечно, не на фронте. Думаю, что Илья Пантелеевич поможет с документами, выправит или походатайствует перед волостным старостой, дав характеристику о благонадёжности, для выдачи пропуска. Пока меня не будет старшим останется, — глянула на Зина и на Васю, — короче, слушайте Васю и Зину. И никто никуда нос не суйте, больше лежите, силы берегите и на улицу без надобности не ногой. Всем всё ясно?!

— Можно, я скажу, Mutter? Я не могу вам противоречить, но у меня, как я думаю, более благоразумное предложение — пойду я. Вы мне всё расскажите и сопроводительное письмо напишете. У меня и опыт есть и особо внимания не привлекаю, что пацаня. Да и выносливостью я не обижен и силёнок хватит, если чё...

Хозяйка заплакала, низко нагнув голову и прикрыв лицо платков. Слезы полились от того, что было предельное напряжение и сейчас та, последняя ниточка, что держала «слёзный шлюз» лопнула.

— Это я так. Сейчас... сейчас! Всё! Я не плачу. Вася, нет, я не могу тебя посылать, я взяла на себя эту обязанность и, если...

— Никаких если, Вера Ивановна. Будьте спокойны, я не подведу. А, вот на минутку представьте, если вдруг, упаси Бог, что-то с вами случится. Вот тогда мы без вас точно пропадём. Вам и тут надо будет несколько дней, пока не вернусь, заниматься решением нелёгкой продо-

вольственной задачей, и я не знаю, кому из нас с вами будет труднее.

— Мам, Вася правду говорит, мам, поверь ему, — взяв за материнский рукав и дергая за него, уговаривала Зина.

Маша молчала. Она и доверяла брату, лучше, чем самой себе и одновременно не хотелось, чтобы он уходил, она его сильно любила и боялась за него.

Один Вова только хлопал глазёнками и переводил взгляд с одного на другого. Хотя и у него было мнение, но его не спрашивали и потому молчал. Конечно же, он был за то, чтобы мамочка всегда была рядом.

— Ой, не знаю я. Боюсь я, коли чего...

— Не нужно бояться. Вот меня же мать отпустила и уверена была во мне, и не одного отпустила, а с сестрой. Как вы думаете, отпустила бы родная мать, если бы не была полностью уверена во мне, послала бы меня на верную погибель? Нет! И вы бы не послали. Но я справлюсь и справлюсь лучше всех. И мне не тревожно сестру оставлять тут, потому что знаю, что она с вами, как у Бога за пазухой и в обиду вы никого не дадите. Договорились?

— Ой, что же ты делаешь со мной? Сердце разрывается в сомнениях. Давайте так поступим. Всё нужно обмозговать. Утро вечера мудренее. Завтра утром и решим. В любом случае, мне нужно к хуторскому старосте идти. Ты же, Вася, знаешь, у меня особый подход ко всем.

На том и порешили.

Утром, Вера Ивановна и Вася шли к старосте, Илье Пантелеевичу с «челобитной» просьбой. Утро было ясное, дул свежий западный ветер. Со стороны фронта была на удивление тишина. Видимо никто, из противоборствующих сторон не хотел нарушать тишину весеннего утра.

Староста внимательно выслушал Веру Ивановну, при этом дымя самокруткой из старых запасов самосада и,

леньясь вынимать сигарету изо рта, чтобы выпускать клубы дыма, наклонял голову назад и в сторону, чтобы дым не попадал в глаза. Когда бывшая учительница закончила говорить, староста вынул окурок застывший, плюнул на ладонь и затушив на ней окурок сигареты, бросил его в сторону печи.

— Вера, пушай паренёк воздухом подышит, нам поговорить нужно с глазу на глаз.

Вася, не дожидаясь особой команды, повернулся и вышел из комнаты в сени, прикрыв двери и затем во двор. Хозяйская собака подняла лай на незнакомца. Вася, почему-то именно сейчас вспомнил Таню, внуку деда Илью, т.е. старосты. К чему это он её вспомнил, сам не понял. Минут через десять Mutter позвала Васю, молча помахав рукой, приглашая войти.

— Ты знаешь дорогу на Покровское? — спросил сходу староста Васю.

— Да, в общих чертах знаю. Мне нужно будет попасть на «воровской шлях», т.е. выйти сначала на Новониколаевку, а потом налево и, пожалуй, около 30 километров на юг идти по этому шляху, а потом вниз, в долину Мисуса, на восток. Так?

— Перед Отрядным нужно будет свернуть на восток. Хотя, немцы аккуратисты, они на развилках везде посты ставят, направят куда нужно, мимо не пройдёшь. Тем более, что ты с тем пропуском, что у тебя, им в Таганроге не нужен. Да, что касается волосного старосты, сейчас расскажу, где его контора в Новониколаевке и что говорить научу. Гляди, говори так или почти так, как я скажу. Не вздумай язвить, он того не любит. Будь покладист и учтив. А, если имеешь в душе гонор, то после войны его применишь по назначению или, если и тебе придётся воевать, то на фронте. Ты всё понял, Василь?

— Всё, пан староста!

— Вот я вижу, что он и впрямь понял, что и к чему. Не переживай, Ивановна, он паренёк, как я уже успел убедиться, смышлёный. Не пропадёт! Посидите или пождите во дворе, я сейчас петицию составлю и позову, чтоб не томить в своих «палатах», когда весна на дворе. Зиму пережили, слава Богу, а всё остальное и подавно переживём. Да, казак?! — перейдя в разговоре к вопросу Васе.

— Конечно! Иначе и быть не может!

— Ну, что я тебе говорил, Вера... Ивановна, на парня можешь положиться.

— Пантелеевич, какая я вам — Ивановна?

— Ан, нет, Ивановна и точка! Внукам и внучкам моим мозг правильно вставила, уму разуму учила, научила не только читать и писать. О тебе и у нас в хуторе, и в слободе никто ничего дурного не скажет... Как и о твоём муже, Григории. Царствие ему Небесное! Славный был мужик, труженик, хозяин и отец. Другие вон и пили, и гуляли, и женок били до полусмерти, а твой... Ой, ты прости меня, старика! За больное затронул. Идите, подышите воздухом. Я зараз бумаги напишу. Да, он сегодня пойдёт или завтра? Мне даты нужны.

— Сегодня! — за Mutter ответил Василий и первым вышел во двор.

Быстро собравшись, Вася, без волокиты отправился в путь. Назад, на провожающих он не оборачивался, так как считал это плохой приметой. А потому, не видел, что из всех четверых, одна сестра не сдержалась и пустила слезу, хотя честно и долго боролась с этим чувством, но, когда брат отошёл прилично и свернул на дорогу, ведущую вниз в сторону Самарского, не сдержалась. Её никто не успокаивал. Ведь это могло возыметь и обратный эф-

фект. Mutter, лишь подошла, прижала девочку к себе и погладила по голове. После чего, Маша, всхлипнула пару раз, вытерла слёзы, и сама прижавшись к Mutter, как к родной матери, притихла и успокоилась.

Дорога была разъезжена немецкой военной техникой, колея глубокая и их было несколько. Потому, Вася, старался проходить по пригоркам, где земля подсохла и по невысокой, дружно пробившейся траве. Даже не верилось, что они уже более двух месяцев, как ушли из дому. И теперь, оставшись совсем один на один со своими мыслями, Вася задумался о том, как там мама сама. Лишь, изредка встречающиеся встречные подводы с провизией и другими грузами, отвлекали его от грустной мысли.

Вася шёл налегке, без вещей и в лёгкой телогрейке, которую ему нашла Вера Ивановна. В кармане лежали зажаренные лепёшки, а на поясе подвязана фляжка с водой. Обувку тоже пришлось сменить. Старенькие ботинки были чуток великоваты и потому, ему пришлось немного «поколдовать», чтоб уплотнить ноги внутри с помощью стелек. Через полтора часа Вася уже шагал по Новониколаевке и вспоминал всё, что ему наказывал ему Илья Пантелеевич. Без труда найдя конторку слободского старосты.

На крыльце столкнулся с полицаем, который или проявляя бдительность, или выслуживаясь, стал проверять «аусвайс». Молча проверив и отдав документ, вздёрнул на плече ремень винтовки и заковылял вразвалку по улице.

Волостной староста был на вид моложе даже пятидесяти лет, одет не по-деревенски, а ближе к интеллигенции, в костюм, хоть и выдавший уже виды и хорошие, но тоже не новые ботинки. Возможно, до войны, староста занимал какую-то руководящую должность или даже проживал в городе. Он внимательно прочёл петицию

Пантелеевича, заулыбался, покачал головой и заговорил.

— Вот, старый хрыч! Он тебя, как будто рекомендацию в комсомол или того выше, в партию написал. Мог бы и попроще брехать, у тебя и без того на лбу написано — «комсомолец» и дай в руки оружие, знал бы в какую сторону повернуть. Так?!

Вася помолчал немного и ответил:

— Моя семья, и мамка и сестры и брат с голоду умирают, а вы о каком-то оружии говорите. Мне бы хлебом разжиться, чтоб хоть полмесяца продержаться.

— А потом, что?

— Бог даст, трава погрёт, тогда уже голод не грозит.

— Ну, да ладно, будь, как хочешь. Ступай, коли не судьба помереть от голода — помрешь от холода. Кому судьба утонуть, тот и в ложке супа утонет, захлебнётся. Напишу тебе пропуск. Может родня в беде не оставит, если сами не голодают.

Не задерживаясь, Василий, двинулся дальше в путь. По его расчётам, если его никто надолго нигде не задержит, то к вечеру должен поспеть к месту назначения. Благо долгота дня уже увеличилась сильно и темнеть начинало около 20 часов вечера. Даже, если делать привалы и будет тратиться время на проверку документов и прочие неучтённые случаи и-то должно с лихвой хватить.

Ещё не было семи часов вечера, когда Вася с высот над хутором Едуш созерцал в низ, где в долине Миуса стоял фронт. И расстояние до передовой линии, ничуть не отличалась по расстоянию до неё, от того, что было в том, где он нашёл с сестрой пристанище, в хуторе, где они нашли добрую и заботливую вторую мать, Mutter, хотя, если правильнее сказать, то не они, а она их нашла.

Владимир Леонидович, встретивший Василия у калитки, недоверчиво выслушал историю Васи. И недоверие имело основания быть, так как в такое тяжелое вре-

мя встречались различные аферисты, представляющиеся кем угодно, лишь бы войти в доверие простых граждан, привыкших верить и входить в положение нуждающихся. Как правило, это были люди из криминального мира и те, кто не побирался, а наоборот, предлагал продукты в обмен за украшения, золотые вещи и всяческий антиквар. За таких говорили так: «Кому война, кому, что мать родна».

Но, когда Вася отдал сопроводительное письмо, хозяин гостеприимно впустил в дом, уставшего с дальней дороги парня.

— Евдокия, с порога крикнул хозяин, нагрей воды, парню с дороги умыться нужно.

— Не стоит беспокоиться, — скромничал Вася, — я и холодной умоюсь.

— Молодой человек, — включилась в разговор хозяйка, — дома, как знаешь, а у нас, изволь, как положено. Раздевайся. Я сейчас быстро организую.

Вася внимательно осматривал и уютный кирпичный домик, из местного кирпича, каких и в Матвеевом Кургане, в качестве личных домовладений можно было по пальцам одной руки пересчитать и обстановку внутри дома. Было видно, что, как минимум, до войны хозяева жили совсем не бедно.

— Ну, вот, а теперь за стол. Ты с дороги и устал, и проголодался небось?! Если давно не ел ничего, то понемногу, чтобы живот не свело. А потом ещё покушаешь.

В другой раз, Вася бы ухмыльнулся, потому что вопрос был некорректный, как минимум, точнее из той жизни, привычки из которой ещё жили в этих людях.

Еда была простая, но такая, которую Вася и дома не видел. Хлеб домашнего приготовления, хоть и с добавлением отрубей, но с таким приятным запахом, несмотря на свою чёрствость, который Вася начал забывать. Пшеничная каша, с грубой обработкой зерна или в ступе или

домашней кустарной крупорушке. И главное, тётя Дуся, как она представилась сама, подала кружку с молоком.

Последний раз Вася пил молоко месяца два тому назад, когда странствовали сестрой по сёлам. Выпив молоко, Вася услышал, как его бедный желудок взбунтовался. Он давно не принимал в свои «жернова» такого качества пищи и в таком количестве. Хоть Вася, придерживался рекомендации, хоть и сильно хотелось съесть всё и сразу, сдержался и поэтому, и потому, что было как-то неудобно. Тем более, что ни сам хозяин, ни хозяйка, сидя за столом и наблюдая за тем, как ест незнакомый в принципе им человек, но как написала невестка Владимира, жена покойного брата Гриши, то парень этот ей, что сын. Сидели в стороне смиренно и молодая женщина, лет тридцати и рядом двое девочек, старшей лет восемь, а меньшей 5—6 лет.

Когда Вася поел, Владимир Леонидович рассказал, что сын его старший на фронте, а вот эта женщина — жена сына, т.е. невестка Лиза с детьми. Меньшая их дочь замужем в Таганроге. Муж — инженер какого-то завода, эвакуировался с заводом, а жену с маленьким ребёнком оставил в городе.

— Мы звали дочь к нам — не хочет. Она учителем немецкого языка до войны работала в школе. Немцы узнали, пригласили работать в городскую управу. Паёк хороший получает и зарплату, даже няню смогла нанять ребёнку. Но это же ненадолго. А, что будет, когда наши немцев прогонят? Могут же и привлечь, как немецкую прислужницу. Вот и думай, как оно лучше.

Хозяин помолчал немного, уперев глаза в середину стола, как будто ждал, что там сейчас должно было что-то случиться.

— Мы держали до войны большое хозяйство. Мясо и сало возили в Таганрог на рынок продавать. Сейчас, конечно, что вырезали, что немцы конфисковали в свой

армейский котёл. А вот смалец и сала немного приховали. Смалец подсоленный, он может годами храниться. Зерно тоже сумели сохранить, то, что для подсобного хозяйства было запасено. Конечно, люди и у нас не все сытно живут. И мы, как и другие, кто жил получше с хуторянами делимся. Люди у нас до того скромные, что, пока сам не предложишь, умирать будут — не попросят. Поможем, конечно, всем, чем можем. И по знакомым завтра утром пройдем: «с миру по нитке — голому рубашка». С пустыми руками не уйдешь.

— Спасибо, дядя Володя! Спасибо!

— Да, не за что пока ещё и не стоит. Как же иначе? Тут пройдохи даже тушёнку предлагают и хлебушек. Наверное, уже богаче в разы стали, чем миллионер Корейко из «Золотого телёнка» Ильфа и Петрова. Не читал?

Вася отрицательно покачал головой. Он хотел представить, сколько это купюр должно быть, чтобы миллион в сумме был. Ему не верилось, что завтра он сможет отправиться в обратный путь, загруженный продуктами. Конечно, идти будет тяжелее, но чувство долга и обещание будет его подталкивать и придерживать, когда сил не останется, и даже если упадет, то будет ползти, но доползёт, обязательно доползёт.

Утром, Владимир Леонидович, как Вася не просился с ним, уговорил, остаться и отдохнуть, так как предстояла дальняя дорога. На какие вещи или продукты на продукты менял он, Вася не знает, но среди того, что старший брат покойного мужа Веры Ивановны, выменял была даже засоленная рыба, которую кто-то из смелых жителей, после обстрелов собирал на берегу Миуса. Оглушенная взрывами рыба всплывала, и самая сложная задача была — проскользнуть через кордоны, знать лазейки и ещё не попасть под обстрел артиллерии Красной армии.

Две банки немецкой тушёнки, а различные крупы были завёрнуты от узелков и самодельных тряпчатых су-

мочек до носовых платочков, заботливо и аккуратно завёрнутые и завязанные на узелки.

— Вася, Вера в письме просила, узнать о Нине Едуш, жене моего меньшего брата Егора. Я-то в письме Вере отписал, а тебе так скажу. Они все живы, чем могли также помогли, а от брата нет писем. Жив или нет — не известно. Это на словах, но я сестре письмецо отпишу, ты передашь.

Вася, глядя на всё это богатство продуктов, если судить мерками военного времени и прекрасно понимал, каких усилий стоило этому уже немолодому и, собственно говоря чужому для него человеку, для того, что правдами и вескими сломи убеждений, а может быть уверенней во взаимопомощи в нужное для людей время расположить земляков и родственников, оказать сильную помощь, дабы не дать умереть с голоду родных людей его меньшего брата Григория. Люди прекрасно знали этого отзывчивого человека по добрым поступкам, совершенных для блага всех селян до войны и их долго уговаривать не приходилось, делились всем, даже, если у них всего-то крупы на две каши сварить. Люди, сами испытывшие нужду и голод, готовы были безвозмездно поделиться последним, хотя, Владимир Леонидович, как говорится «на экстренный случай», даже сгрёб с молчаливого согласия жены, её же драгоценности, которые берегли, как семейные реликвии и память о родных, оставивших это, сейчас мало что стоившее богатство.

— Как себя чувствуешь, племянник? — спросил брат Mutter и приятно удивил Васю, назвал его племянником.

— Спасибо, дядя Вова, хорошо. Пишите сестре письмо, а я всё уложу в ситор и тронусь. К вечеру, с Божьей помощью, буду дома.

— Уверен?! Может отдохнёшь, а завтра пораньше и отправишься? — переспросил дядя Вова.

— Нет, дядя, Вова! Я пойду. Там волнуются. Да я дойду, не переживайте и не смотрите, что ростом не вышел — я трёхжильный.

У Владимира Леонтьевича появилась, за рыжими от никотина сигарет и седых одновременно усах, улыбка. Ему очень понравился парень и взглядами, и своим упорством, и заботой о родных.

«Храни тебя Бог, Вася! Пусть Матерь Божья сопровождает тебя весь путь, идя впереди и оберегая тебя от бед и опасности, а ты по Её следам следуй...», — думал хозяин кирпичного дома, выйдя на крыльцо, присев на лавку и закурив самокрутку, — «ой, что же я расселся! Нужно же сестре письмо отписать».

Затушив, недокуренную сигарету, резко войдя в дом, обратился к жене:

— Найди, Дуся, бумагу и карандаш. Вере письмо нужно составить.

Дуся, засуетилась, забежала по комнате и принесла то, что просил супруг.

— Спасибо, красавица. Ты, тоже что-то хотела бы передать свояченице?

— Здоровья им всем, пусть их Бог бережёт, а сама детей пусть бережёт! Вот и всё, что ещё я могу пожелать? Быстрее пусть война заканчивается. Пусть будет проклята она, смерть несущая, кровожадная!

— Хорошо! Я сам, а ты парню помощи скорб в сидор собрать.

Было чуть за десять часов, когда Василий попрощался со всей семьей Владимира Едуш старшего. Вася поправил лямки, изготовленные из поясов пальто или плащей, но довольно широкие и удобные, в плечи давить не будут.

— Как твоё отчество, Василий? — спросил, назвавшийся сам, дядя Вова.

— Петрович, я, дядя Вова! Батя на фронте, да и, я, как только немца прогонят чуть, тоже пойду гадов бить.

— Пойдёшь, обязательно пойдёшь, Василий Петрович! Береги себя! Попрошу тебя, как старшего в семье мужчине, ты помоги там... ну чем можешь. Сам понимаешь.

— Дядя Вова, это лишнее, я же не маленький. Всё будет хорошо. наших дождёмся, с голоду теперь точно не помрём. Вам спасибо огромное! И Вам доброго здоровья и радостных новостей в дом. Пойду я. Прощайте!

Простившись, Вася уверенно зашагал по улице, не оборачиваясь, уже традиционно, веря в приметы. Солнце, изредка выглядывающее из-за туч, светило в спину. Вася шёл изначально на запад, а затем свернул на север. Полуторакилометровый подъём закончился, и дорога шла более полого по вершине плата Миусского хребта Донецкого кряжа.

Мысли были добрые и позитивные и юный «снабженец» представлял, как будут рады домашние, встречая его, как его обнимет Mutter, как на шею повесится сестрёнка, а он будет держать на себе, преодолевая усталость, с каким уважением будет смотреть, стесняясь, приёмная сестра Зина — это будет скоро, сегодня вечером.

Конечно же, так и будет. И он донесёт все, чем загрузили его в том, ранее неизвестном, но ставшим в чём-то родным, хуторе Едуш, всё, кроме куска сала, который у него отхватит штык-ножом жадный полицай, во время проверки содержимого вещмешка на посту в Новониколаевке.

И скоро зазеленеет природа и будет легче найти пропитание. И они, конечно же, хоть и не так ярко, как в мирное довоенное время будут радоваться весне, и будут с нетерпением ждать того дня, когда немцы начнут суетиться и бегать по селу, как тараканы, которых хозяин застаёт на кухне, включив свет. До этого дня не так и много, если учесть, сколько уже людям пришлось страдать в оккупации, и безумного, невыносимо долго, когда

день ожидания годом тянется. Но они дождутся, иначе никак, иначе зачем нужно было выживать только для того, чтобы жить и дожидаться родных с войны. И они вернутся, но не все, конечно. И это будет, но как скоро? Этого ответить никто не мог.

II

Лиду Ростов встретил недружелюбно, если это определение к стоящему в руинах городу можно применить, он стоял весь серый, в развалинах и весна в городе не ощущалась так, как за её пределами. Там, где до войны были цветники, там располагались горы строительного мусора, кирпичи, строительные балки составные части коммуникаций домового оборудования и прочая хозяйственная утварь, и сломанная мебель.

Ростовчане, пережившие ад оккупации, сразу же, после освобождения города, без принуждения вышли на улицы, для уборки города и приведения его в надлежащий вид. Это было нелегко, в основном работы выполнялись вручную.

Но люди были счастливы лишь тому, что дождались освобождения любимого города от захватчиков и не просто захватчиков, фашистов, оставивших свой гнусный, невиданный ранее по зверствам и массовости геноцида, кровавый след своими преступлениями против человечности. И среди прочих, самым зверским преступлением нацистов стал массовый расстрел мирных жителей в Змиёвской балке 11 августа 1942 года. Змиёвская балка стала одним из наиболее крупных мест гибели евреев на территории России во время Холокоста.

Нацисты здесь же расстреляли сотни пленных красноармейцев, из 30000 человек, попавших в плен 24 июля, после взятия немцами Ростова, которых они использовали сначала для копки траншей в Змиёвской балке, ставшей и для них общей могилой, даже не могилой — свалкой тел.

Убийство евреев продолжалось больше суток и за это время было уничтожено более 13,5 тысячи человек. И это только за период 11–12 августа 1942 года. Численность мирных жителей, расстрелянных нацистами за время оккупации Ростова-на-Дону, достигло около 27 тысяч человек еврейского населения, при общем количестве около 40 тысяч. Более 50 тысяч ростовчан были угнаны на работы в Германию.

Вот такими грустными новостями делились выжившие жители с теми, кто возвращался из эвакуации. И каждый из тех, кто два года не был в городе узнавал, если не о гибели родных и близких, то известие о том, что они угнаны на принудительные работы в Германию и обязательно в этих списках были просто знакомые, сослуживцы, коллеги, кто-то из одноклассников, соседей и т.д..

С жильём перед возвратившимися также встала серьёзная проблема. Около 12000 зданий в городе были полностью уничтожены и большое количество требовали ремонта и восстановления. Сильно пострадали центральные улицы и производственные здания заводов, подвергавшиеся бомбёжкам и обстрелам во время отражения двух наступлений фашистов и также дважды, когда город освобождали от оккупантов.

Все эти два года, в глазах Лиды стоял, запомнившийся ей вид города с левого берега Дона, когда они уезжали с эвакуацией фабрики и она надеялась, что и сейчас их встретит знакомый вид набережной, золочённые купола

собора, мостовая Будёновского и красивая убранством Садовая, Театральная площадь и родной Нахичевань, старенькая фабричная общага и парк, где она встретила свою первую настоящую любовь.

Но всем, кто ожидал это увидеть, ожидало разочарование. Вид родного города, конечно, был плачевный. Когда эвакуированные ростовчане проезжали г. Сталинград, то, естественно, ужаснулись, во что был превращён большой и некогда красивый город на Волге. И каждый надеялся, что с Ростовом такого не должно было случиться, но... к сожалению, всё было до наоборот — такие же практически развалины, такой же непривлекательный южными красотами вид.

И только одно радовало — это то, что они снова дома, что могут встретиться, хоть и не все и не со всеми, с родными и друзьями, что наша доблестная, Красная армия перешла от обороны к наступлению. И пусть фронт остановился от столицы Донского края в каких-то 70—80 километрах, но этот наступательный процесс и духовный порыв, с этим связанный, не остановить.

Все мысли ушли на второй план, когда девушка вспомнила, вернее не вспомнила — она о нём и не забывала никогда, а начала думать только об одном — о своём любимом человеке, с которым они расстались полтора года назад. И за это время она не получила ни одной от него весточки. Хотя, как и многие другие, те, кто был далеко от родных мест, тоже за это время не получали весточек от родных, если те находились на эвакуированных территориях, но под сердцем жгло и не давало покоя беспокойство и тревога, с недобрый предчувствием.

После прибытия эшелона, всем было дано время на определение с жильём, благоустройство и небольшой отдых — полдня и ночь, что были впереди до утра, а утром всем нужно было приступать к разгрузке оборудования и после его установки, иногда, под открытым

небом, ставилась задачи — в кратчайшие сроки приступить к выполнению Госзаказа.

И как только у Лиды появилось свободное время, она отправилась на поиски сведений об Петре. Первое, что она сделала, придя устраиваться в своё общежитие, узнала у коменданта о том, приходили ли ей письма, после её отъезда.

Та, что-то бормотала себе под нос, прежде чем открыла небольшой деревянный сундук, стоявший в углу на полу и со вздохом, произнесла:

— Ой, милочка, а нужно ли? Вот, пока семь месяцев фронт на Миусе стоял в 42-м году, письма приходили и с фронта то же, так среди них, точно не скажу сколько, но похоронки приходили. С малосемеек точно человека три погибли, хлопцы молодые. Горе какое, а! Одна молодая, прочла и рухнула прямо тут. Еле отволочила её, нашатырь потребовался. Может, не нужно?

— Ну, как же не нужно? Что у вас одни похоронки собранны, а писем от родных и с фронта разве нет? — недоумённо посмотрев на коменданта, которая, по всей видимости, приняла должность не так давно и при Лиде, до её отъезда не работала ещё.

— Да есть всякие. Ладно, щас глянем. Как твоя фамилия?

Лида ответила. Начальница вынула несколько пачек писем и положила на стол.

— Может быть, я вам помогу просмотреть письма? — предложив свою помощь, Лида надеялась на положительный ответ и что быстрее получится найти письма, если они есть.

— Не положено! — отмахнувшись, резко ответила комендант общежития.

Лида терпеливо ожидала, когда женщина, подсунув стул к сундуку, неудобно согнувшись над ним, начала там «колдовать», как казалось со стороны. Временами, разо-

гнувшись, подносила письмо ближе к глазам и прочтя, сложила в стопку просмотренных, а некоторые, в отдельную небольшую стопочку.

Закончив перебор, она протянула Лиде четыре письма:

— Держи! Кажись, больше нет!

— Чего нет? Не поняла, а эти?

— Я о похоронках говорю. Эти же письма от живых, как минимум, когда писали, людей. Ты будешь заселяться в общежитие?

— Да, буду!

— Ну, так с этого и надо было начинать. Я сейчас попрошу кастеляншу или дежурную, пусть заселят. Ты одна или как? — спросила комендант, громко захлопнув крышку сундука.

— Нас пока трое. Девочки скоро подойдут.

— Ну, тогда в холле подожди своих подруг. Пока письма прочтёшь, а потом подойдешь на вахту, я распряжусь.

— Хорошо...

— Меня Верой Николаевной зовут. С этого начинать нужно было, — с большой степенью обиды, прочитав по заминке её причину, ответила женщина лет пятидесяти пяти, склонная к полноте, чтобы не обидеть более точным определением, ставшая не так давно комендантом общежития, сменив ту, что Лида хорошо знала.

Лида вышла от коменданта, сердце волнительно билось. Среди четырёх писем было два письма из дому, одно от подружки и одноклассницы в одном лице, и последнее от товарища Петра, Дмитрия Котельникова. Это письмо её заинтересовало больше всего и одновременно вызвало усиленное волнение, и с желанием тут же его прочесть, предостережение.

«Почему от Димки, а не от Петра? Они оставались в Ростове вместе, возможно и в дальнейшем были вме-

сте. Что хочет мне рассказать друг Петра? Скорее всего что-то нехорошее, иначе бы написал сам, мой желанный, любимый человек. Разлюбил?! Да такого быть не может, я ему верила и верю больше, чем себе. Почему комендант так упорно намекала... нет, не может быть, она же не могла открывать все письма и тем более запомнить, что и для кого написано в них. Нет, нет, нет!!!», — Лида гнала чёрные мысли, а они вновь заполняли под «завязку» её мысли.

Голова начала кружиться и Лида, прижимаясь ближе к стене, медленно пошла к входу, на вахту, где увидела знакомое лицо несменного вахтёра тётю Симу.

«А как же я, когда пришла её не узнала? Я не могла её не узнать. Нет, Симоны просто тогда не было на мете или я схожу с ума? Мне нужно где-то присесть...».

Нашупав скамью у стены, рядом с ограждением вахтёра, Лида громко, со звуком протяжки мебели по деревянному полу, присела, почти упала на скамью и откинулась спиной к стене, прикрыв глаза.

— Девушка, что с вами? Вам плохо?! Сейчас дам водички, — тётя Сима заездила, быстро налила из графина в стакан, пролив при этом половину на стол воду и быстро поднесла к сидящей неподвижно девушке, — возьмите, попейте!

Лида, медленно открыла глаза и по её взгляду было понятно, что она сейчас не здесь, а где, только она, своим подсознанием и знает. Затем безразлично посмотрела на женщину, которая подсовывала буквально ей ко рту воду. Взяв стакан с водой, она так же безумно смотрела, то на эту женщину, то обводила взглядом помещение, как бы желая понять, где она и что здесь делает. Но её размышления прервал громкий возглас Симоны.

— Лида, Лидочка! Слава Богу, жива! И девочки вернулись? — расплескав воду в руке Лиды, женщина в эмо-

циях начала обнимать девушку, которая всё шире и шире открывала глаза.

— Симон-на, тётя Сим-ма! О, Господи! — свободной рукой Лида схватилась за голову, — Ой, простите меня, пожалуйста! Не знаю, что со мной.

— Ничего, Лидочка, это война. Она, проклятая во всё виновата, — глядя девушку по голове, на которой была не та девичья причёска длинных волос, а волосы были собраны в пышную косу и уложены кольцами сзади.

Лида казалась несколько старше своих лет. Возможно, что виной тому строгая причёска, возможно и напряжённые трудовые смены по 12—15 часов, да и переживания душевные за родных, отца на фронте и любимого человека.

— Сейчас прочту и поговорим, тётя Сима, — Лида показала письма, опустила голову, глядя на них и не знала, с какого начать.

Письма из дома датировались весной и летом 1942 года. А от подружки Нади и Дмитрия январём и февралём этого, 1943 года. Но не это бросалось в глаза, а то, что все письма были отправлены из Матвеева Кургана. От мамы и подруги — это понятно, но почему друг Петра отправил письмо из её родного посёлка и, самое главное, что в то время, когда он был оккупирован немцами, как и Ростов. Это значило одно, что письма были доставлены интендантской службой вермахта.

И это убеждение было, бесспорно, так как Лида постоянно следила, будучи в Ашхабаде, за сводками Совинформбюро. Потому, Лида открыла сначала письма от мамы и прочла их. Они были короткие. Мама надеялась на то, что, раз Ростов освобождён, то и дочь должна вот-вот вернуться из Средней Азии. Потому и отправила письма на старый адрес Лиды. Коротко о том, что все живы и здоровы. От отца писем почти нет, но в последних писал, что тоже жив и бьёт фашистов.

Подруга чуть написала за общих знакомых, кто из одноклассников и общих знакомых ушёл на фронт, и кто уже сложил голову. В конце письма приписка, в которой буквально говорилось: «... К вам, незадолго до освобождения посёлка заходил какой-то казак. Говорили, что тобой интересовался. Может это тот самый, Петя, о котором ты писала? Целую. Надя».

Трясущимися руками Лида открыла последнее письмо. В глазах появился туман, к тому же почерк был не очень разборчив. Напрягая зрение, девушка начала читать и одновременно перебивая сама себя мыслями, которые отвлекали, и заставляли возвращаться к уже прочитанным строкам.

«Лида, здравствуй! Не удивляйся. В другом случае я бы никогда не написал тебе. Так уж получилось, что я побывал в гостях у тебя дома, думая тебя увидеть. Твоя мама рассказала, где ты сейчас. Того адреса мне не дали или сами не знают. И я вспомнил твой ростовский адрес и то, что мне Петя рассказал, что вы с ним собирались после войны встретиться в Ростове. Не знаю, когда и как закончится война. Я одно знаю, нет, я уверен в этом и хочу, чтобы ты знала: я люблю тебя и всегда тебя любил, с самого первого дня, когда увидел тебя. Но я не смог бы даже попытаться тебя отбить у своего лучшего друга. А теперь я тебе говорю это потому, что Пети больше нет. Он погиб в Ростове через несколько дней, как вы расстались. Поверь, я скорблю, он мой лучший друг... был. Время раны лечит. Если я останусь жив, то приду в назначенное время на встречу с тобой. И тогда уже решим воочию, что и как. Я тебя люблю, Лида! И не могу ничего с собой поделывать. Хочу сказать — прощай, а говорю — до свидания, до встречи! Я буду тебя ждать! Твой, Дима...».

Лида протянула руку к стакану, отставленному на скамье, залпом выпила всю воду, что оставалась

в нём. Подняв голову вверх и смотря в потолок, стала что-то шептать, как будто разговаривала с кем-то, похоже с самим Господом.

Симона, заметив что-то неладное, опять подошла к Лиде и взяла её руку одной рукой, а другой начала поглаживать, тихо интересуясь:

— Голуба, что случилось? Папа? Что-то дома случилось?

Лида, лишь отрицательно качала головой, пытаясь что-то сказать, но, казалось, что язык её не слушается или вовсе прилип во рту к нёбу. Затем, сглотнув загустевшую слюну, тихо произнесла:

— Петя! Петечка мой!

— Ой, Боже мой! — вскрикнула Симона и засуетившись, вернулась на рабочее место, где-то порылась и так-же спешно прибежала снова и уселась рядом с Лидой.

Она пристально смотрела в глаза девушки и по всему её виду было понятно, что она хочет, но не решается сказать той что-то очень важное и боится это делать.

— Что? — уже поняв заминку пожилой женщины, спросила Лида, затаив дыхание.

— Лидочка, ты прости меня старую дуру! Башка моя дырявая, совсем забыла, а ты мне напомнила. Теперь и не знаю, давать или нет?

— Как это — не знаю? Что это? Если мне — давайте!

Тётя Сима медленно разжала руку и на ладони оказалась плотно сложенная записка, на которой было написано только имя и фамилия того, кому она предназначалась. Эта записка была адресована Лиде.

— Господи! Дай мне сил! — снова подняв голову и обратив взгляд в небо, вернее потолок, Лида медленно развернула записку.

«Любимая, здравствуй! Прошёл только день, как мы расстались, а я уже по тебе скучаю. Я люблю тебя и жду

на нашем месте. Иду в рядах полка народного ополчения Ростов защищать от фашистской сволочи. Я не могу позволить, чтобы те святые места, где мы с тобой встречались, топтали сапоги оккупантов. Люблю тебя, моя судьба! Жди меня! Я обязательно вернусь, и мы встретимся. Не прощаюсь. Твой Петя».

Лида зарыдала и слёзы, копившиеся долго, как бы прорвали плотину и с такой силой, с такой горечью потоком полились из её красивых глаз, что никто, даже, если бы и захотел, не смог бы противостоять этому потоку. Симона не старалась успокаивать девушку, а просто подставила своё плечо для головы Лиды и приняла слёзный поток на себя, глядя её, как маленькую дочурку по голове.

Лида поняла, что чудес не бывает и совпадения случайностей тоже. Всё говорило о том, что друг Петра не врал, её любимый, самый первый мужчина в её жизни, которому она собиралась стать верной женой и матерью его детей, казачат и девчат, маминых помощниц — видимо не судьба.

«Но почему так и почему с ней? Ведь живут годами нелюбимые и даже детей рожают, но живут. А тут, казалось, что свершилось невероятное — первая, настоящая любовь и счастье, не успевшее улыбнуться им, двоим влюблённым, оборвалось так же внезапно, как и свалилось с неба тем летним теплым вечером с падающей звездой. Ну почему так?» — Лиде казалось, что её жизнь оборвалась, как нить в челноке швейной машины и вместе с ней прервалась строчка, которая возможна только тогда, когда две нити связываются в единую прочную цепочку, благодаря тому-же челноку.

Её и Петю связал судьбой южный город Ростов и разлучил он же. Вот такова она судьба-злодейка. Хотелось верить в обратное, но не было ни одного факта, который говорил в пользу ошибки. Ошибки быть не могло. Петя

не мог, ради своего счастья совершить страшный обман. И снова мысль о том, почему письмо пришло из оккупированного Матвеева Кургана, и что Дмитрий мог там делать, и в качестве кого, не покидала Лиду. Ну не свататься же он приезжал?

— Лида, что? Что случилось? Что там, а? — Симона, в буквальном смысле трясла Лиду, обхватив двумя руками за плечи, а когда догадалась о причине расстройства и страданий девушки, после прочтения записки, начала сама себя проклинать, — ну кто меня за язык тянул, что я вспомнила об этой записке. Я же думала, наоборот, что оно тебя порадует, ведь не похоронка же и на тебе...

Лида чуть отошла и с мученически-добродушной улыбкой, и с отрешенным взглядом все же посмотрела на женщину, до полусмерти перепуганную тем, что она причастна к трагедии, успокоила тётю Симу:

— Всё хорошо. Надо верить, что всё хорошо будет. И почему должно быть обязательно плохо? Сколько горя уже людям война принесла, может уже и хватит на этом. Он же жив, да, тётя Сима? Он же мне обещал, а значит, умри, но исполни! Ой, что я говорю? Нет-нет! Он жив, я хочу, чтобы он был живой. Как же я без него. Я же каждый день в далёком краю о нём думал. Я ждала с таким нетерпением дня нашей встречи. Я буду ждать, тебя, Петя! Спаси и сохрани, Господи! — последние слова Лида произнесла, подняв голову вверх и сложив руки ладонями у лица, прикрыв глаза.

Сердобольная женщина, Серафима Григорьевна, по-видавшая уже столько горя, что им можно было запрудить реку Дон в районе разбитого бомбежками и взорванного железнодорожного моста, начиная с Гражданской, на которой мужа потеряла, а на этой уже и сына и племянников, и соседей оплакивала с матерями погибших и расстрелянных здесь же, в Ростове, в Змиёвской балке, а сколько людей пришлось извлекать из развалин, сейчас

поняла свою оплошность. Да, собственно, как она могла знать, что записка от молодого человека не обрадует, а наоборот, так расстроит девушку.

— Вот, старая дура! А может жив твой соколик, а? — с надеждой уговаривала девушка и пытаюсь сама в это поверить Симона.

— Конечно, жив! — теперь уже расстроенную женщину успокаивала девушка, пять минут назад «убитая» горем, но взявшая себя в руки, — раз он обещал, то непременно выполнить обещание.

Лида поселилась в общежитие с Верой Протасовой и Леной Каракич, с которыми были неразлучны уже три года и до войны, и в эвакуации и сейчас. Вечерами вспоминали мирную счастливую жизнь, девчонок, Катю и Таню, которые ушли на фронт уже из Ашхабада и их боевой путь начинался в Сталинграде. А Клава Ситникова нашла своё счастье в Ашхабаде, вышла замуж и осталась там жить.

Обустройство в пригодных для выполнения швейных работ помещениях, отданных швейной фабрике, отвлекало от грустных мыслей Лиду, но лишь на время и с новой силой начинало терзать мыслями её разум и девичью душу. Особенно тяжело было бессонными ночами. Одну только Катюшу, как казалось, ничего особенно не волновало, судя по характерному, почти мужскому храпу из её угла.

У каждой из подруг были, кроме тайный чувств и душевных переживаний, свои, как семейные, так и личные трагедии. У кого-то на отца пришла похоронка, у другой брат пропал без вести в боях под Сталинградом или на Миус-фронте. Если брать эти известия в общем, то — ничего особенного, привычные вещи, к которым все привыкли, но, если говорить о ком-то, а когда у тебя — это личная трагедия.

Изменилась обстановка в цехах: не слышно задорного смеха, шуток и песен, под хорошее настроение; чаще всего, серьёзные и напряжённые лица и лишь лёгкие улыбки на лице, если получали хорошие новости от родных, с фронта. И даже неугомонный балагур, наладчик машин, Виталий Корнеевич, которому, если судить по тому, как он «клеился» к молодым девушкам, было слегка «за»... за тридцать, а по мудрости суждений, то и второй век уже разменял, но судя по паспорту — 70 годков уже позади, даже он остерегался «поджигивать» и «заводить» девчонок так, как он это делал до войны. Корнеевича стало не узнать, он с улыбкой на лице и впрямь был схож на кавалера в возрасте, такого «живчика», а теперь, из-за угрюмости превратился в старого, порой даже немощного старика. Вот так изменило время, а вернее события в этом небольшом промежутке времени, под названием — война.

Весёлая и живая Лидочка, комсорг и «зажигалочка» молодёжного коллектива стала неузнаваема. В лучшем случае, отработав смену, аккуратно и по времени передавала сменщице эстафету и, чаще в одиночестве, медленно брела домой, в общежитие, где, упав на койку, бесконечно долго могла смотреть в потолок. Так продолжалось около недели.

В этот вечер, Лена, подойдя к неподвижно лежащей на койке Лиде, присела на край кровати и взяв одну, из безвольно распластанных вдоль тела подруги руку, слегка встряхнула её, желая привлечь внимания, и не получив желаемого заговорила:

— Лидок, а, Лидок! Погода сегодня чудная, весна и воздух чистый. Может прогуляемся часик, отвлечёмся от хмурых мыслей, а?

— Не хочу! — резко ответила Лида подружке.

— Ну я же тебя не на свидание тащу. У меня есть серьёзное предложение. Ты уже смирилась с мыслью, что

твой Петя погиб? И это, как ты считаешь, только из слов Димки, да? Но ты же сама говорила, что он тебе признался в любви, так?! А знаешь, если человек любит, то не только добрые дела, ради своей любви и любимой совершает, но и глупые и обман, и такие, что очерняют твоего избранника, и даже преступления. Что ты этого не знаешь? И в романах, и в кино, и в жизни — сколько хочешь примеров можно найти. А ты поверила...

Лида повернула голову и пристально посмотрела на Лену, которая, наоборот, потупила глаза вниз, как будто стыдилась своих же слов. Затем приняла первоначальное положение, закинула свободную руку за голову и спокойно ответила:

— Лена, я не могу поверить, чтобы Димка мог такое сделать. Нет! Не верю, они же были лучшими друзьями. Думаю, что он сказал правду. Хотя... А как он оказался у нас в Матвеевом Кургане? Ведь там в то время были немцы, как, с немцами?!

— Вот видишь. А я тебе что говорю. Тут что-то не чисто. Вот я тебе и предлагаю прогуляться по тем местам, где до войны гуляли, по парку пройти, хоть его и не узнать и город не узнать, но, главное, давай сходим на завод, в общежитие, где они жили. Ну, Петя, где жил. Узнаем. Кто-то должен же знать, хоть что-нибудь. Как Димка узнал? Вот!

— А вот с этим я, пожалуй, с тобой соглашусь. Лена, ты права! Пошли.

Лида так резко поднялась с кровати, что чуть не сбила, не ожидавшую такого изменения положения, Лену.

Подруги шли знакомыми улицами к Сельмашу и действительно, за менее, чем два года город сильно изменился. То там, то тут приходилось обходить горы развалин от строений, которые ещё не успели убрать, а где-то хмурым, даже трагическим видом встречали закопченные от пожара, без окон и дверей, стены частных доми-

ков и многоэтажки, без крыш и признаков жизни. В вечернее время эти виды были ещё более тоскливы, чем днём.

Завод тоже очень сильно пострадал от бомбёжек, но постепенно налаживался трудовой ритм, хоть и не с производства продукции, а с восстановления разрушенного и установкой, привезённого из эвакуации оборудования. На проходной девушек не пропустили в названный цех.

— Идите в заводоуправление. Там есть дежурный, у него телефоны. Возможно, он вам прояснит интересующий вопрос. Я вас без пропуска пропустить не могу, — объяснил девушкам вахтёр на проходной.

Внимательно выслушав девушек, дежурный заводоуправления, покачав головой, ответил:

— Спросить-то можно, только, если те, кто вас интересуется, не были в эвакуации, а оставались в Ростове, то тогда нужно или через военкомат разыскивать или через службы райисполкома. Даже не знаю, где. Как фамилия вашего знакомого?

— Логвинов Пётр, — быстро ответила Лида, — первый сборочный цех.

— Хорошо. Присядьте, вон туда, — дежурный указал на скамью, что напротив конторки дежурного, — сейчас наберём первый сборочный.

— И заодно узнайте, пожалуйста, о Григории Дёмине. Он мог быть в эвакуации. Собирался, но... — Лена запнулась, не досказав то, что было не совсем уместно, как она посчитала и, покраснев, присела на скамью рядом с Лидой.

Лида смотрела на Лену и впервые за долгое время улыбалась, а затем легонько приобняв подругу прошептала тихонько:

— Ох и тихоня! Ну, ты — молодец! Даже я ничего не знала.

— Да, когда тебе было. Ты же всё время с Петей была. Да и встретились мы с Гришей всего два-три раза, и-то перед самым нашим отъездом. Но он говорил мне, что, скорее всего он уедет сопровождать оборудование.

Подружки сидели молча, прислушиваясь к разговору дежурного по телефону толи со сменным мастером, толи с начальником производственного участка. Время тянулось томительно долго, а сердце стучало всё громче и громче, и даже казалось, что его стук слышат все, кто находится рядом, как колокольный набат.

Громко положив телефонную трубку, седовласый мужчина, сидел несколько секунд неподвижно, как бы забыв, что пришедшие за информацией девушки с замиранием сердца ждут результата или, наоборот, ему не хотелось сообщать то, что он узнал. Повернувшись и посмотрев в вопросительные глаза девушек, ответил:

— Узнал я у Николая Платоновича, начальника цеха. Он сейчас раньше полуночи редко когда уходит домой, — немного помолчав, обдумывая, с чего начать и продолжил, подняв к глазам бумагу с выполненными им же на ней, со слов начальника цеха записи, — Дёмин Григорий действительно есть в списке рабочих цеха. Но сейчас он, остался, как и многие другие во вторую смену. Время-то какое? Восстанавливать нужно всё. Фронту оружия не хватает. Ну, в общем сменится он к полуночи ближе.

Наступила тишина. Видимо, дежурный не хотел говорить неправду, а правда была не такая уж и приятная. Он бросил пару быстрых взглядов на девушек. Лена, явно душила в себе радость того, что парень, о котором она тайно думала всё это время, жив и сейчас находится в каких-то нескольких сотнях метров от неё. И, если не сегодня, то завтра они увидятся. Если бы не Лида, которую нельзя было оставлять, она бы и сейчас осталась ждать её у проходной.

— Что о Петре? — не выдержав тяжкого молчания, спросила Лида, готовясь к тому, подтверждение чего боялась услышать ранее.

— Девушка, присядьте, — увидев, что Лена обняла свою подругу, дежурный продолжил, — вам лучше это узнать, конечно, у руководства. Вы бы завтра или когда можете подошли бы и всё узнали у начальника цеха про Петра, как его, — глянув снова на бумагу, продолжил, — Я сожалею. Пётр не работает там... Пётр, как мне сказал Платонович, погиб... здесь, в Ростове, в 41-м...

Лида начала медленно сползать на пол. Лене потребовалось немало усилий, чтобы этого не допустить. Дежурный выбежал с графином воды и стаканом в руках, быстро, разливая, налил воды и подал Лене, которая, посадив Лиду, присела рядом.

— Лида, выпей.

Лида сделала пару глотков, прерывисто вздохнула и попыталась встать, а затем притихла.

— Пусть отдышится чуток, придёт в себя, — отходя в дежурку, произнёс мужчина со вздохом и добавил, — когда-то правду всё равно узнать пришлось бы. Такова наша жизнь. У нас двое из троих заводчан на фронт ушли, а сколько из них вернётся?

«Это слабое утешение для Лиды, — подумала Лена, успокаивая подругу, — но лучше так, чем жить в неведении и ждать всю жизнь. Так и жизнь пройдёт. Молодая и всё равно, что вдова...».

На город опустился тихий апрельский вечер. Освежающий воздух быстро приводил в чувства. Немного постояв у входа, Лида, изобразив вымученную улыбку, больше похожую на оскал израненного зверя, взяв подругу под руку произнесла:

— Пошли, Леночка! Я-то уже точно ничего не выстою здесь. Или ты остаёшься?

— Нет-нет! Конечно. Не сегодня. Пойдём-пойдём домой. А я тоже надеялась, что Петя... Светлая ему память. Но, как же это, а? Ведь так нельзя было, Лида? Убить любовь — это так жестоко! Гибнуть в такие молодые годы, даже не оставив после себя наследников — это же неправильно, так не должно быть. Это бесчеловечно, так нельзя. Почему, за что? Если бы мой Гриша... Слушай, Лида!

— Ну, чего тебе ещё? Пошли уже домой. Меня ноги слушать не хотят, а нам ещё полпути топать.

— Да я вот о чём. Я завтра точно не уйду от проходной завода, пока Гришу не увижу. И обязательно спрошу за Петю, он же должен о нём что-то знать. Если ты захочешь, то мы сможем где-нибудь встретиться, и ты спросишь, а он расскажет всё, что знает. Да?!

— Да, Лена, да! Только лучше будет, если у нас выходные совпадут, чтобы днём встретиться или ранним вечером. И я хочу, чтобы мы встретились там, где хотел Петя со мной после войны встретиться, у кинотеатра «Спартак». Так, сегодня вторник, 27 апреля. 1-го и 2-го Мая — День Международного пролетариата. И 2-е мая — воскресенье. Если сможет, Гриша, пусть придёт в этот день в 20—00, как мы хотели с Петей встретиться. А, если не сможет, то тогда 16 числа. Попросишь, Лена?

— Хорошо! Как скажешь. Я и сама с Гришей хочу увидеться. Сколько времени прошло, наверное, возмужал.

Девушки шли неспеша по 20-й линии неспеша, чтобы где-нибудь на куче мусора не сломать ногу. Уличного освещения не было, да и много другого тоже не было и будет ещё не скоро. А чего-то вообще уже не будет. К примеру, такого Ростова-на-Дону, каким он был в мирное время перед войной.

III

Без малого пять суток тянулись невыносимо долго. Было такое впечатление, что Лида ждёт не встречу с товарищем его любимого человека, Петра, а именно с ним. Но чего нельзя было вырвать из памяти, так это воспоминаний о тех счастливых мирных днях в Ростове, но в военный 1941 год и тех трёх месяцев, когда они могли встречаться, любиться, быть самыми счастливыми людьми на земле. И сейчас она жила этими воспоминаниями и стремилась на свидание со своей молодостью, со своей памятью о человеке, которая всегда останется с ней до последнего вздоха. Это то духовное, что невозможно отнять у человека, оно живёт до тех пор, пока человек жив. Как жаль, что Лида не сможет эту память передать плоду их любви, хоть этого очень сильно хотелось и только потому, что этого у них не получилось.

Как бы она хотела носить под своим сердцем Божий дар, который станет потомственным казаком, будет продолжать дело отца, станет опорой матери, как бы ей хотелось... Почему Господь им не дал ребёночка? Ведь Он даёт порой детей и тем, кто их бросает, делая бездомными, растущими без родителей в детских домах. Почему? Она бы ничего для своей кровинки не пожалела, даже собственной жизни, если бы потребовалось.

Первомайские праздники, скорее стали той памятной датой, в которую весь честной народ Советского Союза отмечал до войны очень широко, парадами и демонстрацией с кумачовыми знаменами и всяческими лозунгами и призывами, гуляниями по улицам и в паркам, женатые с детьми, неженатые молодые люди с друзьями, подругами и влюблёнными парами. В военные годы — это были патриотические митинги с призывами: «стать на защиту Родину» и «бить фашистскую нечисть до победы над вра-

гом». Проводилась также запись добровольцев на фронт в комсомольские отряды и те боевые отряды, где преобладающим составом были партийные, рабочие и служащие состоявшие в членах ВКП (б), принятыми кандидатами в члены или только написавшими заявления на вступление в Коммунистическую партию.

Патриотический подъём был на высоком уровне. Немалое значение имела, конечно, переломная в войне Сталинградская битва и, последовавшие после неё наступательные операции на врага. Были среди добровольцев и те, кто рвался в бой, чтобы отомстить врагу за погибших родных и близких людей, павших на фронте или, что ещё хуже, под бомбёжками или погибшими во время массовых расстрелах мирных жителей.

И как бы долго не тянулись дни ожиданий, и как бы не были бессонными ночи и бесконечные воспоминаия, а также призрачные надежды на вероятность того, что может быть такое, что череда фактов, казавшихся до поры бесспорными, вмиг рассыпаются от одного неопровержимого доказательства обратного. И Лида, в самом глубоком уголке души, всё же хранила ещё эту надежду, но в отличие от других своих мыслей, которыми она делилась с близкими подругами, об этом не говорила никому, боясь тем самым спугнуть вероятность счастливой случайности.

Первомайские праздники выдались на редкость теплыми, солнечными и по-настоящему праздничными, если не считать того, что в 70–100 км от Ростова-на-Дону стоит фронт. И несмотря на то, что ростовчане потихоньку начали привыкать к мирной жизни, всё же часто приходилось видеть, как в госпитали привозили тяжело раненных бойцов, которых можно было транспортировать и тех, которых затем на военно-санитарных поездах отправлялись на юг, в Пятигорск, Кисловодск, Майкоп и, конечно же, в Сочи, где были задействованы все санато-

рии и даже гостиницы, для размещения госпиталей и клиник.

Но люди умели извлекать те крохи радости даже из того, что среди развалин были развешены растяжки с лозунгами и призывами к гражданам и чудом выжившие в аде обстрелов и бомбежек, деревья зацветали, как и сирень — символ Первомая. И, хоть вечерние гуляния и отдалённо не могли напомнить довоенные времена, но те, кто не сдерживал фронт, ценой своей крови и жизни, а оставался в городе или по «броню», или по возрасту, всё-таки, после долгих дней оккупации, старались подышать свежим весенним воздухом, если не в парке, то у подъездов домов на скамьях и временно-сооружённых мест для посиделок. Основная тема, конечно, о положении на фронте, на втором месте была тема — что нового в городе, на третьем месте — вопросы жилья и пропитания.

Большую часть людей на улицах составляли женщины, а недостающую их долю дополняли, всюду снующие, подростки и старики. И только в такие дни, когда на важных производствах города, труженикам давали выходной, то появлялись и парни, которым в обычные дни не до гулянок — на работе по 10–12 часов и по две смены в ряд, и так ежедневно.

Гриша сидел на скамье у афиш кинотеатра, с опущенной головой, задумчивый и сосредоточенный на чём-то важном, как артист, перед выходом на сцену, чтобы на эмоциях не забыть свою речь. В одной руке он держал букет сирени, которая только-только начинала раскрывать свои «крестики» цветков, но уже излучала неповторимый аромат, распространяющийся на всё пространство, в радиусе, минимум метров на 5–6, при условии безветрия.

Лида без труда узнала товарища Пети, он ничуть не изменился, не считая того, что чуть возмужал. Лена

не выдержала и, оставив подругу, бросилась на шею, заметившему их и поднявшегося со скамьи навстречу девушкам, Грише. Тот растеряно расставил руки в стороны и выглядел, как-то нелепо, держа на шее девушку и в правой, поднятой руке букет сирени. Со стороны могло показаться, что девушка лишь хотела у него отнять этот букет, а он всячески не давал ей этого сделать.

Когда каблучки Лены цокнули о булыжник и она расцепила свои руки, давая свободу действий парню, тот быстро разделил букет на два и вручил каждой из них, а Лиде ещё пожал руку, как-то неумело, почти по-мужски, тряся её, вместо легкого прикосновения или, как делают джентльмены — с поклоном и поцелуем. Но на эту нелепость, конечно же, никто не обратил внимание. Не то время было, чтобы блюсти придворные этикетки, да и исполнители этих самых этикетов не дворянских кровей, а самые обычные пролетарии, так сказать.

— Здравствуй, Лида, — отступив на шаг назад, как при выполнении команд в строю, военный, Гриша пристально смотрел в глаза Лиды, как бы хотел удостовериться, что перед ним именно она.

— Здравствуй, Гриша! Может присядем или прогуляемся?

— Лучше присядем. Разговор не короткий и на ходу говорить несподручно, — при этом Григорий жестом головы указал на то место, с которого совсем недавно вскопал, как ошпаренный.

— Лена, вот я — дура! Нужно было парня к нам в обещанное пригласить. Там удобнее намного. Вот, дура! Вбила себе в голову, что встречу здесь, как договаривались, Петра и вот... Извините! — достав платочек, Лида стала промокать глаза, которые постоянно успевали пополняться слезами горечи и несбыточности надежд, — я сейчас, извините!

Все трое стояли молча, только Лена, медленно, но уверенно занимала место поближе к Грише, прижимаясь к его боку и обняв за талию. Хотя, в этом случае, больше утешения требовал не он, а её подруга. А может быть то и лучше, нужно было не душить горечь внутри, а дать возможность излиться вместе со слезами.

Тогда молодой человек сам подошёл к Лиде, взял за локоть и жестом предложил ей присесть. Лида безмолвно повиновалась и присела слева от Гриши, образовав своеобразный «треугольник» из двух девушек, как углов в основании и парня — вершинного «угла», который подходил для этой роли, так как был на голову выше обеих.

Справившись с эмоциями, сделав глубокий вдох и выдох, Лида, повернув голову к Грише спросила спокойно и тихо:

— Гриша, расскажи о Пете, если знаешь о его последних днях. Ты же не был с ним рядом?!

— Да, не был. Но мне, после поисков участников и свидетелей тех событий, стала известна в подробностях судьба вашего и моего друга Петра Логвинова. Лена, не в службу, а в дружбу, я попрошу тебя: вот деньги, возьми и купи чего-нибудь вам там, конфет или что есть и бутылку воды, пожалуйста.

Лена, немного с обидой, но взяла поданные Гришей деньги и покачивая эффектно бедрами и волнуя при этом красиво складки плиссированной юбки пошла наискось, через площадь на угол улицы, куда указал Гриша. Присутствующие у кинотеатра, невольно обратили внимание на это дефиле девушки.

— Не томи, Гриша, говори! Я давно готова услышать подтверждение того, чего больше всего на свете мне не хотелось слышать, но что должно прекратить мои бесконечные муки сомнений.

— Да, конечно! Мне тяжело это говорить. Ты же знаешь, он был и моим другом ещё с детства. Но, короче го-

вора, Петя погиб, как это не прискорбно, 29 ноября 1941 года, в день первого освобождения города от фашистов. Это случилось в Нахичевани. Петя — настоящий герой и погиб по-геройски. А, если подробнее, думаю стоит рассказать или как? — Гриша, повернувшись к Лиде, ожидал, чтобы она или дала «добро», или наоборот, если это слышать было невыносимо тяжело.

— Говори, Гриша! Я готова и хочу знать, всё, что связано с Петей, всё, что ты узнал, — голос Лиды был спокоен, но сильно приглушённый давлением мыслей.

— Я простился с Петром и уезжал в Ташкент с последней группой работников завода, во главе с директором Титаренко М. М., 19 октября. Петя оставался добровольцем Ростовского стрелкового полка народного ополчения, в который он был зачислен заранее. Когда я приехал из эвакуации, буквально через две недели после освобождения Ростова, как только появилось свободное время, занялся розыском Петра и узнавать о том, что происходило в Ростове, после нашего отъезда. Много мне помог в этом человек, который и мне и Пете был мало знаком, просто работали в одном цеху. Он был в ополчении и защищал город вместе с Петром. Вот, что мне рассказал Василий Каверзин, так звали этого бойца ополчения, который сейчас работает у нас на заводе в охране, так как в боях за Ростов был ранен и контужен, но в те роковые ноябрьские дни был рядом с Логвиновым:

«...Я этого парня заполнил на всю жизнь. Хотя до этого мы были знакомы постольку-поскольку, но ни товарищами, ни друзьями не были. Он стал сразу выделяться среди неопытных ополченцев, которые только тому и обучились, что сносно стрелять из винтовки и уметь прятаться от обстрелов. Петя — другое дело, если бы не знал его по заводу, то подумал бы, что он кадровый военный с опытом боевых действий.

Нас, взвод ополченцев прикрепили для усиления кадрового состава 230-го полка войск НКВД, усилив тем самым малочисленный 2-й батальон. Полк вёл оборону в районе Нахичевани, пока не поступил приказ «осуществить прикрытие отвода соединений 56-й армии через переправы Зелёного острова. 56-я армия поочередно, батальонами, спускаясь по 29-й линии, осуществляла переправу через Нахичеванскую протоку. Далее войска двигались через Зелёный остров, который являлся важным плацдармом и его было необходимо удерживать любой ценой.

Немецкие танки двинулись по переправе, как говорится «на плечах» советских бойцов дивизий 56-й армии. Бойцы, обеспечивающие переправу на правом берегу, со стороны Нахичевани не успели отойти и взорвать переправу, пали смертью храбрых. Мы заняли оборону на острове. Из оружия было только стрелковое, гранаты, два-три пулемёта с расчётами добровольцев. А на нас шли танки. Оружие в руки взяли все, даже полковые музыканты. Я видел Петра, он занял удобную, для ведения обстрела наступающих с левого фланга и вёл бесперебойную стрельбу из снайперской винтовки. Немцы падали замертво задолго до того, как попадали под прицельный обстрел воинов-чекистов и ополченцев. Это были результаты работы «старушки» конструктора Мосина, в руках Пети. Такой меткой стрельбы я никогда не видел, что ни выстрел — цель упала.

Первый танк остановил боец, притворившийся убитым и подпустив танк на «убойное», даже для учебного метание связок гранат расстояние, поджёл фашистов. Второй танк был остановлен метким выстрелом Петра через смотровую щель в голову механика-водителя. Не ожидавшие такого расклада дела, танкисты из остановившегося немецкого танка, ставшего хорошей мишенью, «героически» стали покидать своего «зверя», но да-

леко им убежать было не судьба. Петя быстро с ними разобрался. Положение на острове запахло не только толом, но и чем-то совсем плачевным. Наше командование вызвало огонь артиллерии, переправившейся на левый берег, на себя. Два подбитых, можно сказать голыми руками, танка и обстрел возымели большой отрезвляющий эффект на немцев и переправившиеся на остров танки, дали разворот на переправу в сторону Нахичевани. Точными попаданиями снарядов была разбита переправа и заодно, пошёл на дно Батюшки Дона ещё один фашистский танк. Более двух суток мы в составе 230-го полка надёжно удерживали плацдарм Зелёного острова. И всё время защитников Зелёного острова «утижила» вражеская авиация.

Река была покрыта льдом, который легко мог выдерживать на себе людей. Этим и воспользовались группы бойцов, которым был дан приказ, под покровом ночи и тени от сооружений переправы, совершить дерзкое нападение на береговые части немцев в Начичевани. Мы с Петром оказались в этой группе. Удачно переправиться сумело две роты, третья рота была обнаружена и подверглась артиллерийскому обстрелу. Как я потом узнал, командир 347-й стрелковой дивизии, которому в оперативном отношении подчинялся 230-й полк конвойных войск, после этого отдал приказ об отмене наступления, но мы уже попали в окружение и вели ожесточённые бои на правом берегу, на улицах Нахичивани. Это уже было 24 ноября.

Пётр вызвался снять часовых и заодно миномётный расчёт немцев. Конечно, мы не могли видеть того зрелища, когда Пётр с тремя, wybranными им в свою группы решительными бойцами, совершив дерзкий бросок, без единого выстрела, в рукопашной схватке овладели блокпостом и миномётной точкой. Продвигаясь вверх в сторону Театральной площади, бойцы небольшого отряда

вели уличные бои с подразделениями вермахта. Благодаря отвлечению немцев на нашу ликвидацию, иначе, не знаю, как назвать, вторая разведгруппа сумела занять плацдарм в районе площади Карла Маркса.

Мы продержались с боями на улицах Нахичивани до прибытия подкрепления с Зелёного острова, Это случилось в ночь с 28 на 29 ноября, когда части 230-го конвойного полка, Ростовского стрелкового полка народного ополчения, стрелковых полков 347-й и 343-й стрелковых дивизий пошли на штурм Ростова-на-Дону с территории Зеленого острова. Но увы и ах! Всё случилось чуть раньше. Мы занимали позиции на пересечении ул. 2-я Федоровская с 37-й и 39-й линиями. Нас, как будто тянуло туда, на север, где уже близко был наш завод, наш Ростсельмаш. Пётр, старался занимать удобные для обстрела позиции и для этого использовал или полуразбитые многоэтажки или чердаки зданий. Вечером, уже стемнело и потому было хорошо видны одиночные вспышки из чердачного помещения, соседнего с нами дома и иногда даже «хлёсткие» выстрелы из длинноствольной винтовки. Ясное дело, что немцев разозлило то, что они, потеряв около роты солдат, не могли оттеснить к Дону, если не уничтожить десяток, оставшихся в живых от взвода солдат. От площади Карла Маркса к нашей позиции подошёл видимо по просьбе гитлеровцев, сдерживающих наш натиск, танк и с расстояния метров в пятьдесят сделал два выстрела. От первого выстрела был разрушен угол дома, а второй выстрел был направлен точно в середину чердачного окна, откуда и вёл стрельбу Петя. И всё...

После того, как утром 29 числа, подошло подкрепление, я со своим товарищем смог вернуться и зайти в тот дом, который для Петра стал последним. Что я увидел, даже для меня это была жуткая картина...».

— Василий Каверзин больше ничего мне не рассказал и то, что я передал тебе от его имени, конечно не точно,

но я старался передать максимально точно. К счастью, память ему, Василию, при контузии не отшибло и ранение не в голову было, а в ногу, вот теперь хромой, как пират, но благо, что не на деревяшке и не без ноги. Прости, Лида, что не радостные новости. Но ты теперь всё знаешь и очень даже подробно. Если у меня и у тебя будут совпадать выходные, предлагаю тебе вместе сходить туда, это недалеко, на место гибели твоего... друга и моего товарища, — Гриша смотрел на Лиду с лицом виновника, как будто он совершил что-то предрассудительное.

— Да, Гриша! Спасибо тебе! Обязательно ходим, передашь через Лену, договоримся и ходим. Как раз сирень расцветёт полностью, я понесу Пете на место... — и только теперь Лида не сдержалась и разрыдалась, уже не стесняясь своих слёз.

Подошедшая с пакетом и бутылкой минеральной воды Лена, остановилась, как вкопанная, от резкого перепада настроения, если это так можно было назвать, подруги. Она быстро подбежала, отдала то, что было в руках Грише и присев на скамью рядом, бережно обняла и прижала к своей груди голову Лиды.

Изначально Лидии казалось, что когда наступит ясность и однозначное, без сомнений утверждение о судьбе её любимого человека, то на душе наступит сначала боль, а когда она постепенно уйдёт, то наступит относительный покой. Но проходили дни, а она никак не могла смириться даже с мыслью, что Петра больше нет и никогда не будет. Он приходил ей во снах, он улыбался шутил и даже пару раз поманил за собой, но каждый раз она резко просыпалась, и с учащённым дыханием, вскочив, что ошпаренная паром, сидела на краю кровати, осознавая, что это всего лишь сон. И было интересно, а там, куда он её звал, если бы хоть одним глазком подсмотреть — хорошо там или нет.

На работе все её жалея, успокаивали, что всё пройдёт, что нужно жить дальше, ведь жизнь не остановилась и это было лишь жизненное испытание, через которое нужно было пройти. Другие даже говори, что хорошо то, что он «обузу» не оставил тебе. Вот тогда бы хлебнула горюшка, с ребёнком-то в разы сложнее было бы. И работать надо и с малышом проблем не оберёшься — такими словами, желая успокоить девушки, неумышленно, конечно, но люди злили и раздражали ту, которая, наоборот, просила в своё время Господа, чтобы Он дал ей и будущему отцу ребёнка, но не судьба. Вот тогда бы она знала, ради чего живёт и для кого нужно жить.

В закроечную, где теперь работала Лида, забежала возбуждённая и радостная Лена. Увидев грустное и серьёзное лицо подруги, осеклась, быстро сняла с лица улыбку и придвинув стул к раскроечному столу, присела и, наклонив голову, попыталась заглянуть Лиде в глаза. Понимая, что если подруга даже на стул уселась, то не от нечего делать, а по делу, Лида отложила на край стола материал, лекало и ножницы, присела напротив и с кивком головой спросила:

— Что?

— Гриша интересовался, в это воскресенье ты сможешь пойти к тому месту... ну, куда договаривались. Что ответить?

— Сейчас, я у мастера спрошу. Пока разговора не было о рабочем дне. Я сейчас, — Лида резко поднялась и пошла в конторку, где находилась сменный мастер, Нина Васильевна.

Мастером была женщина пожилых лет, много лет проработавшая простой швейей, а после настройки производства на новом месте уже в Ростове, была назначена на вакантную должность, как одна из самых опытных работниц.

Выслушав Лиду, ответила просто и не двучечно:

— Точно будет известно только сегодня к концу смены. Но я тебя попрошу, ты сделай определённый запас заготовок, чтобы на полсмены хватило и тогда на полдня можешь рассчитывать по любому. Ты с утра хотела уйти?

— Мы ещё не..., — она не знала ещё когда, но понимая, что Нина Васильевна ждёт конкретики, без сомнений ответила, — да, Васильевна, с утра. Если можно, с утра и до обеда.

— Ну, вот и договорились. Если что, то я тебя на время могу подменить. Мне эти вещи и ночами скоро будут сниться. А может на вечер будет лучше?

— Да, нет, не нужно. Спасибо! — Лида шла на своё рабочее место и думала, что ей одеть.

У неё вся одежда весёлая, красочная, платья, блузки и юбки. А тут, наверное, нужна траурная одежда, что-то, если не чёрное, то тёмное и строгое. Ну, а косыночку чёрную нужно просто сшить из саржи или даже не шить, а найти лоскут в виде косынки.

Чтобы Лида пошла вместе с Гришей вдвоём, пусть и не на свидание, а по важному делу, пусть и не в вечернее время, а с утра, в 9 часов по договорённости, но без Лены — да это в принципе невозможно. Даже своей хорошей подруге, Лена доверить своего парня никак не могла. Время какое сейчас? Упустишь и всю жизнь потом старой девой слезами утираться, кто такого захочет — никто!

Девятое мая, как и предыдущее воскресенье было редко чудное, с той лишь разницей, что за неделю деревья сильнее зазеленели и сирень распустилась полностью. Гриша пришёл с огромным букетом сирени и на этот раз не стал его разделять на две части, а весь отдал Лиде.

Шли молча. Идти было не так и далеко, но и не совсем близко. Так как это место находилось в их районе,

но транспорт общественный, тем более в этом направлении не ходил, то прогуляться весенним утром было одним удовольствием. Шли по своей улице, затем по 19-линии, пересекая 1-ю Комсомольскую, 1-ю Пролетарскую, пока не вышли на пересечение с улицей 1-я Федоровская, на которой свернули влево и стали теперь уже пересекать линии. Было такое впечатление, что они, что землемеры, разбивают аккуратные по форме участки, кварталы, разделяю их на углах вешками и проводя линии, которыми стали улицами со своими историями.

Номера линий, пересекаемые молодыми людьми, имели тенденцию идти на увеличение: вот 21-я, 25-я, 33-я линии. И чем ближе были те, к которым они держали путь, тем учащённей стучало сердце, тем волнительнее становилось на душе. 35-я линия, а вот и 37-я линия, но где же этот дом. По логике, дом должен был быть фасадом размещён на север, туда, где смельчаков встречали, а вернее отступали под напором тех, кто освобождал от фашистской нечисти свой город, гитлеровцы. А значит, он должен располагаться на правой стороне по ходу и для того, чтобы было обзорнее видеть в перспективе дома впереди, Гриша с девушками двигались по левой стороне. Лида первая увидела дом, похожий по описаниям самого Григория, со слов его знакомого и сослуживца Петра, на тот самый, где произошла трагедия. Она остановилась, как замерев и стояла с протянутой в ту сторону рукой.

— Похоже, что это он, тот самый дом. Адрес совпадает, между 37-й и 39-й линиями, разбит, практически без фронта... да, точно, это он.

Ноги не слушали и, когда Лена заметила, что Лида отстала, подошла и взяв её под руку, увлекла неспеша за собой. Григорий шел, не глядя под ноги, его взгляд был устремлён в одну точку.

Напротив дома остановились и стояли около минуты молча. По всему было похоже, что сейчас в доме никто

не живёт. Во-первых, дом был сильно разрушен, во-вторых, не было ни окон, ни занавесок из чего-либо, вместо них, кругом копать и нет следов проживания людей.

— Пойдём?! — посмотрев вопросительно на Лиду, спросил Гриша.

Лида, не отвечая, молча двинулась к входу во двор первой. Дом был двухэтажный, с двумя подъездами и квартиры, расположенные в южной части дома были повреждены меньше и, по всей видимости были жилыми. Троица аккуратно вошла в ближний, северный подъезд. Кругом на лестничной площадке беспорядочно были разбросаны кирпичи, куски досок и другой материал, обрушенный, в результате взрывов. В потолке второго этажа зияла дыра. Поднялись на площадку 2-го этажа. Дверь правой квартиры была вынесена от взрыва и через дверной проём и комнаты, можно было через дыру в стене увидеть фасад дома на противоположной стороне улицы. Вторая квартира, расположенная прямо напротив лестничного пролёта, также пострадала сильно, что делалось в третьей квартире понять нельзя было, дверь была наглухо закрыта. На чердачное помещение можно было подняться по закреплённой к лутке лестницы. Проём лутки не был закрыт крышкой и также, через него можно было видеть лёгкие перистые облака на небе.

— Я загляну туда, — толи спросил, толи утвердительно сказал Гриша, показав на лаз в потолке на чердак.

Лида только вздёрнула плечами, не зная, что сказать, так как не могла знать, что там и стоит ли вообще то видеть. Она и сама хотела посмотреть на место гибели Пети, если это оно и одновременно боялась того же.

Гриша ещё немного помялся, переступая с ноги на ногу и медленно, прощупывая ступени начал подниматься вверх. Поднявшись на чердак, он стал ходить там взад-вперед, что отражалось звуками шагов и хрустом битого стекла, с шорохом развалин, скрипом нарушен-

ных деревянных соединений и движением его тени, пробивающейся через лаз лутки.

— Лида, тут довольно опасно ходить, но, если желаешь, то я помогу тебе взобраться и проведу по чердаку. Ты, как?

— Да, помоги. Я хочу посмотреть.

— Ты сирень или оставь, или бросай мне — я поймаю.

Лида дважды бросала букет, так как он рассыпался, пока Гриша не поймал все ветки сирени. Затем осторожно поднялась, где Гриша помог ей подняться на чердак. Там было пыльно, грязно и всё разворочено взрывами. В двух местах зияли дыры в потолке. Крыши, как таковой на этой стороне дома не было, только разбитые балки и стропила, а под ногами кучи битой черепицы.

Лида, осторожно пройдя между двумя дырами по оставшемуся перешейку, подошла почти вплотную к останкам фронтона и ахнув, присела.

— Что, Лида? Что случилось? — буквально перепрыгнув через потолочную прореху, оказавшись рядом, подхватил, сползающую на строительный мусор девушку.

— Вон! — указав рукой на искорёженные и расщеплённые, что лучины брусья, оставшиеся от фронтона, — видишь?! Это его, Петина кровь!

Гришка, повернул голову и правда, увидел на древесине засохшую вместе с пылью потемневшую кровь. Сомнения не было, что это была кровь и то, что эта кровь Петра, тоже сомневаться не приходилось. Всё сходилось с рассказом Василия Каверзина. Лида была растеряна, пребывала в некоторой прострации и ей необходимо было время, чтобы прийти в себя.

Внизу беспокоилась Лена и пытаясь увидеть, что там происходит наверху, металась по площадке, сбивая туфли о разбросанные повсюду куски кирпичей:

— Что там? Что вы нашли? Почему молчите?

Но говорить и тем более отвечать на этот неудобный вопрос не хотелось. Хотелось молчать. Это была «минута молчания» в честь любимого друга и товарища. И эта тишина разрывала душу, заволочла пеленой глаза и неизвестна, насколько бы растянулась эта минута, если бы не сердитый женский голос снизу, с подъезда первого этажа не привёл всех в сознание:

— Кто там, признавайтесь? Признавайтесь, иначе сейчас со всего квартала людей подниму, — не успокаивалась женщина, видимо представляя, что поймала диверсантов.

— Не нужно никого звать. Мы, свои. Лена, объясни женщине, кто мы. А мы сейчас спустимся вниз.

Лида поднесла и положила букет сирени на то место, где вел до конца свой последний бой человек, с кем она собиралась идти, хоть на край света, её ненаглядный Пётр Логвинов, её Петечка. Перекрестившись трижды и что-то прошептав беззвучно, повернулась к Грише и тихо сказала:

— Всё! Пошли.

В этот же день, чуть отойдя от того, что пришлось увидеть и испытать, Лида, села и написала домой, маме письмо, подружке Наде и отцу, хотя и не знала, дойдёт ли оно. На предыдущее он не ответил и где он, и что с ним она не знала.

Лида не знала и подумать не могла даже, где сейчас находится её брат Вася и сестрёнка Маша. И вообще ничего не знала, что сейчас дома. Только сейчас она поняла, что прошло уже полтора месяца, а она жила всё это время только одной мыслью, мыслью о Петре. Поняв это, она даже содрогнулась: «Как же так, я совсем забыло о родных, маме, отце, брате и сестре. А, ведь они тоже переживают и постоянно думают обо мне.

Этот день всё расставил по своим местам, и она больше не ходила, как тень с опущенной головой. Она для себя всё решила и уже завтра, не откладывая сделает то, что должна. Лида твёрдо решила, что её место сейчас не здесь. На её место найдут способную девушку из её же цеха, мастер немного подучит и от её ухода белый свет не станет чёрным. Она должна быть там, на фронте. Завтра с утра, Лида собралась идти в райком комсомола и проситься на фронт.

Там она сможет отмстить этим подонкам за смерть тысяч земляков, ростовчан, за разрушенную столицу Дона и тысячи сел, десятки городов, за него, за того, к кому она, как птица в клетке, стремилась все дни и ночи, будучи в эвакуации. И встреча состоялась, но не с ним, а с местом, где закончился жизненный путь патриота, комсомольца, молодого и красивого парня, её любимого человека, которого она хотела видеть в качестве мужа. Не судьба.

IV

После возвращения из эвакуации обкома комсомола, из г. Саратова, штат его отделов и служб, как и городского и районных комитетов ВЛКСМ изменился процентов на сорок. Многие комитетские работники были отправлены на фронт по распоряжению ЦК ВЛКСМ, для усиления агитационно-пропагандистской работы, в качестве активной помощи командирам, политработникам непосредственно в зонах боевых действий, на фронте, где около четверти всего личного состава бойцов составляли комсомольцы.

Когда Лида шла в Райком комсомола, то единственная мысль сверлила её разум — «как уговорить обновлён-

ное начальство отправить её на фронт и не просто, а чтобы на работе не было возражений, из-за директива или распоряжения „сверху“, которое обсуждать и тем более отменять принято не было — себе же дороже». Но все сомнения были напрасны, так как новое начальство в большей степени интересовали также директивы «сверху», но уже ЦК ВЛКСМ и вышестоящих органов ВКП (б). Это только через полтора месяца, а точнее 26 июня 1943 года было принято постановление Совета народных комиссаров СССР «О первоочередных мероприятиях по восстановлению хозяйства города Ростова-на-Дону и Ростовской области». И, будь это постановление сейчас на столе даже не первого секретаря Райкома комсомола, а руководителя даже низшего ранга, как секретаря комитета завода или той же швейной фабрики и прошение Лиды было бы безоговорочно отклонено, с формулировкой о «необходимости восстановления инфраструктуры освобожденного города и оказание помощи фронту продукцией тыла».

Но случилось так, как случилось. Второй секретарь, молодой мужчина в военной форме и с наградами на груди, явно успевший «понюхать порох» на фронте и, скорее всего, имеющий ранения и контузии, приняв заявление, прочёл и улыбаясь произнёс:

— Похвально! Очень похвально, что комсомолка и не рядовая, а секретарь комсомола швейного цеха, показывает пример патриотизма и марксистско-ленинской сознательности, с пониманием настоящего, тяжелого положения на фронтах, изъявила желание идти на фронт. Очень хорошо, Лидия... — взяв снова в руки заявление со стола и уточнив, добавил, — ах, да, извините, Петровна!

Снова опустив бумагу на стол, прошел вдоль столов и остановившись у окна с оклеенными крест на крест бумагой стёкол, не поворачиваясь продолжил:

— Сейчас уже не то время, когда мы впопыхах собирали народное ополчение и необученные и малообученные ополченцы гибли в первом или во втором бою. Тем более девушки, которые должны рожать ещё Родине сынов, нет, не на фронт, пока не на фронт. Мы ведём набор девушек на ускоренные курсы медицинских сестёр и медсестричек, а также набираем курсы зенитчиков-артиллеристов. Медиков готовят у нас в Ростове, зенитчиков в Батайске. Если вы не передумали, то можете подумать и прийти с решением.

— Я уже решила. Я хочу лично уничтожать фашистов, я хочу быть зенитчицей.

— Вы уверены?

— Да, уверена, как никогда ранее. Вы верно сказали, что необходимо личным примером...

— Хорошо. Убедительно. Я напишу вам на работу письмо, чтобы у вас не было проволочек с расчётом. Сейчас дам указание о снятии вас с учёта. Билет с вами? Хорошо. Напишите заявление и вот ваш будущий адрес приписки, училища в Батайске. Идите к секретарше она напечатает направление, я подпишу и в добрый путь, Лидия Петровна.

— Спасибо вам, Сергей Георгиевич!

— Да мне-то не за что. Не на курорты путёвки выдаю — на фронт, под ружьё. Я бы и сам снова пошёл, но... — секретарь не стал уточнять причину, да и понятно — это личное, зачем знать молодой девушке, тем более что она готова, рвётся буквально туда, откуда он недавно вернулся, по заключению военной медицинской комиссии.

Лида пришла в цех в приподнятом настроении. Никто не мог даже близко угадать причину изменения настроения девушки. Это было что-то невероятное: она ещё вчера падала в обморок, под действием тяжёлых ду-

шевных переживаний, а сегодня... Кто-то, даже предположил, шушукаясь с подругами, «а не сошла ли она с ума, случаем?».

— Девчонки, сегодня я устраиваю «сабантуй» по случаю моего отъезда. Придѣте?! Застолье богатое, сами понимаете, предложить не смогу, но чаю попѣем точно и девичьи страдания затянем во все голоса.

— Да, что случилось? Домой уезжаешь? — первой не сдержалась Варька-доярка, так её в шутку среди своих называли девчонки швейного цеха, из-за её излишней пышности и того, что она с 16 лет успела в колхозе поработать дояркой и часто вспоминала работу и даже своих бурѣнок, которых она величала по именем, т.е. кличкам.

— Нет, не домой. Я даже маме письмо напишу уже от туда, чтобы адрес указать.

— Лидка! Ты на фронт собралась?! — не узнавая свою подругу, из-за скрытности, удивилась Лена, — ну ты даёшь!

— Да, нет же, Ленуся! Я в Батайск уезжаю, на зенитчицу буду учиться. А потом, конечно, на фронт.

Наступила гробовая тишина, от которой даже в дальних углах замолчали, перестав «стрекотать» челноками швейные машины, все замерли и с удивлением смотрели на Лиду.

— А, чѣ, правильно, Лидка! Я тоже пойду. Меня возьмут, а, Лид? — заглядывая в глаза Лиде, чтобы понять — не разыгрывает ли она всех, высказалась Варька.

— Нет, Варя, не возьмут, — с гиканьем, за Лиду ответила Надежда, женщина лет сорока, которая раньше отличалась серьёзностью и дисциплинированностью и не только в работе, но и в общении, — не берут доярок в армию, у них «броня». Кто же будет фронту молоко поставлять?

До этого серьёзные и настороженные девчата, закатились дружным смехом, а Варя, покраснев, отвернулась, со словами:

— Да, ну вас!

Вечер действительно был с чаепитием и грустный, а грусть часто переходила в слёзы. И эти слёзы совсем не означали, что девчата, в прямом смысле до слёз переживают за Лиду, а каждый в эти минуты думал о своём и почти у каждой был повод для грусти и для скорби. Какое было время? Время военное, фронт рядом и каждый день, почтальоны, передавая людям похоронки, принимали на себя часть чужой боли, тем самым разделяя её, думая, что получившим письма в виде треугольников, с незнакомым почерком, будет от того легче.

Так вот и сейчас, девчата не хотели показывать того, что они переживают и это почти тоже, что обычная командировка, как до войны и ничего в этом опасного нет, но это до тех пор, пока кто-то первым невзначай пустит слезу и пошла «цепная реакция».

А когда компания совсем «раскисла», Лена, резко оборвала все причитания и ненадлежащее, для поддержания нужного настроения Лиде, перед дорогой:

— Хватит ныть! Значит, так: все слёзы в карманы и разошлись по углам-клозетам. Лиде нужно вещи свои сложить, чтоб завтра запарки не было. Сказано же было, что не на войну, не на фронт уезжает наш комсорг. Мнесто, надеюсь письма писать будет, а я то, что можно, вам буду на работе зачитывать. Идёт?

— Вот кого нужно вместо Лиды комсоргом выбрать, — серьёзно заключила Лиза, рыжеволосая, молодая девушка, с двумя, торчащими из-под косынки хвостиками-косичками, недавно подселённая в комнату Лиды с Леной и отсутствующей сейчас, работающей во вторую смену Татьяной.

— Ну этот вопрос мы обсудим позже, на комсомольском собрании, а второй кандидатурой будешь ты, да? — полушутя, но серьёзным тоном ответила ей Лена.

— А, чё, я? Нет, я не смогу. У меня опыта нет, я не справлюсь!

— Партия комсомолу скажет — надо! А комсомол ответит — есть! — уже с улыбкой, подмигнув растерянной Лизе, девизом ответила Ленка и продолжила, — «не умешь — начат, не хочешь — заставят!».

— Извините, девчонки, что такие проводы получились! И Лена права, мне нужно собраться и попробовать выспаться в гражданском общежитии, перед военной казармой.

Батайская школа подготовки зенитчиков-артиллеристов располагалась на юго-восточной окраине города, где ранее с 1931 года размещалась 1-я авиационная школа Гражданского Воздушного Флота СССР им. П. И. Баранова, а с 1939 года передислоцировалась на обжитую и обустроенную территорию Читинская авиационная школа, переименованная в Батайскую авиационную школу летчиков им. А. К. Серова. С октября 1941 года, школа эвакуировалась в г. Евлах Азербайджанской ССР.

Конечно, не все учебные здания и казармы были полностью пригодны для учебного и тренировочного процесса, но за три-четыре месяца приведены были в надлежащее состояние. Для некоторых окончательный косметических работ даже привлекались девушки-курсанты, имеющие навыки выполнения шпаклёвочных, побелочных и покрасочных работ. Эти работы они выполняли, без отрыва от занятий по военной специальности и основных дисциплин, а за счёт строевой подготовки и отрыва от других общехозяйственных и уборочных работ.

Условия обучения и коммунальные условия в казармах были сносные, но без особого учёта на женский контингент. Конечно, для войны не бывает скидок и немецкие бомбардировщики, летящие бомбить тот же Ростов,

с аэродрома, расположенном в г. Таганроге, не будет сверху девушкам, вместо бомб розы и ромашки, а в ответ должны получить не воздушные поцелуи девушек-зенитчиц, а «пощёчины» из автоматических зенитных орудий и пулёмтных расчётов.

Как часто напоминал командир учебной роты, особенно в первые дни учёбы, делая замечание:

«Вы там, на гражданке были девушками, а здесь вы, со дня принятия присяги становитесь бойцами нашей славной Красной Армии, красноармейцами. А стало быть, Уставы, написанные без учёта, что вы носите, юбки или брюки, для всех едины и исполнять их должны беспрекословно все, перенося тяготы службы. Да и бельё женского того не предусмотрено, с подтяжками и рюшечками...».

Конечно же, условия проживания в казарме, несколько отличались от тех, что были в общежитии, но в сравнении с временем до войны, а сейчас совсем незначительно. Так как все курсантки школы в большей или меньшей степени испытали и оккупацию, и проживание без удобств, и бомбоубежища, и подвалы, а порой и унижения, проявляемые в самых разных видах, вплоть до насилия.

Лиде учёба давалась легко. Руководство школы, бесспорно, узнав о выполнении её обязанностей комсорга, тут воспользовались этим и без возражений, единогласно была избрана комсоргом учебного взвода зенитчиков ствольной артиллерии.

Пришлось привыкать всем к наматыванию портянок, умыванию и купанию в холодной воде. С духом закалялось тело, что для многих уже давно было делом привычным за два года войны.

Хоть и весна вступила в свои права, только это замечать девушкам было некогда. Личная жизнь, если это можно так назвать сводилась к двум часам приведения

себя в надлежащий порядок и времени, для написания писем домой или подругам, а у кого был — любимому человеку или проще говоря, парню, с кем были в своё время встречи и даже определённые планы на совместную семейную жизнь. Было во взводе человек пять молодых женщин, у которых были зарегистрированные браки, но детьми ещё обзавестись пока не успели. И у двоих из них уже точно от тех, кто никогда уже не сможет носить почётное звание отец, никогда детей не будет по понятной причине — они погибли, защищая Родину.

— Взвод, приготовиться к построению, — скомандовал заместитель командира взвода курсантов-зенитчиков, после заправки коек, принятие водных процедур и одевания, старший сержант Гордиенко.

Движения девушек, хоть и были, на первый взгляд хаотичными, но имели рациональные траектории движения и с каждым днём всё больше напоминали организованные потоки, без излишних столкновений и неразберихи.

— Взвод, в две шеренги, по отделениям — становись! — указав левой рукой направление построения взвода скомандовал заместитель командира.

Девушки быстро и по ранжиру выстроились, справа на лево, по отделениям. Было слышно слабое шушукание и шорканье подошвы сапог о давно требующих покраски полов. Вошёл командир взвода, лейтенант Колесов.

— Равняйся, смирно! — скомандовал сержант и строевым шагом, вытянув и без того длинные пальцы правой руки, прислонив их к пилотке, с прижатой к правому бедру левой руки, с левой, высоко поднятой ноги, направился с докладом к командиру, — товарищ лейтенант, взвод, для перехода в столовую построен. Замкомвзвода, старший сержант Гордиенко.

— Здравствуйте, товарищи курсанты! — громко и зычно поздоровался командир взвода.

— Здравия желаем, товарищ лейтенант! — дружно и синхронно, в унисон произнесли приветствие курсанты.

Лейтенант, чернявый молодой офицер, с аккуратными усиками, которые он отпустил перед самым открытием занятий в школе, чтобы выглядеть солидней, отдавая честь, в отличие от сержанта, держал свою ладонь как-то смешно, «крышей домика», медленно обвёл, с важным видом строй взвода, от командира первого отделения, курсанта Шлыковой, до заключающего строй, ставшего после доклада на левый фланг, старшего сержанта Гордиенко и так же громко отдал приказ:

— Вольно!

— Вольно! — продублировал приказ замкомвзвода.

— Отправляйте взвод в столовую, — непривычно тихо, заложив руки за спину, отдал приказание своему заместителю лейтенант.

— Есть! — чётко ответил, козырнув, сержант и подал команду взводу, — напра-во! Для построения на улице, с левой колонны, по одному, бегом — марш!

Пайки, хоть и были, если сравнивать с тем, как могли позволить себе питаться, обеспеченные работой городские жители, чуть поскуднее, как шутили девушки — «диетные, дабы фигурки не испортить», но по существующим нормативам, а кто-то из девчат и такой еды долгое время не видели. После завтрака, взводы, представляющие заодно и учебные группы по различным военным специальностям, разводились по учебным классам или на полигон.

Была здесь и спортплощадка, и полоса препятствий, и завешенные маскировочными сетками самолёты, в виде образцов отечественные и вражеские и в виде макетов.

В школе, кроме бойцов зенитно-артиллерийских расчётов, обучали также и специалистов зенитно-пулемётных и прожекторных расчётов. Конечно, каждые выполняли свои конкретные задачи и без любого звена в цепочке ПВО, невозможно было защитить небо над городами, объектами или аэродромами от посягательств незваных летунов, с крестами на крыльях. Но, всё же было негласное, а иногда даже открытое, в спорах между представительницами разных учебных групп, мнение, что самым престижным, «королевским» в системе противовоздушной обороне, является зенитная артиллерия.

Практические занятия проводились по отделениям. Курсанты первого отделения взвода курсантов, окружили зенитное орудие плотным кольцом. Майор Анищенко, преподаватель по материальной части и вооружению, объяснял устройство зенитных орудий непосредственно на полигоне. Как он, так и другие преподаватели часто называли по привычке подразделения курсантов так: отделения — расчётами; взвод, в свою очередь — батареей. И это было понятно, потому что преподаватели некогда были командирами действующей армии, лишь некоторые из них, как и в руководстве учебной школы, присутствовали и штатные преподаватели артиллерийских училищ, в основном Ростовского артиллерийского училища.

Майор, опытный артиллерист, сорокалетнего возраста, проводил объяснение с демонстрацией составных частей с помощью указки, вырезанной из молодого побега ясенелистного клёна. Иногда гибкий конец указки опускался на береты курсанток, чтобы привлечь к объяснению практического учебного материала внимание. Больше всех доставалось указкой вертлявой Кате Горбатенко. Из-за своей вертлявости её майор прозвал Вертлюга, и это прозвище прижилось, хотя тогда ещё никто из подруг не знал, что конкретно имел ввиду преподаватель.

— Перед вами серьёзная артиллерийская установка. Это 76-мм зенитная пушка образца 1938 года. Она состоит из: ствола с затвором, — майор провёл указкой от затвора и до тех пор, пока позволяла сама указка и то, что он вытянулся в струну, желая дотянуться до окончания ствола, длина которого 3,5 метра и оттого стало всем смешно, но не обращая внимание, майор опустился на каблуки из состояния «взлёта», продолжил, — люльки с противооткатными устройствами, но не детской, в которых всех нас мамы укачивали, а смотрите, как она устроена, вот... а это вертлюга с механизмами наводки... — одновременно, майор хлестнул легонько Катю Вертлюгу по тому месту, на какое она присаживается на занятиях в классе.

Катя в это время, отвлѣкшись, в очередной раз от объяснений преподавателя, проводила собственные «исследования» зенитного орудия, низко нагнувшись над заинтересовавшей её деталью и оттого юбка очень хорошо облегла её аппетитный, как сказал бы, даже не бабник, зад.

— Ой! О-ё-ёй! — взвизгнула Катя, выпрямляясь и одновременно уходя в сторону, споткнулась о поворотный кронштейн домкрата платформы и завалилась через неё да так, что не успела выставить руки вперѣд, «клюнув» носом в землю и задрав ноги, зависшие на платформе.

Такого хохота, какой разразился на полигоне и привлекшего к себе не только учебные расчѣты других отделений, но и тех, кто был в помещениях и моментально прильнувших к окнам.

Майор испугался, бросился поднимать неподвижно лежащую курсантку, которая рыдала и не спешила подниматься, по зацепившись карманом галифе за торчащую рукоятку винта бокового домкрата, сделал, как по команде «кру-гом», кульбит и рухнул сверху на Вертлюгу. Вот теперь каждая, из курсанток, боясь получить

от майора взыскание, давясь смехом и слезами одновременно, не знали, что и делать. В строевом Уставе по поведению в подобных ситуациях подчинённых, по отношению к командиру нет.

— Разрешите, товарищ майор? — Лида, подойдя к офицеру, неловко лежащем на спине поперёк курсантки, протянула ему руку.

Чуть помешкав, майор протянул руку. Лида, выполнив стойку, с широко расставленными ногами и сделал упор на переднюю ногу, сделала резкий рывок, с одновременным отталкиванием упорной ногой. Получилось всё так быстро и неожиданно для всех, как в цирковом номере. Майор, сначала сползал с «горки», по которой он перед этим прошёлся указкой, как хлыстом, затем он упёрся своими сапогами в выставленную Лидой на упор ногу, скольжение прекратилось и пошёл стремительный подъём «ванькой-встанькой». Он был такой стремительный, что оба не ожидали и не поняли, как оказались стоять рядом и... в обнимку. В этом больше всего была виновата Лида, подхватив командира, когда ему не хватило, если говорить геометрическими терминами, то градусов пяти до вертикального состояния.

Когда шокковые моменты стеснения и неловкости прошли, а пришедший в себя майор, выполнил то, что собирался сделать изначально, Лида, глядя на стоящих рядом командира и курсантку, перед которой он в первую очередь виновен, не сдержалось и забыв о субординации, ляпнула:

— Ну теперь, вы, товарищ майор, обязаны будете жениться на Вертляге. Иначе, никак!

— Да, как же, я-то и женат давно и... — растерявшись изначально, под раскатистый хохот девушек, но включив чувство юмора, присоединился к всеобщему смеху.

И после этого случая, Катя перестала быть Вертлягой, её стали звать Майорша. Да и практически все девушки

имели прозвища, которые прилипали, как выстрелы полуавтоматического зенитного орудия 52К, модернизированной пушки калибра 76 мм на 85 и некоторыми другими изменениями, и прицельным приспособления пушки позволяющим вести огонь по воздушным целям как с использованием прибора управления артиллерийским зенитным огнем (ПУАЗО), так и тез него.

Кстати, прозвище ПУАЗО имела самая пышная девушка во взводе, по понятным причинам созвучия с названием добротности этой части тела, мягко говоря, грубо выражаясь. К Лиде, после этого казусного случая на некоторое время пристало прозвище Сваха, но продержалось недолго, и основная причина была в том, что она на него никак не реагировала. А вот, созвучное с именем Лидия — Лилия, продержалось долго, так как отражало её красоту, стройность и независимость.

И, понятное дело, что комвзвода, Виктор Колесов, постоянно подыскивал момент, чтобы соблазнить девушки или, как говориться, надёжно «подбить клинья». И это при том, что даже не одна девушка, а многие из его подчинённых, всячески пытались обратить на себя внимание и тем самым завоевать особое отношение и возможные льготы, если получится их заслужить. Но тщетно.

Как-то вызвав к себе Лидию, по поводу обсуждения её общественной должности комсорга, хотя это направление всегда было в приоритете замполитов. Но приказ, есть приказ и выслушав неконкретную, сбивчивую речь лейтенанта, с блестящими, просто съедающими девушку «без гарнира», но используя «соус» заигрывающего любовного лексикона, который больше подходил к знакомству где-то в парке, в местах культурного отдыха населения и в мирное время, а не в кабинете, где один — командир, а второй, вернее вторая — подчинённая.

Его намёки были настолько откровенны, что никакого другого смысла в слова и придумать нельзя было, даже имея буйную фантазию да он и не скрывал намерения. И когда Лида заметно начала нервничать, что не стало незамеченным молодому ловеласу, лейтенант подошёл к Лиде ближе, чем подобает того Устав ВЛКСМ и товарищеские отношения, даже не отношения начальника — подчинённого и сказал открыто:

— Лида, можно так называть тебя?

— Извините, товарищ лейтенант, я курсант Домашенко.

— Да, конечно, курсант Домашенко! Но я хочу, чтобы вы... чтобы ты стала моей... моей боевой подругой, любимой боевой подругой. Конечно же, ты будешь иметь то, что непозволительно другим в наших условиях учебной школы и военного времени. Только дай согласие и увидишь, как изменится твоя цветущая девичья жизнь, хоть и не в гражданских условиях. А затем я походатайствую, чтобы, после окончания курсов, тебя оставили при моём взводе замкомвзвода, это реально. Соглашайся...

Лида, высвободила рывком руку, которую лейтенант пытался взять в свою цепкую «клешню» и сделала шаг назад и спокойно обратилась к теряющему самообладание командиру:

— Товарищ лейтенант, я думаю, что вы будете против того, чтобы я, в нарушение Устава, перешла к неуставным отношениям. Разве не так, товарищ лейтенант?

— Ну, да! Только могут быть, в данном случае и исключения, если принять во внимание обоюдное желание...

— Желание получить пощёчину?! — громче обычного спросила или предложила Лида, смотря, не мигая, в глаза потенциального благодетеля, с еле заметной ухмылкой и добавила, — разрешите идти?

Не дожидаясь разрешения, выполнила команду «кругом», шёлкнув громко каблуками и направилась строевым шагом к двери, при этом пожалев, что до двери получилось сделать только три шага, а хотелось продлить этот вид, показавшего «корму», удаляющегося счастья или, точнее сказать, объекта увлечения.

После этого, служба Лиды изменилась и не в лучшую сторону. Но разве могли испугать трудности, когда на кону стояла честь? Конечно же, нет! Видимо, Виктор Колесов, дал указания и замкомвзвода, чтобы и тот в свою очередь обратил особое внимание на непокорную курсантку. Неизвестно, что он мог наговорить, но Лида чаще других стала привлекаться к несению вахты и выполнять различные разовые, порой утомительные, даже в чём-то унижительные поручения и задания.

Девушки, они столь проницательны, что не могли не заметить этих изменений во взводе, хотя Лида ни с кем не делилась случившимся инцидентом. Всё чаще, даже примерные курсантки, оказывали неповиновение командиру, если видели в его приказах признаки «перебора» и злоупотребления должностными правами. Тем самым они стали невольно или умышленно помощниками Лиды в тех работах, которые были назначены в качестве наказания, для «исправления», только непонятно было, кого нужно в большей степени исправлять.

И очень скоро, поняв, что во взводе зреет «бунт», лейтенант пошёл на попятную. Девушки стали замечать, что на его соблазны повелась красotka из второго расчёта, Наташа. И не прошло недели, как во время девичьих шушуканий, слышалось прозвище Наталка-давалка.

Занятие по изучению материальной части сменялись изучением мероприятий и поведения личного состава по гражданской обороне, строевой подготовке, тактическими занятиями и занятиями на полигоне. Памятными, запоминающимися на всю жизнь, какой бы она не была,

ведь этого никто из них не знал, стали первые учебные стрельбы.

Изначально, это были стрельбы на полигоне по приподнятыми на вышках моделям вражеских самолётов, имитирующий налёт на низкой высоте. Штатное расписание в различных расчётах было разное и потому приходилось отрабатывать действия от заряжающего до командира расчёта.

Первая стрельба проводилась на зенитно-пулеметной установке, сконструированной на базе пулемета системы «Максим», калибром 7,62 мм. Установка представляла собой треногу, соединенную с пулеметом с помощью вертлюга и её было очень легко управлять.

После стрельб на счетверённых зенитно-пулемётных установках на базе пулемётов «Максим», стрельбы производились на строенных зенитных установках пулемётов ДШК, калибром 12,7 мм.

К малокалиберной зенитной артиллерии относили также и более сложные или серьёзные установки с калибром до 40 мм. К таковым относилась, стоявшая на вооружении зенитное орудие калибром 37 мм.

Изучались и отрабатывались стрельбы из пушек среднекалиберная зенитной артиллерии (СЗА) с орудиями калибра 76 мм — для борьбы с бомбардировщиками и разведчиками-корректировщиками на высотах от 1000 до 4000 м, а с разведчиками и истребителями — на высотах до 5000 м. Оборонная промышленность начала выпускать модернизированные орудия калибром 76 мм, увеличив калибр до 85 мм и эта зенитная артиллерия, относящаяся к категории крупнокалиберной, позволяла сбивать воздушные цели на высотах более 5000 м.

Очень часто вечерами, после отбоя, девушки могли наблюдать через чуть отодвинутыми светозащитными шторами, за работой прожекторов в небе над Батайском, а иногда и работой зенитной артиллерии, когда немецкие

бомбардировщики, обойдя систему ПВО, защищающих г. Ростов по Таганрогскому заливу, заходили бомбить со стороны Азова военный аэродром, расположенный по соседству. И какое было счастье с восторженными выкриками, если объятый пламенем фашистский самолёт падал где-нибудь на окраине Батайска или в камыши на левобережье Дона, между Ростовом и Батайском.

После полутора-двух месяцев учёбы, курсантов направляли стажёрами в действующие зенитно-артиллерийские расчёты, выполняющие защиту аэродрома. У девушек расширялись глаза, когда они слышали рассказы зенитчиц действующих подразделений ПВО, даже вчерашних выпускниц той-же школы, как они сбили первый бомбардировщик фирмы Dornier (Do-17 или Do-215), Junkers, Messerschmitt (Me-110, Me-210A) или «Heinkel» различных моделей и модификаций. А кто-то хвастливо рассказывал о своём боевом опыте ведения сражения с истребителем-штурмовиком, производства «Focke-Wulf Flugzeugbau AG».

И оснований не верить не было, шла война, происходили бомбежки и авианалёты штурмовиков противника. А Батайск привлекал немецкую авиацию ещё и тем, что он был самым крупным железнодорожным узлом на юге страны, именно Батайск, а не Ростов. Здесь формировались эшелоны и приходили не грузы, которые были предназначены для фронта. А фронт стоял, если по прямой, то всего в 60 км до его самой южной точки, с Самбек, что под Таганрогом. А потому, немецкие самолеты беспокоили объекты Ростова и Батайска, а эскадрильи Красной Армии из того же Батайска выполняли боевые вылеты на линию Миус-фронта.

И после таких практический занятий в качестве стажёра или даже бойца зенитного расчёта было столько эмоциональных рассказов, с горящими глазами. Девушки впервые почувствовали не со стороны, а непосред-

ственно участвуя в слаженной работе расчёта, что такое боевая сплочённость и слаженность действий.

Дорогого стоило и то, когда курсантка, при обнаружении целей, используя стереоскопический зенитный дальномер, давала точные параметры и координата цели, получала благодарность от командира расчёта, на счету которого уже, как минимум был один вражеских самолёт. И каждой хотелось, чтобы в результате её умелых действий, был сбит её первый, но не последний вражеский самолёт.

Их ускоренный выпуск намечался на конец июля или начало августа. Сколько ещё этим, в большинстве своём, хрупким девушкам выпадет военных будней и бессонных ночей, обеспечивая мирный сон граждан и целостность военных и гражданских объектов, никто, конечно, знать не мог. И тут в мыслях сталкивались два противоречия: во-первых, хотелось, чтобы быстрее закончилась война; во-вторых, было неудержимое желание — бить, бить и бить немцев, в небе и на земле, до последнего фашиста, оплачивая им за погибших родных, за слёзы матерей, за разрушений сёл и городов, разрушение жизненных планов и девичьей мечты — быть любимой и счастливой, печь хлеб и рожать детей.

V

Политические занятия проводил капитан Смоляков, исполнявший обязанности замполита учебной роты. Замполит, не отличавшийся идеальной строевой выправкой, в отличие от того же заместителя начальника военной школы по строевой части, подтянутого и всегда опрятно, по-щегоольски одетого и выглаженного, майора Кириленко. А со слов тех, кому посчастливилось видеть

жену майора, старшего лейтенанта медицинской службы, единогласно подтверждали то, что женщина — красавица и даже в медицинском халате, не говоря уже о том, когда она одевала красивые лёгкие летние платья и туфли на каблучках. Звали военного медика и преподавателя курсов медицинских сестёр и меддружиц Ксенией Вячеславовной.

И не только весь мужской контингент школы любовался этой красивой и очень тактичной молодой женщиной, но и девушки-курсанты, когда доводилось увидеть её на территории военного городка. Здесь, кроме офицерского состава школы подготовки военных специалистов, проживали и офицеры лётной эскадрильи. Каждой хотелось когда-нибудь одеть такие красивые наряды, какие после службы могла позволить себе одеть женщина и не только, для выхода в город, но и при вечерней прогулке по городку, когда спадала июльская жара.

Говорили, что её отец, очень знаменитый и известный учёный-хирург в Ростове и не только, профессор медицинского института. И сейчас самые сложные операции, когда другие врачи бессильно разводят руками, не берутся за операции, он выполнял их, совершая невероятное возвращение военных, буквально, с того света.

Капитан Смоляков, хоть и был женат, но его жена, в отличие от супруги майора Кириленко, была обыкновенной и простой женщиной. Она могла напечь сама, если была такая возможность пирожков с картошкой и когда муж собирался на службу, всучивала ему большей свёрток из упаковочной бумаги и сверху умотанное и увязанное, как узел или котомка.

— Сеня, возьми! Сам покушаешь и девочек угостишь. Они горячими долго будут.

— Машенька, как ты это представляешь? Во-первых, у них строгий военный распорядок, а во-вторых, они — не девочки, а уже приняли присягу и являются

красноармейцами, бойцами зенитно-артиллерийских расчётов.

— Сеня, а что бойцы кушать не хотят? Или у них перекуров не бывает. Вот, пока у тебя будет перекур, ты им раздай и они, вместе табачного дыма, отведают моей стряпни. Ну, уважь же ты мне, а? Вот представь, что вот так же нашего сыночка где-то там на фронте кто-то угостит. А?!

— Вот можешь ты, Маруся, мне на «мозоль» надавить. Давай уже, стряпуха!

Мария Захаровна, довольно вручала мужу в свободную руку узелок:

— Да смотри мне, обязательно раздай. Я проверю.

Начались занятия, дежурная рапортовала вошедшему преподавателю по Уставу, доложив сколько присутствует, кто на вахте и в санчасти.

— Вольно! — скомандовал Семён Семёнович, — садитесь.

Курсанты, в лице девушек очень любили этого простого и душевного человека, за его простоту, без мудрёности и излишней идеологической напыщенности, донести то важное, что происходит в мире, на фронтах и всегда практически, даже когда сообщал о новостях, которые вызывали скорбные эмоции, всегда старался найти хоть маленький позитив, чтоб разбавить горечь сладеньким. И даже, если этого сделать не получалось, девушки оценивали высоко его попытку и были за это благодарны.

— Я хочу прежде, чем рассказать, как изменилось положение на фронтах и каких успехов добились наша Красная Армия, о положении на нашем Южном фронте, я хочу спросить вас: вы могли бы без раздумий умереть за Родину, за свой город, за клочок, пядь русской земли?

Наступила тишина. Никто и представить себе не мог, что придётся отвечать, и отвечать правдиво и не пафосно человеку, которого уважали и обмануть не имели права. Одно дело, когда бы этот вопрос был задан тем, кто пожить успел изрядно, детей нажили и внуков на руках подержали, другое, когда многие из девушек и целоваться-то не научились, а те, кто вообще ещё ни разу не целовались, даже признаться в этом не могли.

И всё же нашлась самая смелая, а может быть и смышлёная девушка, желающая выделиться перед остальными. Это была Полина Картавина, которая, попросив слово, представилась и ответила:

— Конечно, да! Это святой наш долг — защита Отечества. Когда Родина в опасности, то нужно защищать её, не щадя крови и самой жизни.

— Хорошо, курсантка Картавина. Садитесь.

— Разрешите ответить, товарищ капитан, — подняв руку спросила Лидия.

— Да, конечно, можно. Нужно даже, курсантка Домашенко. Прошу!

— Спасибо, товарищ капитан. Я считаю, что в случае такой ситуации, у человека, мысль, которая и так считается самой быстрой, из всего, что нам пока известно в мире, будет работать ещё быстрее. У человека вся жизнь может пронестись перед глазами. Все негативное сложится на одну чашу весов, а все позитивное на другую. Если негатив перевесит, то человек не раздумывая шагнёт навстречу смерти и пройдя через границу миров, войдёт в бессмертие, где все его прошлые грехи и прегрешения спишутся этим поступком. Но он должен был максимально взвешенным, а не суицидом, когда имеются другие варианты.

— Лилия, ну ты даёшь! Твой отец, случаем, не Кант? — усмехнулась язвительно, Картавина, видя то, что её пламенная речь бледнеет всё сильнее, перед ответом Лиды.

Лида не обратила на это внимание, лишь дав высказаться девушке, хоть и без разрешения на это. Преподаватель на этот раз не стал делать замечание на несдержанность и положения Устава, а лишь сказал:

— Продолжайте, Домашенко, если у Вас есть ещё, что сказать по существу вопроса.

— Спасибо! Случись мне попасть в такое ситуацию, то здесь важно действовать без паники и горячности. Если вновь воспользоваться весами оценки недолгой жизни, то у меня, до некоторого времени, счастливых моментов было в разы больше, но и случилось трагическое событие, которое сильно потянуло на себя чашу. И несмотря на это, я люблю жизнь. И только тогда, когда я пойму, что другой выход есть, но он позорный, что в лучшем случае меня убьют, а в худшем будут пытаться и, упаси, Боже, насиловать, я приму однозначное решение, но осмысленно, а не так, как вы высказались в вопросе — «без раздумий умереть за Родину». Я отдам жизнь обдуманно и осознанно, без истеричности, осмыслив холодным разумом. И отвечу курсантке Картавиной: мой отец — не философ, не учитель и не руководящий работник. Мой отец — сапожник, а образование его — 4 класса, а остальные университеты он познавал, срывая мозоли на руках. Он на фронте и, надеюсь, что мне за него краснеть не придётся, как и ему за меня. Курсантка Домашенко ответ закончила.

— Садитесь. Есть ещё другое мнение? Нет?! Тогда я вам расскажу одну историю, а вы сами решите, кто были те, о ком расскажу: герои или безумцы. Возможно, что кто-то из преподавателей школы мог вам привести итоговый эпизод этой истории. Я же очень хорошо лично знал всех её героев по роду занимаемой должности замполита в школе ПВО, так как, кроме документов с автобиографиями, имел личные беседы с каждой из них. А они делились со мною своим личным, тем, что

было позволительно. Возможно, что вы встречали этих девушек где-то на улицах Ростова до войны или встречали также, как они рассвет на набережной Дона непосредственно в день начала войны. Девушки, учившиеся в одной школе и живущие на одной улице, с началом войны решили уйти на фронт добровольцами. Судя по вашему оживлению, многие из вас попали сюда так же, как они. Их звали: Катя, Надя, Настя Роза, и Света. На фронт их не отправили, как они думали, а направили в школу ПВО. Смирившись с тем, что не сразу и Москва строилась, тушили «зажигалки» на крышах домов, учились вести огонь из зенитных орудий и умению оказывать первую помощь раненым бойцам. Четверо из них сдали нормативы и получили почётное звание «Ворошиловский стрелок», кроме самой маленькой по росту — Насти, которая, зато первой получила знак «Санинструктора». У них были парни, большинство из которых ушли добровольцами на фронт. Первой сообщение о гибели симпатичного парня, армянина из Нахичевани, которого звали Карен, получила Роза, с которым она не просто дружила. Он пал в боях в Смоленской области. Он погиб, пытаясь спасти, вытаскивая из-под обстрела своего боевого товарища. Долгое время на Розе не было лица от слёз. Не прошло и месяца, как Надя узнаёт о гибели своего парня. Серёжка, друг и одноклассник Кати, приписал себе год и сложил свою голову также в осенне-зимнем противостоянии на Миус-фронте, под Таганрогом. После этого, подружки, осмыслив происходящее и что «слезами горю не поможешь», поклялись — не лить слёзы, а мстить, пока бьются их сердца. Их расчёт 37-миллиметрового орудия стал лучшим по показателям учебных стрельб. Они стали во всём примером для подражания, а с «подачи» начальника школы их стали называть «железные подружки». В ноябре месяце, когда шли жесто-

чѐнные уличные бои в самом Ростове, под немецкую самоходку с бутылкой зажигательной смеси бросился брат Насти и героически погиб под гусеницами бронемашин. В несломленной Нахичевани шли ожесточѐнные бои. И фашистами были расстреляны родные Розы, мать и отец. Даже мне, повидавшему многое, прошедшего бои с самураями на Халхин-Голе и участнику Финской войны, было жутко видеть этих молоденьких девушек, на которых свалилось столько горя и одновременно. Я признаюсь, что впервые за многолетний боевой опыт и опыт работы политруком, я не знал, как можно было успокоить девушек, и нужно ли было это делать. Как я мог им помочь, когда они стояли молча и смотрели в сторону горящего родного города Ростова и Нахичеванского района, где они оставили родных и у одной из них, не только парня, но и самых родных не стало. А, что с другими сейчас, с их домами, с родными, друзьями, живы ли или... Хотелось верить, что живы. Тогда ещё срок обучения был по полной программе, не сокращѐнный, как сейчас до трёх месяцев. Сдав на «отлично» выпускные экзамены, «железные подружки» получили дипломы о получении военной специальности зенитчиков-артиллеристов ПВО в начале 1942 года. Зенитная батарея, в которую были направлены для прохождения службы подружки, прикрывала аэродром наших «ястребков» на Гниловской. Там базировался 182-й истребительный авиапункт. Как девчонки не старались, но у них не получалось сбить ни одного стервятника, хотя уже успели отличиться их однокурсники, чьи зенитные расчѐты располагались недалеко от них, в районе кладбища и у Нижнегниловской переправы, сбив первые свои самолѐты. Пока ещё, истребители сами разбирались с фашистскими налѐтчиками. Но через пару недель и им улыбнулась удача, они расстреляли, казалось, вдрызг бомбардировщик «Junkers Ju

88». Самолёт задымил, снизился, но смог уйти. Зенитному расчёту девушек этот трофей, конечно, не засчитали, но поздравили и настроение после этого стало боевым. Немцы, прорвав Миус-фронт, быстро оказались у стен Ростова. Остатки истребительного полка быстро перебросили на запасной аэродром на Кубани. Расчёты зенитчиков остались одни у опустевшей взлётной полосы, ожидая приказа. На аэродром неизвестно по какой причине садились два советских самолёта ЯК-7. Командир батареи, из четырёх расчётов пушек приказал открыть огонь и на возражение девушек, которые опознали свои самолёты, приказал — «расстреляю на месте за неисполнение приказа!». Как на грех, стрельба была результативная и оба самолёта горели на взлётной полосе. Утром приехали сотрудники НКВД и увезли командира. Девушки собрали маленький совет, на котором, Света, секретарь комсомольской ячейки взяла командования на себя, до момента прибытия нового командира. И вот, практически ровно год назад, 20 июля, со стороны моря на Ростов обрушилась немецкая армада «Хенкелей», «Мессеров» и «Юнкерсов». Из-за гор пустых гильз трудно было подавать боеприпасы. Жаркий июльский день стал напоминать пламя адского котла. Основные четыре зенитные батареи вели непрерывную стрельбу. Появились сбитые фашистские самолёты, свечами падающие в песок Кумженского пляжа, в Дон, рядом с железнодорожным мостом, на Левый берег Дона. Девушки из-за жары снимали гимнастёрки и даже нательные рубашки. В город ворвались танки и приходилось вести бой и в небе, и на земле. Светлана умело командовала батареей зениток. Без отдыха и сна зенитчицы встретили и 21 июля. Утро отметились сбитым «Юнкерсом», который заходил на расположение зенитчиц с севера, но ушёл с пробитым и окровавленным куполом в камыши на окраине Гниловской. Полевой до-

роге к аэродрому двигались мотоциклисты и бронетранспортёр, которые были уничтожены метким огнём зенитных орудий. Вышедший за ними танк остановился и был уничтожен несколькими попаданиями зенитчиц. Но оказалось, что это были последние выстрелы орудия, боеприпасов больше не было. Девушки залегли у орудия с винтовками в руках, чтобы дать последний в своей жизни бой и постараться забрать с собой побольше жизней фашистов. Но немцы побоялись решительности зенитчиц и вместо продолжения наступления, запросили поддержки тяжёлых миномётов. Через полчаса от батареи остались искорёженные орудия, вздыбленная земля и полуобнажённые тела героических девушек. Когда немцы увидели итоговую картину боя, где из двадцати девушек четырёх расчётов 3-й батареи 734-го Ростовского Зенитного полка ПВО, в живых не осталось ни одной, немецкий штабной офицер приказал: «Похоронить с честью!», но...

Капитан глубоко вздохнул так тяжело, как будто весь рассказ не дышал, плотнул загустевшую слюну, на его лбу выступила испарина, он отчётливо вспомнил лица этих «железных девушек» и других, шагнувших в вечность, при защите родного города Ростова и в другое время, в течение двух лет войны. Вытерев лицо, толи от пота, толи от слёз, но скорее всего и того, и другого, политрук продолжил:

— Утром 23 июля, казачки станицы Нижнегниловской, захоронили героически отдавших свои жизни защитниц Ростова, как и Родины в целом. В бою против мотопехоты фашистов погибла вся 1-я батарея располагавшаяся на Кумженке. Расчёты были расстреляны прямой наводкой немецких танков. Зенитчицы 2-й батареи у Гниловского кладбища подожгли несколько вражеских танков и бронемашин. Но, те, кто оставался в живых, чтобы не быть пленёнными, подорвали себя и орудия

гранатами. Девчонки, выполняя приказ и погибая на батареях, не знали, что посланный им из штаба офицер-курьер с приказом о немедленном отходе на Левый берег, просто пропал без вести. И даже сейчас эту историю, о которой штабные работники постарались умолчать, мало кто вспоминает. А я вас прошу — помните!

Наступила тишина, о которой все мечтали, но в смысле того, чтобы навсегда замолчали орудия и наступил мир, и больше не гибли люди под бомбёжками, а героями становились по результатам труда, а не так, как эти девушки, выпускницы школы, в которой учились курсантки, и о их жизненной трагедии и подвиге которых, сейчас рассказал замполит роты, с прозвищем СССР, что обозначало — Семён Семёнович Смоляков политрук. Никому не хотелось ничего говорить. Тогда, Семён Семёнович, налил из графина полный стакан воды, жадно выпил. Положил на стол, принесённый узелок, развязал узлы, развернул платок и бумагу и неловко попытавшись изобразить улыбку, которая не получалась, просто, по-отцовски сказал:

— Девчата! Занятие окончено. Прошу всех подойти и помянуть вот таких же девчат, год назад отдавших свои жизни за Ростов, буквально в 20 километрах от выпустившей их школы. Царствие им Небесное...

Но девушки по-прежнему оставались в состоянии шока. Видимо и действительно такие трагические, и одновременно героические события замалчивались умышленно, чтобы скрыть неслаженные действия штабов дивизий и армий. Те, кому вменялось подавать сводки в вышестоящие структуры командования, фронта и в Ставку ВГК, проявляли, конечно, приписки в графе итоговых успехов за день: сбитых самолётов, подбитых танков, уничтоженного личного состава противника. И при этом приуменьшали потери личного состава иногда, хотя это сделать было в разы труднее. Особенно, если в докладах говорилось

о потере технических средств, вооружения с занижением цифр, то затем не стоило рассчитывать на получение от командующего фронтом резервов, для усиления сильно поредевших рядов, батарей артиллерии, танков и самолётов. Вот такая сложная математика получалось, когда цифры с «плюсом» — плохо и с «минусом», тоже плохо. Вот и колдовали командиры и политработники над цифрами, не забывая о суровости наказания.

— Не стесняйтесь, берите. Мария Захаровна, что зря старалась? Вы же не подерётесь, надеюсь, поделитесь «по-братски», если можно так сказать. И в церкви поминальные просвиры готовятся небольшими, на два-три укуса. Кушайте! А я дома уже помянул за завтраком, правда без ста грамм, — отвернувшись на окно, с видом на восток, через которое пробивалось яркое июльское солнце, высвечивая оборудование полигона и взлётную полосу аэродрома, и тихо-прошептал, — упокой, Господи, их безгрешные души.

После этих слов, правая рука резко вздёрнулась ко лбу, со сложенными для крестного знаменьями пальцами и так же резко опустив её по швам, как-то из-под лба осмотрел аудиторию. Девушки осмелели и подходили к столу, брали пирожки, разламывая их на три-четыре кусочка так, чтобы всем хватило.

— Товарищ капитан, разрешите обратиться, — глядя замполиту в глаза, спросила Катя Вертяга.

— Обращайтесь, курсантка Горбатенко.

— У нас в деревне, когда поминали кого-то, то крестились и говорили: «Царствие Небесное». А нам можно желать героически погибшим девушкам «Царствия Небесного»?

— Катя, ну ты же, как комсомолка, прекрасно знаешь, что нельзя. Так ведь? — не придерживаясь уставных отношений и обращений, а по-отцовски и как преподаватель, ответил девушке капитан.

— Может быть и так, но я не комсомолка, — после этого, практически все курсантки, предчувствуя интересное событие, повернулись в сторону капитана, — я же не ослышалась, что вы такие слова говорили сегодня уже и даже вам очень хотелось перекреститься. Так?!

— Взяла меня в «плен», курсантка Горбатенка. Благодарю за внимательность и наблюдательность! Для зенитчиков и не только, это хорошие качества. Врать не стану, грешен. Да мы все грешны в большей или меньшей мере.

— А как же так, политработник и верующий? — не унималась Катя.

— Верить в Бога и молиться Ему можно и негласно. Вера — это таинство, как и крещение человека. Ведь нас всех с рождения крестят. Правда, среди коммунистов не всегда это приветствуется. Я окончил начальную церковно-приходскую школу, и родители хотели, чтобы я в будущем окончил духовную семинарию. Но переменны в обществе не дали свершиться им планам. Конечно, я — коммунист, а коммунист по всем понятиям должен быть атеистом. Лично я считаю, что коммунистическая идеология, как и православная религия имеют очень много общего. И та и другая, своей главной целью ставят достижения светлого прекрасного будущего, с той лишь разницей, что у коммунистов — это коммунизм, а у верующих — Царствие Небесное, к которому должен готовиться, при этой жизни каждый человек. И заветы, и коммунистической «религии», и православной, как близнецы-братья. Разве нет, если подумать? Я немало пожил, много повидал и даже видел несправедливость, когда моих родителей раскулачивали за то, что они день и ночь, не покладая рук трудились на земле и нас, всех восьмерых детей с малолетства приучили работать для своего и общего блага. Человек должен во что-то верить. Без веры нельзя жить. Вот те девочки, о которых я вам рассказывал, свято верили в нашу победу иначе,

они бы подняли руки, сдались бы тем, кто свято верить в нацистские призывы и лозунги, в том мир, в котором, нам, русским, уготовлена участь рабов. Я тебе, Катя, этого не говорил, не знаю, тебя родители в комсомол не пускали или есть свои убеждения, но ты послушай сердце своё, что происходит в душе и сама реши, как тебе жить дальше и каким путём идти...

— Товарищ капитан, вы говорите лучше и понятней даже нашего церковного батюшки. Если бы вы служили в нашем приходе и не важно, к чему бы вы призывали прихожан, то в ваш приход ходили бы все и свято верили в ваши слова. Вот, ей Богу! — Катя, видимо в эмоциях, быстро перекрестилась и покраснев, отвернулась.

Все девушки засмеялись, но не высмеивая, ни Катюшу, ни тем более замполита Смолякова, а по-доброму поддерживая, как в театре артиста овациями и весёлым, одобрительным смехом.

После этой беседы, у девушек ещё больше упрочнились убеждения в том, что они выбрали самый верный путь к общей и заветной цели — победе над ненавистным, коварным и жестоким врагом, над немецко-фашистскими захватчиками, принёсшими так много горя во многие мирные семьи советских семей. За два с половиной месяца обучения девушек, многие продолжали получать сообщения о гибели или пропаже без вести родных и близких. И, что характерно, более половины бойцов сложили головы во время боевых действий подразделений Красной армии, сформированных на территории Ростовской области, на Миус-фронте.

После попытки прорыва Миус-фронта на рубежах от с. Ряженое до Матвеева Кургана и далее до с. Александровки, а также на северном направлении от Ворошило-

вограда, в направлении на Мариуполь в февральском наступлении, Красная армия понесла большие потери, по большому счёту, которые были неоправданными. И вот опять, уже с середины июля началась вторая волна наступательных операций. При этом как у командования стояли приказы Ставки Верховного Главнокомандования и Генерального штаба, так и непосредственно на Южном фронте было самое решительное настроение.

Эти наступательные операции отличались от противостояния с марта до июля тем, что тогда были лишь незначительные потери из-за незначительных стычек или обстрелов. А когда дивизии целыми армиями идут по всему фронту, потери возрастают в сотни раз и исчислялись по фронту десятками тысяч, только безвозвратных потерь.

От отца Лида так и не получила письма, хотя из письма мамы, узнала, что он прислал в июне письмо и писал, что всё у него хорошо. А вот о сестре Маше и брате Василии ни единого слова. Это не могло не насторожить Лиду. Она в ответном письме просила, чтобы брат или сестра сами написали ей письмо. Конечно, она понимала, что все письма проверяются и не только с фронта нельзя ничего о боевых действиях писать и о том, как там тяжело, что ежедневно гибнуть люди, однополчане и прочее, тем более, чтобы не раскрывать координаты дислокации полков или дивизий. Для этого не зря и существовала «полевая почта», а не почтовый адрес, хотя бы области.

Подруга Надя из М-Кургана писала, что фронт стоит, с нетерпением все ждут того дня, когда Красная армия прорвёт фронт и погонит по выжженной земле и через ими же разрушенным селам и городам. И тоже ни одного слова, ни о брате Васе, ни о сестре Маше, хотя их прекрасно знала и дома находились на одной улице.

Что касается личной жизни, то какая там могла быть личная жизнь, когда ещё были свежи воспоминания

о рассказе Василия Каверзина, пересказанный Григорием Дёминым и о той экскурсии на место гибели Петра, как можно забыть?

Когда в авиаполку, расположенном в непосредственно по соседству со школой подготовки зенитчиков ПВО, проводили вечер танцев и пригласили девушек, то некоторые прыгали от радости, но и были такие, кто наотрез отказывался в этом участвовать и аргументы их были очень убедительными. Лида также наотрез отказывалась, но командование знало на что «нажать» и «нажало» на то, что она, как секретарь комсомольской ячейки не имеет никакого права отказаться.

На вечере Лида сторонилась разговоров, тем более знакомств и расспросов. Но пару раз, из двух десятков отказов приглашений на танец, всё же станцевала сдержанно и молча. И как не пытались бравые лётчики разговаривать, сильно выделяющуюся, среди подруг своей неповторимой красотой, Лиду, она была, подобна одной из тех «железных девушек», о которых рассказывал замполит.

А когда один старлей не унимался и не хотел прислушиваться к отказам на его предложения, Лида не выдержала и выпалила:

— Я своего любимого человека уже потеряла. Его никто не заменит в моём сердце. И, к тому же, я не хочу, чтобы вы были таким-же, но под номером два...

Видимо, её эмоциональные высказывания были настолько громкими, что больше никто до конца вечера не осмелился попытать своего счастья в попытке познакомиться с гордой и неуступчивой, но очень привлекательной, если ничего не сказать, девушкой.

Через неделю состоялся ответный визит «летунов», как их прозвали девчата, к ним в клуб. Но и на этот раз, Лида, лишь организовала и помогла оформить зал, с помощью девушек из редколлегии стенной газеты «Чистое

небо», а с музыкой помог Семён Семёнович, который и патефон из дому притащил с пластинками и супругу свою привёл. А у девушек была возможность познакомиться с той женщиной, которой выпало счастье найти свою судьбу в таком прекрасном человеке, как майор Смоляков.

И Мария Захаровна выглядела счастливой, в простеньком, но со вкусом подобранным и, как говорят, подходившем ей и к глазам, и к туфлям, и к её зрелому возрасту. А когда она от кого-то из сослуживцев мужа узнала, как девушки за глаза называют её суженного, то была просто в восторге. Оказалось, что ССС расшифровывалось, по мнению подчинённых Семёна Семёновича, не только, как инициалы и заглавная буква фамилии, но и как «самый счастливый семьянин». И это была правда.

А в это время в ночном июльском небе, где-то западнее Ростова и где-то за горизонтов на северо-запад были видны всполохи взрывов зенитных снарядов в небе яркие лучи фонарей, ведущие поиск мишеней, как в небе над Ростовом, так и той стороне, где была малая родина Лиды, над Матвеевым Курганом и другими населёнными пунктами и военными объектами. Уже совсем скоро, они также будут иметь возможность показать и доказать, чему их тут обучали, и что время обучения и старания военных специалистов прошли не зря. И до этого момента оставалось дней десять, максимум две недели.

VI

Хоть немцам, квартировавшим на хуторе в жаркие июльские дни, и тем более в жарких сражениях, и было не до женских ласок и утешения, после недель окопной

жизни, да ещё после принятия бани, которых им не хватало в весенний период противостояния на рубеже Миус-фронта в районе с. Александровка, но всё же Mutter опасаясь, чтобы с Машей, которой через месяц исполнится 15 лет, ничего дурного не случилось, старалась держать её на глазах и умышленно загружала работой, за которой девушка выглядела менее привлекательной для чужих глаз.

А работы хватала и причины увеличения её объёмов всё те же — жаркое лето и жаркие кровопролитные бои на фронте. Разозлённые и нервные от недосыпаний и риском попасть под участвовавшие обстрелы, как артиллерии, так и авиации.

Легкая авиация базировалась на полевых аэродромах, один из которых располагался между х. Бутенков и с. Марьевка, второй в районе Ново-Спасовки. На их грунтовых площадках могли взлетать и садиться такие самолёты, как легкий бомбардировщик Як-4 или биплан У-2. Из Батайска «горячий привет» могла бы передать Лида через лётчиков, с которыми она не желала танцевать и знакомиться, тем, кому приходилось обстирывать, обглаживать и готовить еду, чистить одежду и обувь, рубить дрова для кухни и бани и выполнять различные, порою неприятные и грязные поручения, то есть своему брату, меньшей сестре и их покровительнице, по прозвищу Mutter.

Да и Вася тоже, наблюдающий иногда, как пикирующий бомбардировщик Ту-2 или Пе-8 сбросив боезаряды на головы фашистов, развернувшись, уходили от преследования и, к сожалению, это не всегда удавалось. Иногда зенитные орудия их доставали, а иногда и вражеские истребители. Но по всему было видно, что «созревший фурункул» длительного и томительного противостояния вот-вот прорвёт.

И было совсем другое дело, а зрелище в разы приятнее и радостнее на душе, когда бомбандировщики шли

в сопровождении истребителей. Тогда между ассами скоростных крылатых машин завязывался зрелищный, если смотреть всё и представлять, как кино и для кого-то всё же трагический бой. Редко, когда они расходились помахав друг другу, одни звёздными, другие с крестами крыльями, сказав «до встречи Ганс» и «wir sehen uns Ivan».

По большому счёту, это были единственные сражения на фронте, которые можно было видеть вживую, не в кино, в реальном времени и с реальным финалом. Понять же, что чувствуют одни или другие во время сражения, было невозможно. И молодого человека мучили мысли: если я еще не на фронте, хотя призыв был ещё с 42-го года от 17 до 50 лет в рядовой состав и Васин уже подходил к категории призыва, но не имел возможности, разве, что в германскую армию. Но от крайней мысли он даже начинал плевать. А, что он мог сделать? Чем, как гласили плакаты, мог помочь фронту, для скорейшей победы? Вот эти мысли и не давали парню покоя.

«Совершить бы какую-нибудь диверсию, — перебирая в памяти все известные ему способы, которые он мог знать из книг или тех сообщений, которые мог в своё время получать из официальных источников, радио или газет, — ну, к примеру, можно пробраться к железнодорожному полотну и взорвать состав, движущийся в сторону М-Кургана или Таганрога с вооружением. Но, как не имея ничего, ни взрывчатки, ни навыков работы с ней, ни помощников — одному такого серьёзного дела не потянуть. Да и если бы были, и взрывчатка, и помощники, то сколько времени нужно бы было лежать в засаде, чтобы дожидаться нужного состава?».

Выбросив из головы несбыточные, почти детские фантазии, он пытался отвлечься, занявшись каким-либо делом и через время, вновь новая какая-либо идея начинали сверлить мозг. Но каждый раз, когда какой-нибудь

фантастический план, после доработки начинал принимать реальные очертания и оставалась малость — детали дерзкого замысла, получался сбой или непреодолимый тупик. Один из них — комендантский час. Конечно, можно было найти лазейки, чтобы незаметно отлучиться к объекту совершения диверсии и после так же вернуться. Но как обмануть Mutter, которая за приемных детей радела не меньше, чем за своих? Она повнимательнее будет десятка часовых, даже если бы те имели приборы ночного видения или мощные фонари, которые применяются в войсках ПВО, для отслеживания самолётов. У Веры Ивановны и муха незаметно не пролетит.

«Ну, ладно, сумею я её, как-нибудь обманут. А, что потом? Ведь немцы, если план сработает, так просто это не оставят и начнутся дознания, пытки и выбивание признаний. Как я буду, случись такое, себя вести? Как ни в чём не бывало или с гордо поднятой головой пойду к Танькиному деду, хуторскому старосте и сказать: «Илья Пантелеевич, вы хотите заслужить почёт и уважение перед жандармерией и теми спецслужбами, которым я в вашем лице принесу облегчение, а быть может и железные кресты в награду от командования вермахта...» или, что-то в этом роде. Ладно, мама родная об этом узнает не сразу, а Mutter и всех жителей, стариков, женщин, сестрёнку, «сводную» на время сестру Зину, рыжеволосую Таньку заставят, не просто присутствовать, а смотреть и запомнить, что будет со всеми, в случае непослушания и невыполнения приказов оккупационных германских властей... И, уверен, если моё истерзанное тело оставят на место казни, как устрашение жителям, подобно тому, как Иисус Христос был оставлен умирать мучительной смертью на кресте. Но, уверен, что, Mutter, как и моя родная мама, будь только это ей известно, подобно тайному ученику Иосифу Аримафейскому, упросили бы у фашистов, как

это сделал Иосиф у Пилата, забрать моё тело и захоронить по христианскому обряду. Они бы унесли моё бездыханное тело, — Вася сбился с мысли, ведь Иисус Христос был положен в гроб в пещере вблизи Голгофы, но быстро нашёлся и продолжил свои страшные фантазии, — как же я забыл, что справа от затяжного подъёма дороги на Авило-Успенку есть замечательная скала, возвышение, в каменистом основании её пика должна быть пещера. Оттуда вид замечательный, если в бинокль смотреть, то и Матвеев Курган, как на ладони, хоть до него километров 20 будет. Ну, а по поводу отпевания, то тут проблемы нет. Иисуса отпевала жена Мария Магдалина, а поскольку я не принял предложение Танюшки дружить и жены у меня по малолетству нет, то пусть будет моя сестра, она же тоже Мария, Зинка, как названная сестра и, если захочет такой участи та же рыжеволосая, несостоявшаяся любовь. Да, чуть не забыл, Иисуса заворачивали в плащаницу, а меня пусть завернут в шинель. Рыцарю давали в руки меч, а я хотя бы почувствую себя бойцом, одев шинель, хоть и... ну да ладно. Одно в моей истории не нравится, Иисус-то Воскрес, а я-то такого сделать не смогу. А так хотелось, воскреснуть, и, обладая невероятной силой, сокрушить всю нечисть с нашей святой Миусской земли, загнать в её же волчье логово и предав справедливому суду представителей всех народов, где фашисты творили бесчинства и как было у нас во время диктатуры пролетариата, «от имени Мирового пролетариата приговорить в высшей мере наказания, через расстрел...». Вот тогда мой безумный поступок с диверсией на железной дороге или склада боеприпасов, или передачи нашему командованию координат оборонительных объектов, подлежащих первоочередному уничтожению, был бы оправдан, и цена за него была бы соизмеримой...».

— Вася! Вася, Василёк, что с тобой, — тормоза за рукав, с испуганным лицом, спросила сестрёнка Маша.

— А?! — с трудом выходя из состояния забытья, душевной нирваны, в которую он погрузился так глубоко, что даже поверил, что это с ним происходит на самом деле, — да! Что случилось?

— Это ты мне скажи, что с тобой происходит, я даже боялась тебя трогать, ты за последние минут десять, даже глазом ни разу не моргнул. Я всё это время за тобой наблюдала. Ты меня так не пугай, братик. Что я мамке скажу, если что?

— Что, если что?

— Ничего, прости дуру! Ляпнула, сама не поняла, чё.

— Мария Магдалина!

— При чём тут, Магдалина?!

— Да ни о чём. Жену Иисуса Христа звали так. Ты не знала? Ах, да, это я от корки до корки библио-теку, что от бабушки досталась прочёл, а ты, хоть из школьного курса что-то прочла?

— Ты — парень, тебе знания важнее, чем мне, потому и то, за что в школе ругают, прочёл. Комсомолец, а сам библию читаешь. Это нормально?

— Конечно, нормально! Я должен знать позиции и учения, даже тех групп граждан, что идут вразрез с общепринятыми, атеистическими учениями. И честно скажу, я сделал вывод, что из этих древних писаний можно очень многому научиться и понять. В крайнем случае, я там не нашел ничего, что привело бы к вреду здоровья или «сдвигу» разума. Ничего подобного. Скорее в настоящей идеологии можно найти много вредного. Вот, например, если у меня иные политические убеждения, не ведущие к свержению социалистического строя, что, разве меня нужно за это уничтожать, как класс?

— Ой, смотри, договоришься!

— Как немцам, то им даже понравятся мои взгляды. Не так ли?

— Так, Вася, хватит мне голову дурить. Издеваешься, да?

— Немножко, Маша.

— Ой, кажись, наши бомбить начинают. Слышишь? — Маша, сделав вопросительное выражение на лице, указала пальцем на восток, откуда слышался характерный рокот моторов, — пошли в хату.

— Иди, Дюймовочка. Скажи Mutter, что я полез на горище, с камышовой крыши, вдруг чё, буду «зажигалки» снимать, чтобы вы там в хате были спокойны.

— Ты опять шутишь?! Какие «зажигалки»? Наши бочки могут бросать, а «зажигалки» и по мирным людям, по своим? Никогда!

— Ладно, беги в хату. Я недолго. А потом, у меня ещё работа есть премиальная. Йохан, ветеринар просил лошадей подержать, которых осколками посеколо, когда на передовую кашу возили. Он обещал мне банку тушенки дать, а если покажу усердие, то и две. Mutter не говори, вдруг, что-то пойдёт не так. А сама, если будет тебя просить помочь там или на кашу пшеницу в ступе потолочь или лебеды нарезать, ты время потяни, может я успею, чтоб кашу подмостить вкусеньким.

— Ох и хвастун ты. Сначала заработай, а потом хвастай. А вот мне тот, что квартирует через хату от нас, хромой, веселый такой немец, шоколадку опять дал и просто так, даже не просил меня ничего ни почистить, ни одежду, ни обувь, ни постирать... вот!

— Ага, просто так! Это он тебя заманивает, а потом...

— Дурак! Да он старше нашего папаши и глаза у него добрые. Он говорил, что дома у него четверо детей и показал по росту какие, как я поняла, то один, вернее одна, он говорил: «Mädchen, Tochter...». Что не так?

— Будь осторожнее с этими шоколадками, чтоб у самой не появилась Tochter... klein Дюймовочка.

Может, Вася ещё что-то хотел язвительного сказать, но сестра не дала, неожиданно врезав ощутимую оплеуху с коронным ругательством:

— Дурак! Ну, какой же ты... Я и тебе кусочек шоколадки оставила. На всех поделила, а ты...

— Я тебя должен, как мамка сказала: «Доставить в целости и сохранности». Потому, слушайся брата... старшего брата и всё будет хорошо. Verstand? Что смотришь? Поняла, спрашиваю?

— Фу-у, старший!? Без тебя знаю, зай не маленькая уже, слава Богу... Девочек-цыганок в 13 лет уже замуж выдают, а в 14—15 они уже детей рожают... А, ты...

— Поговори мне ещё тут! Ты смотри, взрослая. Да, если бы не... Так, иди! Мне некогда. С тобой лясы протачал, вот уже и «зажигалки» некогда снимать. Пошёл на работу. На передовой утихло, сейчас и наши, и фрицы зашевелиятся, как тараканы от дуста. Ступай в хату и никуда...

«Ну, когда уже наши прорвут фронт, всё „прошупывают“ слабые места, как у них называется — „разведка боем“, чтобы выявить позиции противника. Но артподготовок больших нет, значит ещё не пришло время наступления. В боксе говорят: „серией джебов в корпус и голову „раскрыть“ соперника, чтобы затем нанести сокрушительный хук“. Когда же произойдёт этот удар хук? Скоро полгода, как мать с ума сходит после того, как мы, её дети, что в воду канули. Может быть, уже и не раз нас похоронила. Мамка-мамка! Живы мы! Слышишь, живы! И почему я не завёл себе почтовых голубей — проблем бы не было. Жди, мамка, думаю, что скоро встретимся. Что ты зря нам крестики повязала? Нет, конечно, нет! Не зря, раз мы до сих пор живы и невредимы. Нас Господь хранит и крест животворящий. Жди, мамка!

Храни тебя, Господь! — оглянувшись, чтоб убедиться, что никто не видит, быстро перекрестился, прижимая нательный крестик левой рукой, через рубаху к груди, — ой, меня же Йохан ждёт. Нельзя, чтобы сегодня я упустил возможность, порадовать всех домочадцев вкусным обедом. Такая возможность выпадает нечасто. Йохан, я уже бегу!».

— Вася, ты куда? — вдогонку, убегающему на южную околицу села, крикнула, видимо предупрежденная о его планах Машей, Mutter.

— Мам, я скоро! — не поворачиваясь, выпалил Вася, а сам подумал: «Ну, сестрица, уже натарахтела на ухо Mutter, куда я собрался. Ничего за зубами не может держать. А, как я Mutter назвал?».

«Господи, сынок! Вася меня мамкой назвал... Ой, радость какая и горе. Как там их мать? Сердце, наверное, уже на куски разорвалось. Одно дело на фронте гибнут и когда узнаёшь. Другое дело, когда ночи не спишь, думами голова, как в полноводье река, топит все берега и долины. Как она сейчас себя прокликает за то, что отпустила детей, не смогла предвидеть, почувствовать материнским сердцем беду...», — Вера Ивановна, перебирая завалившуюся местами плетённую из веток вербы изгородь, дошла на скосившейся рядом с проходом во двор лавки и с «охами», вырвавшимся из груди, присела.

Вася бежал туда, где до оккупации проживал добрый хозяин, державший и овец, и коров, и лошадей, из-за чего имел потребность в добротных загонах и зимних стойлах для животных. А теперь всем его имуществом, включая неплохой, сложенный из местного камня, с небольшой верандой, какие больше можно встретить у донских казаков на Дону, а здесь из-за смешивания культур и обычаев, особенно в строительстве, с некоторых времен стала преобладать украинская. Это даже

не потому, что нынешняя территория Украины начиналась сразу за Авило-Успенкой, а вернее, селение было «разорвано» границей, где несколько подворий находилось на территории Украины.

Внутри загона имелся «раскол», служащий когда-то хозяину, а теперь ветеринару, чтобы, загнав в него корову или лошадь, можно было делать ей уколы, обследования и ветеринарные обработки, подковывание лошадей и другие работы, без дополнительного удержания животных подсобными работниками или скотниками.

— Васка, ты — disziplin-Verletzer! Ты — расхилтай!

— Да, Herr старший лейтенант! Я — разгильдяй, но кушать-то хочется и не только мне.

— Nein, Oberleutnant! Ich bin Leutnant.

— Будете скоро не только старшим лейтенантом, но и майором, Major.

— Oh, deine Worte vor Gott, — похлопав парня одобрительно по плечу, улыбаясь с довольным лицом сказал Йохан, — Essen? Ja, ja! Aber zuerst die Arbeit.

— Да, конечно, без Arbeit ни шиша не получишь.

— Was?

— Давай Arbeit, Arbeit!

— Ja, ja! Arbeit.

Немец не обманул и за усердие, а также за то, что парень похвалил и предвещал повышение звание и через пару ступеней сразу, что со смехом, вызвало и удовлетворение, а стало быть Васка, как он называл Василия, заслуживает и вторую, премиальную банку тушенки.

— Марадец! — напоследок, после завершения работы, похвалил помощника Йохан.

— Молодец, холодец, ну ты, Йохан — мудрец!

— Ja, ja! Маладец! — улыбаясь на доброю половину прокуренных зубов, подтвердил свою похвалу немецкий ветеринар.

После пяти месяцев противостояния на Миус-фронте, которое временно устраивало обе стороны, на фронте начались заметные, даже наблюдательным гражданским людям, изменения. Немцы, благодаря удобным позициям и мощным укреплениям, состоящих из трёх оборонительных линий на большую глубину, до сих пор надёжно сдерживала все возможные попытки «прошупать» оборонительные порядки и для того были основания. Войска Красной Армии, начиная с мая месяца готовили прорыв и усиливали боевые соединения. Этого, конечно, хуторянам не было видно, но зато было слышно, по усилению интенсивности обстрелов немецких позиций.

Первая линия обороны проходила по реке Миус, вторая по правым берегам рек Крынка и Мокрый Еланчик и через населённые пункты Красный Кут, Мануйловка, Андреевка. А уже третья линия обороны на глубине до 50 км от первой, проходила по правому берегу реки Кальмиус, восточнее Сталино.

И в тоже время, проведя активные наступательные действия советские войска 17 июля тремя гвардейскими механизированными корпусами, с поддержкой пехотного корпуса, прорвали фронт 6-й армии вермахта на глубину до 10 км, заняв плацдарм на правом берегу Миуса в районе сел Степановка и Мариновка. Это заставило немецкое командование, несмотря на то, под Харьковым шли ожесточённые бои, перебросить на Миус-фронт танковые дивизии СС «Рейн» и «Тотенкопф». До второго августа по всей линии Миус-фронта шли ожесточённые бои, с участием крупных танковых и моторизованных соединений, итогом которых войскам вермахта удалось ликвидировать прорыв и вновь выйти на старые рубежи фронта.

И вновь на фронте наступило затишье. Необходимо было, «залить» серьёзные раны и пополнить потери.

А потери были очень серьёзные. И, в связи с этим командующий 2-й гвардейской армии 20 июля издал приказ о мобилизации местного населения в освобождённых населённых пунктах. По этому приказу мобилизации подлежали мужчины и женщины 1893–1926 годов рождения. Для явки на призывной пункт давалось всего 24 часа, с момента освобождения населённого пункта. Таким образом создавался запасной полк 2-й армии.

На этот раз прорыв фронта состоялся севернее с. Куйбышево, а жители более южных населённых пунктов Примиусья, лишь по канонаде стрельбы могли следить за примерным, в географическом измерении мете боевых действий. И в данной ситуации, для тех, кто ждал долгожданного освобождения, затишье боевых действий означало не радостное, а наоборот, грустное состояние, что означало — ни на этот раз, придётся ещё ждать и терпеть. Но в том, что это время очень скоро настанет, уже никто не сомневался, так как очень сильный накал был человеческого терпения и желание, наконец-то, раздавить эту фашистскую гниду на этих южных рубежах было запредельно высоким.

Отрицательным итогом противостояния на Миус-фронте было то, что войска вермахта на полгода сковали продвижение Красной Армии на южном направлении, а положительным то, что германское командование было вынужденно удерживать натиск наших войск, привлечением сюда резервов, переброской их с Курской дуги. А непосредственно в дни прорыва фронта танковый корпус СС потерял здесь, на Миус-фронте техники больше, чем чуть ранее под Прохоровкой. А потери РККА здесь были столь велики, что составили на одного убитого немецкого солдата до восьми советских.

Это просто сухая сводка, которая начинает быть «мокрой» от слёз вдов и матерей, оплакивающих своих мужей, сыновей и дочерей. И беря во внимание то, что

в июле-августе был осуществлён дополнительный призыв именно из населения проживающих в селах и посёлках Примиусья, то большая часть из погибших, составили те, кто в прямом смысле слова, освобождал родные и близлежащие сёла ценой своей крови и даже жизни.

С долгожданной радостью, население, оккупированных сёл и хуторов, наблюдали за тем, как немцы спешно собирали свои монетки, то, что нельзя и что не хотелось оставлять, в качестве оплаты за проживание, не в землянках и блиндажах, а в квартирах, пусть и с низкими потолками, не всегда с деревянными полами, а чаще — в мазанках, но тёплых зимой и прохладных летом, саманных хатах. И при этом больше всего боялись того, чтобы, немцы, при отходе, не сожгли дома хуторян, как бы «зачищая» после себя то, что могло служить доказательством их тут пребывания. Благо, что, стоявшие в Первомайском службы обеспечения оказались не кровожадными, не зверствовали, когда квартировали и оставили село таким практически, как и при занятии ими села более полутора лет назад.

А как могут поступать немцы, вынужденные не добровольно, а под натиском Красной Армии покидать насиженные места, Вася воочию видел в родном Матвеевом Кургане. Хромой немец, которого Маша звала просто, «Нерг Soldat», на прощание подарил зеленоглазой чернявой русской девочке-подростку игрушку, которую он смастерил сам, проводя томительные часы на вахте. Это была кукла, аккуратно вырезанная из ветки тополя. Зрачки глазниц он изготовил, вбив два гвоздя, которыми он подбивал сапоги. Волосы, не иначе, как заимствовал у ветеринара Йохан, срезан-

ных с гривы лошади и аккуратно, насколько это можно было, заплетенных в косу. Сама коса была завязана бантиком из лоскутика. А платье куклы было, хоть и грубо, но сшито из белого шёлка или батиста.

Не кукла, а невеста получилась. Надо было видеть счастливое лицо Маши, которая прыгала, поднимая над собой такую красивую куклу, каких ещё никогда у неё не было.

— Спасибо, Herr... — Маша замялась, ей так не хотелось говорить, солдат, хотелось назвать этого доброго немца по имени, но в отличие от брата Васи, она не успела ещё в школе изучить даже самые простые слова на немецком, — дядя, как вас звать, имя как?

— Mein Name?

— Да-да! Ja, ja! Name, — догадалась по звучанию слова Маша.

— Mein Name ist Jurgen! Jurgen!

— Jurgen! Можно я буду вас звать, Юра?!

— Иура, Юра. Окау, Југа, — заулыбавшись, согласился с тем, что русская девочка, так похожая чем-то на её дочь, а чем он и сам уже не помнит, более двух лет не видел жену и детей, двоих сыновей и двоих дочерей, перекрестила его на русский лад.

— Спасибо, Юра! — Маша чувственно прижала эту, от души подаренную ей, отцом четырёх детей, и заглянув в его искрящиеся глаза, она на секунду подумала — «он же враг!», и снова увидев добрую улыбку давно небритого лица убедительно ответила сама себе: «Нет! Он не может убивать, он добрый...».

— Gott schütze dich! Маш-шя! — выражая довольство тем, что они, наконец-то, познакомились и чуть жалел, что пришло время расставаться.

— Schnell, ihr Idioten! — орал, подгоняя, падающих от быстрой погрузки грузовиков солдат, немецкий офицер.

— Leb wohl, Mascha! — помахав рукой, пошёл на погрузку, хромая тот чужой человек, которого Маше, по-человечески было жаль.

Маша, даже на время вспомнила, как уходил отец на фронт и, хоть он совершенно не был похож на этого худого и хромого немца, но в этом немце было что-то человеческое, отцовское, напоминавшее ей отца.

Движение транспорта и гужевых повозок было хаотичное. Только опытный человек мог понять, что в действительности, все передвижения имеют свою цель. Несмотря на то, что на рубежи фронта по-прежнему доставлялись боеприпасы и продовольствие, а назад вывозили всё больше раненных или убитых солдат и всё это проходило транзитом, с пересечением улицы хутора на её южной окраине.

Второе решительное наступление советских войск было начато 18 августа и ему предшествовала более, чем часовая артиллерийская подготовка 1500 орудий, а с воздуха атаковали штурмовики Ил-2. После артподготовки в атаку пошли боевые соединения 5-й гвардейской армии. Ожесточённые бои с переменным успехом длились более десяти дней. И только 30 августа было сломлено сопротивление германских войск, освобождён г. Таганрог, п. Матвеев Курган, с. Куйбышево и все сёла, расположенные по всей линии фронта. Советские войска в этот день полностью освободили территорию Ростовской области от немецко-фашистских захватчиков.

Любознательный и многознающий Вася, прекрасно читал по этой суете, что происходит на фронте, даже, если не слышать канонады артиллерии, а в южном направлении отзвуки боёв были уже слышны намного западней, чем на привычной, в течении долгих месяцев противостоянии мест. «Прорвали!» — короткая мысль моментально «прострелила» в голове, — «наконец-то, прорвали!»

В день освобождения г. Таганрога и Ростовской области в Москве, в 19–30 был дан по этому случаю салют 12 артиллерийских залпов из 124 орудий. Конечно, никто из жителей освобождённых сёл не знал, так как радио пока ещё не работало, но они слышали более мощные залпы артиллерии и танков советских войск. Это было долгожданное освобождение. Если Матвеев Курган, из более, чем 20 месяцев войны, 13 из них был занят войсками Красной Армии, то населённые пункты правобережья Миуса и далее на запад, в сторону Мариуполя, все эти месяцы были в оккупации.

— Ой, детки мои дорогие! — причитала Вера Ивановна, плача и целуя от радости и своих детей и приемных, хоть временно и скорее всего, они же скоро уйдут туда, где глаза все проглядела, ожидая их, мама, их родная, кровная мама.

— Мама, мамочка! — поддержала мать слезами Зина.

Маша, лишь прижавшись к Mutter с другой стороны, стояла молча и в её душе было смешанное чувство и сентиментальность привязанности и обязанности женщины, в принципе чужой, но по факту родной, с которой семь месяцев тягот и лишений можно приравнять к десятку лет в обычной мирной жизни, и одновременно сердце колотилось и так же, как Зина, хотелось крепко обнять женщину, заменившую им мать и, по большому счёту спасшую их, если не от гибели, то от пагубной, непредсказуемой судьбы. И когда Mutter стала на колени, так как гнуться к детям, обступившим её со всех сторон было неудобно, её голова стала даже чуть ниже, чем Машина, она прижалась к её мокрой от слёз щеке, и получила какой-то, неизвестный ранее импульс, который, как разряд тока пробежал между ними и пронзил её, по сути, ещё детское сердце...

— Мамка! Мама! Мамочка! — с каждым повтором всё громче Маша называла приютившую её с братом женщину, прижимаясь к ней и входя в унисон с её и Зининым плачем.

У Васи защеми сердце от вида такой картины и он, отвернувшись, чтобы не рвать душу, начал прислушиваться к рёву моторов самолётов и гулу взрывов километрах в 20 на запад, куда уходил из Примиусья фронт, теперь уже уходил бесповоротно и навсегда.

На хуторе появились военные и не, как сутки назад, «транзитом», поднимая гусеницами и колёсами резервных подразделений Красной Армии, спешивших за успешно наступающими передовыми войсками. И когда группа военных остановилась у колодца, чтобы подлить в радиаторы кипевших ЗИС-5 и ГАЗ-АА воды и заполнить студёной водой колодезной бачки и фляжки, немногочисленное население, все, кроме тех, кто не мог ходить, моментально окружили бойцов.

Старики пытались пожать покрепче, ослабленными старостью и болезнями руками, крепкие солдатские руки, видя в бойцах своих сынов, воевавших где-то, может быть, в соседних дивизионах. Женщины плакали и вешались сынкам на шею.

— Дорогие, наши, сынки! Спасибо вам, родные!

— Храни вас, Господь!

— Бейте безжалостно фашистскую сволочь!

Со всех сторон сыпались радостные возгласы и пожелания. И радостный смех, и слёзы от счастья, и горечь, что кто-то из их родных не дожил до этого радостного дня. И в этом кругу встретившихся долго время людей была такая энергетика, что казалось направь её в одно русло, она сметёт всё эту нацистскую нечисть, как река во время половодья, все, что у неё на пути встречается, кроме исполинов-деревьев, своими корнями прочно удерживающих себя и почву родной земли под собой.

Какой праздник наступил. Даже те, кто получил похоронки, у кого мужья и сыны пропали без вести и те, забыв о горе, радовались вместе со всеми — это была общая радость и повод для неё был очень значимый.

Пройдёт не так много дней и ещё многие получат известие о том, что их муж или сын пал смертью храбрых, освобождая Ростов, Донбасс или Таганрог, с. Ряженное, Матвеев Курган или геройски погиб на Саур-Могиле, при её штурме с 28 по 31 августа. Но сейчас они радуются этой грандиозной, хоть и не окончательной победе, в честь которой в Москве, примерно в это время гремит грандиозный салют.

Бойцы по команде заняли свои места в бронемашинах или погрузились в грузовики. Когда колонна тронулась в сторону Новониколевки через железнодорожный переезд, один из бойцов удаляющейся к перекрёстку машины, поднялся во весь рост и маша пилоткой громко, как батюшка с эффектом акустики в церкви крикнул:

— Прощайте, честной народ! Не навсегда. Мы вернёмся. Мы обязательно вернёмся. Разобьём фашистскую сволочь, гитлеровскую нечисть и с победой вернёмся.

Клубы густой пыли вскорости скрыли, заключающую колону машину с бойцом, глядявающимся через облако пыли на оставшихся неподвижно на месте селян, которые продолжали махать руками и платками бойцам.

— Возвращайтесь жи-вы-ми, сын-ки! — слышались вдогонку прерывистые голоса хуторских женщин.

— Может ещё денёк-другой переждёте, Вася, Маша, для убедительности, чтобы уже наверняка и без опаски...

— Вера Ивановна, куда ещё увереннее. Вот, ещё вчера вечером дед Мирон ездил на двуколке в Александровку, привёз самые свежие новости. Там люди в один голос говорят, что все села в районе освобождены и Неклиновский район и Таганрог. Мы пойдём по до-

роге, может кто и подвезёт. Нынче-то и движение оживится.

— Да, я-то понимаю, как сердце домой рвётся у вас, но всё равно, как-то боязно, после того, как вам пришло горюшка мыкнуть, страшно становится.

— Тётя Вера, так ведь не только мы, все же горя мыкали, одинаково всем досталось. Вы будете в Кургане, заходите. Я вас с мамкой познакомлю. А вообще, если не сразу, то осенью на фронт пойду. Там, наверное, уже все мои друзья на фронте, а я...

— Хватит ещё и тебе воевать, сынок, — Вера Ивановна умышленно назвала Васю сыночком, хоть, и не делая на этом ударение.

Вася понял это и оценил по достоинству. И потому, без особой плаксивости, коротко и строго, по-мужски, ответил:

— Спасибо, мам! Пойдём мы. Благо, сейчас не зима, да и дорога домой намного всегда ближе, чем из дома. Это уже даже я знаю. Мы часам к двум будем дома мамку обнимать, да, Маша? Ты собралась?

— Я сейчас вам на дорогу, хоть чего-нибудь положу. И на память, вот тебе, Маша, платочек, я на праздник купила, да так и не было после того повода, чтоб одеть.

— Спасибо! — Маше и хотелось назвать Mutter мамой и было как-то неудобно или не совсем правильно, — Спасибо вам большое за всё, тётя Вера! Вы нам, что мамка родная стали.

— Ну так и зовите меня теперь Mutter, чтобы и мама не заревновала ко мне, я знаю, как это в жизни бывает, и мне будет приятно знать, что у меня ещё двое Kinder есть.

Когда Вася с Машей собрались, по обычаю Вера Ивановна усадила всех перед дорогой, присесть нужно было, чтобы удача в дороге была. Проводив детей за двор, попрощалась, прижала обоих сразу к себе и поцеловала,

пожелав доброй дороги, а когда Вася с Машей и в сопровождении Зины с Вовой тронулись к развилке дорог, осенила обоих крестным знамением, произнесла тихо:

— С Богом, дети дорогие! Храни вас, Господь!

VII

Ярко светило солнце, день был тихий и, по-августовски жаркий. За полгода отсутствия в родном посёлке очень много изменилось. Ещё меньше осталось домов, пригодных для проживания. Было видно, что люди, которых постигло такое горе и не желающие уходить с родных мест, проживали в подвалах или временных шалашах, их иначе не назовёшь, под навесами, во времянках и оставшихся целыми сараями для животных. Скучная еда готовилась или на грубах во дворах, или прямо на кострах, подвешивая котелки, а некоторые пристраивали чугунные плиты печей на камнях над топкой костров.

Но не это было главное, главным было то, что двое суток прошло, как кованые сапоги германских солдат, не поднимают пыль пересохшей от палящего зноя прииусские чернозёмы. Люди копошились и мало кто обращал внимание на тех, кто проходил мимо их разбитых хат и домиков, построенных из серого камня, набитого в машлыкинском каменном карьере.

Самое страшное было даже не то, что у них, у этих молчаливо восстанавливающих свое жильё людей были разбиты хаты — это наживное, хоть и тяжело было без крепких мужских рук. Хаты восстанавливали, при незначительных разрушениях, изготавливая самодельный саман из соломы и глины, а при отсутствии глины, даже использовали «болтанку» из обычной земли, из того же жирного чернозёма, местного богатства и всего донского

края. А самое страшное было в том, что у многих были разбиты судьбы, а их, как разбитую чашу, восстановить невозможно.

Вася уверенно шёл по родной улице и внимательно смотрел по сторонам, с надеждой увидеть знакомые лица. В одном из дворов заметил мать Вовки Захарченко, которая с младшей 12-летней дочкой Верой, выносила из подвала какие-то вещи.

— Тётя Лиза, здравствуйте! — громко и радостно, что увидел, наконец-то, знакомые лица и просто живых тех людей, которых хорошо знал и бывал даже дома, так как дружил с сыном тёти Зины, Вовой.

— Ой, Господи! Живы?! — опешив от окрика, женщина, пошатнувшись, успела ухватиться за открытую дверь пригребницы подвала, которая зычно «запела» на петлях, и выпустив из рук какие-то вещи, вглядываясь пристальней в лица детей, с облегчением произнесла, — живы! Слава Богу! А мать вас уже не раз похоронила, наверное... Как вы, где вы?

— Потом, тётя Лиза, расскажу. Пойдём мамку обрадуем. А Вовка дома?

— Ой! Убили, Вася, сыночка, загубили... — женщина плакала беззвучно и без слёз, все слёзы уже выплаканы в скорби, — в конце февраля Вову призвали... месяц назад получила сообщение, что пропал без вести в боях за с. Русское, что рядом с селом Куйбышево. И сердце у меня обрывалось в те дни... погиб сынок, а вот похоронен или нет — вот о чём думаю и не сплю ночами.

Женщина подошла ближе и увидев, прижавшуюся к Васе сестрёнку, у которой уже и сил не было идти, она попыталась улыбнуться, но улыбка получалась мученическая, и отложив скорбь на потом, заговорила:

— Маша, ты уже прям невестой стала. Я всё думала, Вова выучится и... ой, о чём это я? Вы аккуратно с матерью, не делайте сюрпризов, может плохо закончиться.

Как-нибудь подготовьте. Ой, я знаю, как! Вера, иди сюда, доча.

Когда девочка подошла и поздоровалась с Васей и Машей, мать присев на корточки, чтобы, глядя в глаза, объяснить, что нужно было сказать тёте Варе:

— Как придёшь, спросишь соли, скажешь, что я за солью прислала. А потом, как, между прочим, скажешь: «А Вася и Маша не дома?». Что там она будет отвечать, послушай и ещё скажи, что, твоя подружка, Таня Косатенко, бегала к бабушке и, если не ошиблась, видела, как шли домой Вася и Маша Домашенко. Вот так и передай. А если начнёт спрашивать ещё, то скажи, мол мамка сказала срочно соль нужна и убегай. Поняла?

— Поняла, мама. Не говорить, что они сейчас у нас?

— Не нужно, как ты вернёшься, они сами пойдут. Ступай, доча и скажи, как я учила.

— Так будет лучше. А вы присядьте с дороги на минутку, — сняв фартук и смахнув с ящика из-под снарядов пыль, указала куда можно присесть.

Вася, догадался причину «обмана во благо» тёти Лизы и скомандовал сестре:

— На пять минут присядем и пойдём.

Время тянулось тягостно долго. До дома оставалось всего сто метров, а за спиной уже двадцать километров утомительной дороги и вместо того, чтобы бежать и крепко обнять маму, сиделки устроили. Каждый по-своему представлял встречу с мамой, отгоняя плохие мысли и сомнения, но, чтобы так — никому не пришло в голову. Казалось, что и сердце в груди, хоть и билось учащённо, но казалось, что между ударами проходили не доли минуты, а десятки минут, как будто оно останавливалось и лишь желание увидеть маму, заставляло его сделать ещё один удар, от которого импульс крови мог за время «замирания» пульса в венах, обогнуть круг отсюда домой и убедившись, что действительно мама жива

и ждёт дома, вернуться обратно к сердцу и дать команду биться дальше.

Для брата и сестры пять часов пешей ходьбы, казалось, прошли быстрее, чем вот эти пять минут ожидания, когда на таком расстоянии материнское сердце, даже без слов должно почувствовать близость родных по крови людей, её кровинок. Возможно, так и было, но она боялась спугнуть и не оправдать многомесячные ожидания.

— Я взяла соль! — закричала Вера, подбегая к маме и её громкий окрик заставил даже вздрогнуть, задумавшегося Васю.

— Что тётя Варя? — нетерпеливо спросила её мать.

— Сказала, что Тане показалось, мол, она их давно не видела и спутала с кем-то.

— И всё! — чуть ли не криком спросила мать.

— Ну я пошла, а она проводила до улицы и осталась там стоять, провожала меня взглядом. Вот и всё.

— Ну, а теперь можно. Ступайте дети, пораруйте и успокойте материнское сердце.

— Спасибо, тётя Лиза! А Вова, может, в госпиталь попал и жив, может-быть. Мы же вот, вернулись. Мы пойдём?!

— Ну, да! Ну, да! Ступайте-ступайте!

Варвара Максимовна так и стояла напротив двора, как и рассказала Зина и просматривала улицу, то вниз, то вверх, откуда, заметив маму, уже не шли, а бежали её, пропавшие без вести на целые полгода, дети.

— Мам-ка-а-а! — добежав первой и повиснув на шею матери, во весь голос, до дрожи пронзительно, прокричала Маша. Вася затем степеннее обнял сразу обеих, и маму, и сестру.

— Детки! Мои детки! Боже, мо-о-о-й! — слёзы счастья катились по впалым щекам матери.

Они долго стояли напротив двора, обливаясь слезами, даже мужественный Вася не смог удержаться, что под

рѐв с причитанием своих родных, сам пустил, стесняясь и отворачиваясь слезу. А выше по улице, выйдя на проезжую часть таким образом, чтобы можно было видеть, как состоится встреча, объединение вновь, после долгих месяцев неизвестно семьи, пусть и не полной, а только трёх пятых от её полного состава, за ними, тоже рыдая и от счастья, что у людей, земляков и, практически, соседей, сегодня большой праздник, день успокоения болевшей и ноющей днями и ночами души, рыдала Елизавета Захарченко. И ей, вместе с этим было очень горько, что от отца семьи Захарченко давно нет известий, жив или нет и сын Владимир, к тому же пропал вести. Вот они, судьбы человеческие, которые пишет и корректирует сама война.

Русские женщины — кто они и, если чем-то отличаются от женщин других национальностей, то чем? Конечно же у них много общего и, вместо с тем, имеются большие отличия: что-то в них, если и присутствует, то лишь поверхностно, не глубинно, не ярко выражено, а что-то, наоборот, сильно, ярко, неповторимо и это является особенностью, визитной карточкой русской женщины.

Она отличается особым умом. Нет, не имеется ввиду образованность, она может иметь всего два или четыре класса образования, если женщина в возрасте и получилось в эпоху ликвидации неграмотности научиться читать и писать. Это особая способность разрешать простыми методами сложные жизненные ситуации, без математических раскладов и анализа всех аспектов. Да они и сами не знали на что полагаются, когда принимают решения. Возможно, тут присутствует, так называемая «женская логика», которая не поддаётся объяснению?

Сила дана женщине природой. Это не совсем та, физическая сила, которую приписывают мужчинам. Они сильны даже своей слабостью. И когда самые сильные мужчины падают от усталости, они продолжают тянуть то, что необходимо, то, что без них никто не сделает, а в те годы ещё и считалось чисто женской заботой. А теперь, к чисто женским заботам и работам прибавилась и тяжёлая мужская работа, которую тоже нужно кому-то делать. И её они свалили на свои хрупкие плечи. Кто-то в шутку говорит поговорку — «Я и лошадь, я и бык, я и баба, и мужик», а для русских женщин, тех кто остался в тылу, она стала горькой действительностью, с кровавыми мозолями на руках и низко опустившими плечами, от постоянных тяжестей и нагрузки.

О силе духа, если говорить, то нужно посвятить этой теме, опять-таки, не одну страницу. Сила духа, воля, устремлённой к цели, какие имеют русские женщины, вы не увидите не в одной другой. Такая выносливость, характерная русским бабам, когда лошади падают от невыносимости тянуть гуж и их пристреливают, а бабы тянут, потому что их в таких «упряжках» и женщинами назвать можно с большой оговоркой. Да, они могут быть, даже в тяжёлые годы, выпавшие на их долю, быть нежными, красивыми и любимыми, но у них нет на это или времени, или даже права, когда от них требуется то, что необходимо фронту, их мужьям в окопах, их голодным детям просто, чтобы выжить.

А, как умеют любить русские женщины! Нет, не те, описанные великими поэтами, ни Джульетты и ни Татьяны Ларины, и не на пуховых перинах в княжеских хоромах, а на просторах раздольной русской степи, хоть в Тульской губернии, хоть на Примиусье, в васильковых и ромашковых полях, под свежесобранными, из разнотравья приазовских и донских степей, копнами, под улыбками звёзд южного небосклона и на сеновалах, сло-

женных на подворьях, когда в тесных сельских хатах угонившаяся ватага детворы со стариками засопели и похрапывают.

И как, верно, может русская женщина ждать — не дано ни одной другой. В западной мире, у их женщин, на первом месте стоит личная жизнь и всё, что с этим связано. У наших же — сначала для всех близких, а потом, если получится и о себе можно подумать, а совершить или нет что-либо — это вопрос, который часто, так и остаётся неразрешённым. Русская женщина часто говорит: «Я за мужем», а не «замужем». Для неё муж — хозяин и голова, глава семьи. И она часто, даже, зная, что муж неверен, изменяет, всячески старается до последнего сохранить семью. И потому, во все времена встречаются одинокие женщины, ещё и обременённые, как мы понимаем, детьми, а они, конечно, считают то, что Бог дал — счастьем. Личного счастья нет, женского счастья нет, но они счастливы тому, что дали жизнь этим кровинкам, которые называют их, у кого, как принято: мама, мам, ма, мамка, мамочка. Верность русских женщин несравнима с верность мужчин и тут нельзя и сравнения вести. Мужик — кобель, жеребец, не ко всем будет сказано, но в крови их, это точно. А вот используют своё кобелиное предназначение, правда далеко не всё и это уже счастье семейное, если он — глава семьи, любимый и любящий муж, прекрасный отец.

Но русская женщина, помимо всего сказанного, может быть, как покорной, так и буйной. Даже та, которая долгие годы, что «робкая овечка», порою даже терпела унижения, вдруг, порвав нить терпения, рвёт узда и несёт-несёт, как необъезженная кобылица. Не удержишь, и ни пытайся: порвёт всё, чем только ни удерживай, ни примаивай, и ни ублажай. Всё! Она перешла «точку невозврата», в ней разыграла гордость, та, которую она сама убивала, ради семейного благо, но и этому есть предел.

Война, из-за того, что из миллионов погибших, большую часть составляли мужчины, молодые и здоровые, кто уже имел и мог ещё иметь детей, в возрасте от 17 до 45 лет, и это не могло не отразиться на формировании в женщинах «охотниц» за мужиками, так как мужик, даже комиссованный, если он не полный инвалид и ещё на что-то гош, мог не только найти себе жену, но и любовницу. Было бы мужское здоровье и желание, а молодых женщин, у которых была повышенная потребность не только в общении на работе, на улице, в компаниях, но и, главное — в постели.

Что касается женщин зрелым и с детьми, то они понимали, что судьба — это дети и «горб», на котором ей одной нужно было их вытягивать из нищеты, чтобы они стали людьми, достойными гражданами. А детские дома — это та крайность, к которой приходили только те, у которых просто руки опускались, но ещё были силы эти самые руки наложить на себя.

Совсем иначе обстояло дело там, где женский контингент был в ограниченном составе — на фронте. Здесь женщины были нарасхват. Хоть и война — это не самое подходящее место для любовных свиданий и всего, что могло быть продолжением отношений на гражданке, но сердцу не прикажешь. Ёкнуло, заколотилось и вместо того, чтобы залечь в окопе от вражеского обстрела, выбегает влюблённый идиот, чтобы ромашек собрать любимой, иначе, после обстрела их уже не найти, и его песня может быть спета... а может быть та же любовь и Господь его сохранят.

После освобождения Красной Армией населённых пунктов, всё мужское население, по возрасту подходящее для службы в армии, подвергалось проверкам. В первую

очередь выявлялись бывшие военнослужащие, которые в свое время без сопротивления сдались противнику в плен и те, что остались на жительство на территории, временно оккупированной немцами или, оказавшись окруженными в месте своего жительства, остались дома, не стремясь выходить с частями Красной Армии. Проверку проводили организованные военсоветами армий и фронтов сборно-пересылочные пункты.

Из сборочно-пересылочных пунктов, изначально, после беглой проверки большая часть проверяемых попадала в проверочно-фильтрационный лагерь НКВД, а оттуда, чаще всего, в штрафбат. С января 1943 года, в постановлении Государственного Комитета Обороны частично упрощается этот процесс проверки. Теперь командующие войсками фронтов могли использовать прошедших фильтрацию непосредственно для пополнения соединений и частей, без направления в лагерь НКВД. Это было продиктовано большими потерями на фронтах и необходимостью пополнения боевых подразделений живой силой, будь то и в качестве штрафбатов.

Василию, как призывнику, достигшему призывного семнадцатирейс сущ.его возраста, также необходимо было в кратчайший срок явиться в призывной пункт. Мать долго плакала и не хотела отпускать от себя сына, которого и так не видела полгода и только дождалась и не успев порадоваться, опять лить слёзы.

— Мама, ну ты же хочешь, чтобы за мной завтра пришли и увели под стволами винтовок?! Я же не один такой. Моих друзей уже и не осталось дома никого, кроме негодных к призыву. А я здоров и пойду служить. А ты теперь не одна, вот Маша подросла, за помощницу тебе будет. Тем более, трудные дни позади, с голоду не померли, значит и дальше будем жить. Мать, не ки-сни!

— Ну, как же это, Вася? Хоть бы недельку дома побыл. Может мне самой к начальству пойти, попросить, чтобы чуток повременили?

— Мам, не позорь меня. Завтра с утра и пойду. Ты же не хочешь, чтобы меня в штрафбат отправили? Ну, вот, тогда хватит плакать. Ты, как будто оплакиваешь меня уже, хоть я никуда ещё не уходил, я ещё дома, и заночую в доме. Всё, мам! Я полчаса полежу, пусть ноги отдохнут. А потом, чем-нибудь помогу по дому.

Вася зашёл в хату, у которой в одном углу зияла дыра и над её половиной совсем не было крыши. «Как же они без меня тут справятся?» — подумал Вася и тяжело вздохнув, плашмя упал на кровать. Несмотря на то, что домашняя кровать притянула, как магнит и не хотела отпускать, не более, чем через час, парень поднялся, размял кости несколькими простыми упражнениями вышел во двор.

Мать семейства колдовала у грубы и в казане что-то варилось и сердито булькало. Маша сидела рядом и полуслёпотом рассказывали маме, как они с братом прожили полгода, о доброй и заботливой Mutter. Вася остановился у них за спинами и улыбаясь слушал.

— Как же мне отблагодарить эту добрую женщину? — как будто спрашивала сама себя, мать, глядя на Машу и одновременно помешивая содержимое казана большой поварской ложкой, с душой изготовленной мужем Петром.

— Война закончится, отблагодарим! Мы её и к нам приглашаем и к ним можем потом съездить. Вот только немчуру разобьем и познакомим мы тебя с Mutter, мама. Она такая же, как и ты, простая и душевная женщина. Вы с ней найдёте общий язык, — вмешался в разговор Вася.

— Ой, сынок! Ты давно проснулся? Сейчас, уже скоро я вас супом угощу. Чуток обожди.

— Хорошо, мам. Я только гляну, что там с прорехой в крыше можно сделать. А-то скоро осенние дожди, как зайдут, кто тогда вам её починит.

— Ну, взгляды-взгляды.

— А, что батя пишет, ма? — спросил Вася, который только и успел спросить у матери: «А наши все живы?».

— Да пишет, что всё у него хорошо. Он уже заслужил уважение и его перевели в штаб Южного фронта. У него целая, почитай, мастерская сапожная в подчинении. Оценили мастерство отца по заслугам. Вот, если бы ты попросился к нему, хорошо бы было. Тем более, что он и тебя успел кое-чему научить.

— Мам, там кое-чему не пойдёт. Мне до батиного ещё далеко, как до Китая раком.

Вася подставил к стенке драбину и полез на чердак. Оттуда доносилось слабое бурчание, которое можно услышать разве, что от стариков.

Спустившись минут через десять с чердака и сбив с себя пыль, Вася, подошёл к примитивному столику, рядом с грубой, на котором мать и стряпала и, видимо, обедала, смешивая еду с горькими слезами, вместо приправы. Пытаясь подбадривать мать, расстроенную тем сообщением, что Васю могут завтра отправить в армию, он подмигнул Маше и бодро скомандовал:

— Мать, всё, что есть в печи, всё на стол мечи!

Мать, скорее изобразив улыбку, чем улыбнувшись, как было раньше, от души, произнесла:

— Ой, как же ты на отца становишься похож...

— Мам, а Лида вернулась из Ашхабада? Приезжала? Замуж не вышла?

— Да, что же, дети, вы мне душу рвёте, а?! Ещё весной приехала, сначала собиралась, как обустроится, приехать. А потом написала из Батайска. Вася, она на зенитчицу выучилась и вот-вот должны были на фронт отправлять. А может уже и воюет. Одно дело, что я, старая

дура, своих кровинок на верную гибель отправила. Слава Богу, что Он милостив и вы живыми вернулись. А Лида, ну как же она, даже не приехала. Она, что думает, что у матери сердце-камень? Я отцу даже боюсь писать, что она на фронт собралась. И за вас молчала. За всю жизнь столько греха за мной не было, чтобы столько врать. Писала, что вы дома, помогаете мне во всем. А он мне: «... почему мне никто и слова не напишет? Что им так трудно?».

— Лида на фронте, а я дома... — как будто рассуждая сам с собой, тихо проговорил Вася.

— Ну, да, давай и ты порадуй мать. Иди на фронт! Может и мне уйти? Оставим Машку одну, дом сторожить, хоть и сторожить уже тут нечего, и все на фронт пойдём. Да?! — мать, после длительного воздержания от эмоций, дала им волю и они, почувствовал «слабину», полились обильным потоком.

— Мам, ну успокойся, пожалуйста. Ты же не хочешь, чтобы меня считали дезертиром? Мои годки ещё весной ушли. Вот видишь, это благодаря тому, что ты разрешила нам с Машей меняться из дома уйти. И благодаря этому и мы смогли прожить, конечно же, благодаря заботе Веры Ивановны и тебе не пришлось жилы рвать, чтоб нас прокормить. Как ты раньше говорила: «Что Бог даёт, того не изменить?»...

— Нет, не так. «Что Бог даёт, то к лучшему!».

— Ну или так. И ещё есть в том очень важный плюс, ты не забывай это. Вот, к примеру, Вова Захарченко, которого ещё в марте забрали, уже пропал без вести где-то недалеко, но... Миус-фронт много горя наделал. Сколько людей полегло. Так вот, если бы я был дома и меня ещё весной призвали в армию, то неизвестно что и как бы вышло. А так, я вот он, перед тобой стою. Конечно, ты, бедная мамочка, лет на десять постарела из-за переживания. Не дай Бог никому такого. Но зачем сейчас раньше

времени даёшь слезам волю. Мам, не нужно. Да и неизвестно ещё, заберут меня или нет. Скажут: «Гуляй, мальчик! Зачем в метрике годов добавил? Ты, наверное, ещё мамке под подол проходишь, не нагибаясь?»

— Ты ещё и шутишь?

— Ну, а шо, мам? Давай сядем все втроём и начнём слёзы лить. Военком придёт, глянет и скажет: «Этого молокососа не берём, он от мамкиной груди ещё не отвык. Какой с него вояка?».

— Да прав ты, Вася, прав! Но я же, мать. Как с таким мать может смириться? Муж на фронте, дочь, если ещё не на фронте, то на пути туда, а теперь ещё и этого заберут. Ну ты хоть в зеркало на себя глянь, вояка...

— Ничего, мать. Были бы кости, а они у меня есть и крепкие. Сколько ни падал и с высоты, и кувырком, но ни разу кости не ломал. А раз кости есть, то мясо нарастёт. Вытянусь, там же кормят по усиленной категории, вытянусь, вот посмотришь.

— Ой, что же я вас разговорами кормлю. Так и суп остынет. Маша подгребай к столу, сидишь, как сирота. Чай, не у чужой мамки. Вот вы, даже Веру Ивановну так с уважением матерью величаете, хоть и не на нашем, на их, изуверском языке.

— Ну, чего ты, мам? Язык не изуверский, да и немцы разные, и ты видела, и нам довелось. Вон, Машка-замарашка, куклу какую отхватила, немец подарил. Гитлер ихних, тот, конечно, изувер. Спецслужбы их — изуверы. А простые солдаты, как и наши, все разные. Приказали и они пошли, не пойдут — дезертиры, а раз дезертиры, то растр... Ой, как я давно мамкиной стряпни не куштовал, — неспеша опорожнив, с «подсосом» воздуха, для охлаждения содержимого ложки, по-взрослому «крякнул», — ах, хорош супец и с мясом...

— Ты опять смеешься? Откуда мясо. Смальца на зажарку нашкрябала в макитре, вот и весь навар. Завтра

и мы с Машей пойдём, нужно её, да и тебя на довольствие ставить. А возьмут в армию или нет, это ещё неизвестно. Кушайте. Чем богаты — тому рады.

— Ну и как же ты, Расскажи, целых полгода скрывался от призыва? — издевательски спросил Василия, дымя папиросу начальник отдела, капитан по званию, при этом пристально, как будто желает продырявить парня насквозь, смотрел в упор, видимо ожидая реакции на обвинения.

— Как только смог, сразу к вам пришёл. С порядками ознакомлен уже и скрываться у меня и в мыслях не было.

— С порядками оккупационных властей?

— И с ними вынужден был ознакомиться, иначе, сами понимаете...

— Я не понимаю. Я там не был. А ты, раз был там, где не должен быть, потому к тебе и вопросы будут и не только у меня. Тебе нужно объяснительную написать и в ней подробно всё рассказать: где был и как, с кем контактировал, был ли завербован германскими спецслужбами или были ли попытки завербовать, служил ли в полиции, чем помогал немцам, всё пиши, ничего не утаивай. Проверят, если что утаил или неправду написал — сразу расстрел. Понял?! — перейдя чуть-ли не на крик начальник отдела.

— Всё я понял. Я очень сообразительный. И кричать не нужно, у меня хороший слух.

— Ты ещё и дерзкий? Пройдешь комиссию, там посмотрят, какой ты на слух, на зрение и «на вшивость» проверят, в прямом и переносном смысле. Садись вон за тот стол, там есть образец, с чего начинать, бумага и чем писать. Пиши и помни, что я сказал: признаешься — поймут, утаишь — расстреляют.

Вася, не пререкаясь, подошёл к указанному столу и, присев на табурет, начал писать.

— Следующий! — крикнул капитан.

Вошёл рыжеволосый, но в отличие от Васи, рослый парень.

— И чего молчим? Представляться разве не нужно или я должен, как гадалка, по отпечаткам пальцев отгадывать, кто ты и сколько тебе жить, и как жить, и если придётся умереть, то кем, героем или дезертиром.

— Мне хотелось бы прийти с войны с победой. Мой батя воюет, старший брат тоже на фронте, и я буду бить фрицев. А зовут меня Карпухин Никита Петрович.

— Похвально! Да, ты, как тебя? Домашенко, слышал? И о родных всех напишешь, кто сейчас есть у тебя и где они находятся.

Капитан продолжил провоцировать провокационными вопросами следующего призывника, не забывая припугнуть расстрелом и штрафбатом. Парень, державшийся сначала очень уверенно, после прессинга стал теряться в ответах и путаться.

— Ага! Не на все вопросы заготовлены ответы, да? Нас обмануть никому ещё не получалось. «Мутный» ты какой-то. Отправлю я тебя в проверочно-фильтрационный лагерь, а там тебя быстро «на чистую воду выведут». Так что или тут всё мне рассказывай и тогда, может быть, мы решим тут на месте — в гвардейскую дивизию 28 армии, как рядовой красноармеец поступаешь на службу или в ту же дивизию, но в качестве штрафника штрафной роты.

Вася старался описать всё кратко и правдиво, так как за всё время его пребывания на оккупированной немцами территории он ничего противозаконного не совершал и в мыслях не было, а потому написал быстро и уверенно вручил начальнику два листа испи-санной бумаги.

— Посмотрим, что ты тут нам накарябал, — и сдвинул брови к переносице начал читать объяснительную.

Прочтя, положил листы в папку личного дела, ещё раз переспросил:

— Ты уверен, что ничего не забыл, ничего не утаил? Да, вот ты написал, что твой отец служит в штабе Южно-го фронта, так? Он кто, начальник штаба или ординарец его? Так я и того и другого знаю.

— Нет, он сапожник. Старший он в мастерской, как мать сказала, я письма не видел, точнее не могу сказать.

— Вот видишь, а ты думал, что к тебе больше вопросов не будет? И где сейчас сестра твоя не знаешь, да?

— Ну, конечно. Она окончила курсы зенитчиц, а куда их направили служить, не знаю. Напишет — сообщу.

— Сейчас отправляйся на медкомиссию. Подождёшь у двери, если вызовут — повезло. Это в следующий кабинет направо. Значит я тебе поверил и допускаю к прохождению комиссии. А ты почему такой «дохлый»?

— Какая кормёжка, товарищ капитан, такой и «привес».

— Ну, да! Ну, да! Ну, ступай-ступай. Я документы передам, вызовут.

Медицинскую комиссию Вася не прошёл, потому что, как говорится, «не выдался ростом», а если точнее, то он выдался и очень выдался, но весь в отца и не только ростом. Вес тоже был запредельно низким и это было результатом серьёзных недоеданий за последнее время. В итоге Василий получил отсрочку от воинской службы на полгода. Врач порекомендовал необходимую диету для того, чтобы ликвидировать отставание в росте с дефицитом массы тела.

Возвращался парень домой с двояким ощущением. Первое, это то, что молитвы матери, видимо, дошли до Бога и Он пошёл ей навстречу, оставив сыны «под крылышком», но не сильно устраивало самого Васю, а вернее, совсем его не устраивали.

А во-вторых, все его годки или уже были на фронте, или сейчас призывались и таких, как он практически не было. Было такие, у которых были серьёзные проблемы со здоровьем, с видимыми и теми дефектами, которые внешне не проявлялись, как минимум в страдальческих выражениях лиц. А он, с даже примерными показателями здоровья, если не считать те, что, по его мнению, могли были даже быть плюсами, для некоторых род войск — «не годен».

Как он сегодня, если встретится с тётей Лизой, будет смотреть ей в глаза? Что она подумает, узнав, что кого-то не взяли на фронт, а её сына, мало того, что пропал без вести, даже поклониться его могилке невозможно, если она вообще где-то существует.

Потому, Вася шёл с тяжелыми мыслями, не замечая редких прохожих, которые даже оборачивались, глядя на опустившего голову молодого парня, скорее всего думая, что у него горе: возможно на отца похоронка пришла, возможно из-за того, что завтра отправка по призыву в армию. И никто догадаться не мог в истинном положении дел и тому, из-за чего он упадческом состоянии духа.

Мать, знающая лучше всех своего сына и тем более тот настрой, с которым он собирался и не только сейчас, а намного раньше призывного возраста, попыткой убежать добровольцем на фронт, тоже не смогла понять, что так сильно могло его расстроить. Желание было очень сильным, ещё когда он входил в калитку, бросить ему вопрос, ответ на который поставил бы точку в её с его спорами. Но взяв себя в руки, что давалось с трудом, сделала вид такой, как будто посылала его за хлебом в булочную или за молоком с бидоном, что часто делала ещё до войны и ответ находился в его руках — хлеб или бидон с молоком.

Вася, пройдя мимо матери, что уже о многом говорило, не сел, а рухнул на скамью у стола с таким видом, что

у него на плечах, тянущий к земле, центнеровый мешок неприятностей.

Мать отложила готовку обеда и присела рядом, молча, внимательно смотря на сына. Оба молчали. Потом, обняв за плечи, прижала сыночка к груди и уже собиралась плакать. Вася, почувствовал это по вздрагиванию её груди, резко отклонился и поспешил её успокоить.

— Мам, ты чего? Успокойся, всё, по-твоему, вышло, не берут меня в армию. Вот опять, всё из-за того, что не ты меня кормила и пичкала всё нам, от себя отрывая... А так бы, был под два метра ростом и под центнер весом, — на лице Васи, наконец-то, появилась улыбка, видимо из-за того, что сам себя такого представил.

Мать тоже не сдержалось и закатилась смехом сквозь слёзы. Выбежала Маша, ничего не понимая, что могло произойти такого, из-за чего тут такая радость.

— Мама, что случилось, а? — Маша, с широко открытыми глазами стояла напротив матери, бросая взгляд, то на мать, то на брата.

— Ой, шутник! Всё хорошо, доча, Васю пока не берут в армию. Будем откармливать нашего защитника.

VIII

Воспользовавшись вынужденной отсрочкой от службы, Василий, работая на восстановлении, изначально только самых важных объектов в поселке, влияющих на поддержание жизнедеятельности и выполнения функций, предприятий обслуживания населения и обеспечения продуктами питания, в первую очередь хлебом. Народное хозяйство требовало восстановления, разрушенные промышленные и административные здания. Что касалось личных подворий, домов и хат, то они

на втором или третьем месте. И люди, просидевшие два года в подвалах, не роптали, понимая всё адекватно, что главное — обеспечить фронт всем необходимым, продуктами питания, вооружением, обмундированием и резервом бойцов, конечно.

До дождей, правдами и неправдами, найдя подходящий материал и чаще всего из разбитых и подлежащих сносу зданий, Вася, в основном в одиночку, имея двоих подсобных рабочих, маму и сестру, отремонтировал крышу. И под ней можно было без боязни жить, не думая, что ночью на голову польётся дождь или повалит снег во время метели. Организовав с женским контингентом домашний субботник, затеяли глиняно-соломенный замес, которым устранили прорехи в потолочно-чердачном перекрытии.

— Ну вот и я дождалась помощников, — уставшая, после авральной работы, мать просто плюхнулась на ящик из-под снарядов, служивший и удобным табуретом и подставкой под что-угодно, и маленьким сундуком для вещей.

— Нам теперь осталось Дюймовочку замуж выдать и мне можно в армию собираться, — пытаюсь подчеркнуть, что сестра уже почти взрослая, но с неким «поджигом» меньшей сестрёнки, сказал Вася.

— Ты опять? Что я тебе плохого сделала? А ещё братом называешься....

— Хватит вам собачиться, — высказала недовольство мать, — как уйдёшь в армию, тогда поймёшь, как тебе нас будет не хватать. А сейчас хорохоришься. Быстрее бы война закончилась. Может на твою долю и не выпадет уже воевать. Хватит, что батя и Лида воюют. Благо, что сестра ваша на этом, как его... забыла.

— На Восточном фронте, мама. Это, можно сказать, что в тылу. Они охраняют от налётов важные военные и промышленно-хозяйственные объекты. Их гарнизон

войск ПВО, они где-то на второй линии обороны обычно стоят, на Южном фронте, должно быть.

— Ой, ты прям всё знаешь, — тоже с ехидством, ответила тем же брату Маша.

— Конечно знаю. Лида мне по секретной почте письмо прислала. Его только лично в руки вручают и передавать строго настрого недопустимо в третьи руки. Вот так!

— Расскажи нашему петуху, которого мама на Новый, ещё 42-й год нам целиком стоговила, а не мне. Забрехался, силы нет, — отвечала в манера Васи сестра.

— Мам, а чё батя письма не пишет? Он же, вроде как при штабе сейчас, а? — повернувшись к матери, продолжил «допрос» сын.

— Вот напиши ему и спроси. Ты же всё знаешь, вот и ответь сам нам — почему? — уже и мать стала сердиться таким вопросам неугомонного сына.

— Могу попробовать, конечно. Думаю, что штабным служащим, от начальника штаба армии или фронта, до штабного водителя, кучера и сапожника, всем запрещено писать домой письма, чтобы, упаси Бог, какую-нибудь военную тайну не разболтали. Ладно, мне, я — могла, а ты Малявка, растрезвонишь повсюду враз.

Наступила минута молчание. Вася ожидал следующей «атаки» женского батальона, в составе мамы и сестры, а те, в свою очередь, поняли, что только так можно было заставить юношу помолчать немного. Тем более, что Варвара Максимовна и сама себе задавала вопрос: почему муж совсем почти не пишет, в отличие от дочери, от которой еженедельно приходило письмо. Возможно, чуткое женское сердце почуяло что-то неладное. Когда их разделял фронт — понятно, но за восемь месяцев три письма, когда соседи с фронтов, которые и подальше, чем Южный, получают, не так часто, но регулярно весточки. А Южный фронт, хоть и сдвинулся на запад, но на две сотни километров от дома, не более.

И даже, когда мать, «преступно» молчала о том, что детей нет дома, что они за линией фронта и вообще о детях ничего не писала, Пётр ни разу не спросил: у вас там всё в порядке? как дети? как выживаете или сытно живёте? — ничего подобного. К тому же и Лида жаловалась, что «... написала папе ещё в середине августа — ответа нет, через месяц — опять ответа нет. Вот и на третье письмо не дождусь никак ответа. Вы мне, верно, указали полевую почту 41620...». Ладно, когда передовые части в окопах сидят безвылазно и-то домой пишут, а тут?

— Что-то с вами совсем скучно стало, — первым разорвал тишину опять Василий, — схожу на речку, может сома поймаю...

— Ага, сходи-сходи, — отпуская сына, так как дома, если и были, то только бабские дела и подумала про себя: «пусть погуляет, пока ещё есть такая возможность, а вот весной...».

На вокзале, на границе привокзальной площади, возле стены, из которой торчали водопроводные трубы с вентилями и гусаками, а внизу с жёлобом для стока, над которыми были яркие надписи «Холодная вода» и «Кипяток» стоял тарный ящик, который, что наездник «оседлал» одноногий комиссованный фронтовик с гармошкой. А в полутора-двух метрах от него сидел, а вернее сказать, стоял на своих «обрубках», вместо ног другой инвалид, но без обеих ног, практически, отхваченных до промежуточности. Через его плечо по диагонали была подвешен небольшой сидор, похоже, что он был изготовлен из штапины галифе. Под ним была подмощена картонка, толи фанерка, а с обеих сторон стояли упоры-ходунки с ручками, на которые инвалид, опираясь, переносил своё укороченное вдвое тело вперёд, при передвижении.

Была ли договорённость у этих двоих бывших вояк или нет, но впереди перед ними, примерно посередине,

лежала перевёрнутая шапка, в которую изредка те, кого пробирала жалость и в кармане были мелкие монеты, бросали, нагибаясь и при этом крестясь. Чаще, это были женщины, потерявшие на войне мужей или сыновей и это, читалось на их страдальческих лицах.

Гармонист пел популярную уже песню «Огонёк», написанную на стихотворение Михаила Исаковского, которое было напечатано в газете «Правда» в апреле этого года. Композиторов было много, которые положили музыку на эти стихи, однако, в сущности, песня, хоть и имела незначительные отличия, и даже в тексте, но была узнаваема и всеми любима. Бывший фронтовик пел совсем не артистичным голосом, с трудом попадая в озвученным им же мелодии старенькой гармонии, низко наклонив голову и казалось, что ему всё равно слушает ли кто-то его или нет, бросают монеты или нет:

«...Парня встретила дружная
Фронтная семья,
Всюду были товарищи,
Всюду были друзья,
Но знакомую улицу
Позабыть он не мог:
«Где ж ты, девушка милая,
Где ж ты, мой огонек?..».

Тот же, что был едва виден из-за ящика с сидевшим на нём гармонистом, наоборот, вертел головой, как будто кого-то ждал или хотел узнать. Видимо, их дуэт сложился случайно, да и дуэтом его назвать нельзя было, так как играл и пел только один, второй только дополнял трагичность момента своим видом.

Вася стоял чуть в сторонке, слушал и дожидался, когда этот фронтовой дуэт сделает перекур. Хоть в это время здесь людей было мало, лишь редко, женщины, пройдя короткий ряд торговщиц и менял на привокзаль-

ном базарчике, что-то приобрета или уйдя недовольно бурча, из-за заоблачных цен, проходили мимо тех, кто тут уже успел примелькаться за последние три-четыре дня.

Высокий и худощавый фронтовик, сидевший на ящике в шинели, достал кисет и бумагу, положил рядом с собой на ящике. Снял с плеч ремни гармошки и поставил её рядом с другой стороны. Неспеша свернул самокрутку и, наклонившись, передал её своему товарищу. Затем ловко свернул самокрутку себе. Заметив то, что парень долго крутится рядом и не уходит, предложил ему:

— Тебе тоже свернуть или ты сам любишь это делать? — подумав, что тому не терпится курнуть.

— Не! Спасибо, батя! — поспешно ответил Вася.

— Можно и батя, но тем, кто платит.

Вася засуетился, порыскал в карманах и достав пару монет, бросил в шапку.

— Тю, дурень! Это присказка у меня такая. А ты, видать, батю с фронта ждешь, да?

— Да, нет, он на фронте... пока на фронте.

— Но ты явно что-то хочешь, так же? Ну давай, «насыпай», а мы с Дубиной тебя послушаем — подкурив сигарету и дав прикурить, как он назвал товарища, Дубине, фронтовик глубоко затянулся, задержал дыхание и потом с удовольствием, медленно стал его выпускать струйкой.

— Вы меня извините, а почему Дубина? Такое прозвище дают человеку здоровому, как дубина.

— Я не понял, Михась, он издевается надо мной или наоборот, эти слова, как комплимент мне, с благодарностью принять? — фронтовик без ног и в ватнике, дымя сигаркой и не вынимая её изо рта, а лишь отклоняясь от дыма и щурясь, спросил у гармониста.

— Комплимент, конечно, ты же, до того, как тебя «сломали» и впрямь дубиной доброй был, шо, не так? —

морща улыбкой лицо с чёрной щетиной небритых щёк, Михась успокоил Дубину.

Мужики некоторое время молчали. А потом, Михась, повернулся к Васе и спросил:

— А тебя, «Геракл», как зовут-то?

— Василий, я, — засмушавшись ответил парень.

— Ну и, Василий Батькович?

— Да я-то ничего особенного. Просто меня в армию не взяли, Геракла не получилось, не вырос. А батя и сестра старшая воюют. Это не моё дело, просто хотел спросить, вы же не местные, а почему домой не едите, вас, что некому ждать? Родные же есть?

— Э, брат, ты самый трудный вопрос задал, на который и мы сами никак не найдём ответ. Я-то сначала думал ехать домой. Мы ж с Колей тут, на Миус-фронте ноги оставили, я одну, а друг обе к разу. Мы с Кущёвки, что в Краснодарском крае. Микола наотрез отказался домой ехать, просил даже меня написать письмо, как от командира или товарища, с кем воевал, что мол так и так, погиб ваш сын, муж и отец. Я не могу такую неправду писать и бросить его самого не могу. Вот так и скитаемся, брат мой, как побирušки. А, что делать? Руки на себя накладывать? Так мы же верующие, христиане, грех на душу брать не хотим. Тело-то оно тленное, а душа же бессмертна. И как же она тогда, грешная будет маяться?

— Михась, ты вот на своих «трёх ногах» несмотря на то, что две из них — деревянные костыли, быстрее стал бегать, чем раньше на двух. Бросил бы и правда меня. Из-за меня и свою жизнь гроишь. А когда решишь вернуться, жена, не дождавшись, выскочит за какого-нибудь бравого штабиста и все дела. Что потом? Его убивать или самому в петлю?

— Дубина, ты и правда, дубина. Сказал же тебе, что мы или вместе домой приедем или никто. Всё, точка!

Вася стоял, слушал и понимал, что такие споры у друзей-товарищей происходят не впервой, а он, ставший невольным свидетелем, только масла в огонь костёра спора подлил. И они уже за него вовсе забыли, начали «ляяться», что цеповые. Когда на крики начали собираться люди, земляки резко замолчали. Михась взял в руки гармошку, сделал перебор клавишами и, «разбудив» отдыхающие меха, резкими рывками заиграл, остановился, пару секунд подумал и сменил «репертуар», запел песню «Три танкиста» из фильма И. А. Пырьева «Трактористы».

Собравшие на шум и крик люди, теперь уже были вынуждены до конца прослушать любимую песню, а молодая женщина даже поддержала гармониста своим звонким, залившимся голосом.

Вася впервые представил себе, что вот также, как эти фронтовики, мог где-то оказаться и его родной отец. Да, нет, с ним этого не должно случиться, он же при штабе служит и в атаки не ходит, как эти бойцы, прорывая линию Миус-фронта.

Не задавая бывшим фронтовикам лишних вопросов, которые были припасены у него заранее, когда он ещё наблюдал за ними со стороны, но в связи с новыми обстоятельствами, потеряли свою актуальность, Вася тихо и молча, не прощаясь, удалился в сторону железнодорожного полотна. Перейдя через железнодорожные пути, направился привычной тропинкой, мимо водокачки к Миусу. Опустившись по косовету к самому берегу реки, прошёл по тропе, по течению до установленного мостка, с которого детвора любила прыгать с разбега в речку. Уселся на край мостка, свесил ноги так, что они едва не касались поверхности воды.

По воде, словно маленькие шлюпки проплывали, кружась, опавшие листья. Ощущалась осенняя свежесть от воды и запахи высохшей травы. Солнце, при всех по-

пытках доставить тепло почве и воде, уже плохо с этим справлялось, а по утрам на траве, в низменных местах ложилась изморозь.

Вася любил, оставшись наедине с природой подумать на серьёзные темы или просто снять внутреннее напряжение, физическое, но в большой степени душевное. И с этим природа справлялась лучше любого психотерапевта. А о том, что такие специалисты существуют, разве в такие молодые годы кто-то задумывается? Сейчас он должен был получить разрядку, и он её получал сполна.

«Как же они тут будут, оставшись вдвоём, без меня, — думал Вася, смотря на тяжелые низко-плывущие облака, через разрывы между которыми, изредка пробивалось яркое, но уже холодное солнце, — я не могу не пойти на службу. Иначе, это уже похоже на дезертирство, хоть и не по моей прямой вине, а потому, что я, подобно „недомерку“ Дубине, не могу ничем помочь отцу, сестре, да и Родине в целом, победить ненавистного врага, принесшего много горя и смертей, разрушений и лишений. И мамка, хоть и прячет постоянно волосы под косынку или платок, но я же видел у неё на висках седину. А ей-то только через год сорок должно будет исполниться. Половина моих друзей сложили головы. Они-то были слишком явной видимой для врага мишенью, а я юркий, шустрый и неприметный, как и батя. Батя же не сразу в штаб попал, ему-то, хоть и не писал он, нельзя же такое писать, но ему, уверен, ох, как и досталось. Сорок первый год — не сорок третий, тогда ни за что гибли, необученные, не умеющие воевать, а сейчас и командиры опыта набрались, и вооружение, дай Бог, какое, одни самолёты, что я видел и танки чего стоят?!».

За изломом реки, послышался шумный подъём уток с воды, с характерным всплеском, при отрыве группы диких уток и послышались крякающие сигналы об опас-

ности, подаваемые селезнем, для привлечения внимания других уткам стаи, не видящими опасность. Вася, повернув голову в ту сторону, увидел стайку в пять-шесть особей, поднимающихся вдоль русла и, практически над его головой, поднявшись выше крон прибрежных деревьев, сделали плавный разворот, пошли на круг, как самолёты делают, в случае неудачной посадки. На время даже показалось, что они крыльями касаются тяжёлых облаков, но затем пропали из виду, скрывшись из поля зрения за высокими вербами.

«Вот и утки скоро улетят или эти и есть уже перелётные, остановившиеся для отдыха и подкрепления. Видимо, рыжая плутовка, подкравшись через кусты крутого правого берега, со стороны Широкой балки, поросшей камышом к воде, попыталась схватить крякву у берега. Но, дура, она же не знает, что там сразу у берега глубина, если не по шею, то не меньше, чем по пояс. Во-во! И что-то барахтается. Точно, так и есть. Будет знать, как на реке охотится. Шла бы в камыши или ещё лучше в поле, мышшей-полёвок ловить, они сейчас, ох, какие жирные. — Вася удивился сам себе, что смог на минуты отвлечься от важных мыслей, — это и хорошо, и очень плохо, случись на фронте. Тогда я смог бы стать лёгкой мишенью для снайпера, будучи в разведке. Но я же сейчас не в разведке? Да, конечно, но нужно отрабатывать внимательность и сосредоточенность на главной цели — пригодится на фронте...».

Вася так задумался, прикрыв глаза, что не заметил, как вдоль берега к нему тихо подошёл старичок с рыболовными снастями, состоящими из простой поплавочной улочки со сравнительно коротким удилищем, не более двух с половиной метров, но прочным молодым побегом дерева и деревянной невысокой скамейки. Он так тихо подошёл, что присутствие постороннего Вася ощутил тогда, когда скрипнули доски настила мостика под ним.

От неожиданности, парень чуть не свалился в воду, но ухватившись за край мостка, поднялся и внимательно посмотрел на старика.

— Я, наверное, занял ваше место?

— Моё место, милоч, давно уже на погосте, ждёт-не дождётся. А Господь меня всё ещё держит тут, на грешной земле, не отпускает. Трех моих сынов забрал уже, а меня держит. Зачем и кому я тут нужен? Так видать ещё пока нужен. Оставил нам старшенький с бабкой внучка, Виктором назвали, в честь победы. Он уже в войну родился, отец евоный не увидел своего наследника. Сиди, милоч, коль хочешь. Река большая всем места хватит. Ну, а ты явно не на рыбалку пришёл. Сам на сам хочешь, небось побыть?! Знакомая песня.

— Да, дедушка, так и есть. Не знаю, как Вас зовут.

— Зови, хоть дед, хоть дед Макар, коли это важно. До отчества я непривычный. А вот кличут меня ещё Шукарём, не слыхал?

— Не-а, не слыхал. Наверное, рыбак Вы знатный и шук за свою жизнь переловили много, потому и Шукарь.

— Да какой там, знатный. Это мой сосед, учитель знатный, Иван Елизарович, ты должен его знать, прозвал меня в шутку, так и прилипло ко мне, Шукарь да Шукарь. Я всё выпытывал, мол не ругательное это прозвище, а он мне — нет, говорит, наоборот, литературное и доброе. А на рыбалку убежал, что бабке глаза не мозолить, да и глядишь чего-нибудь и споймаю. По молодости и сомов ловил, и шук, да и чего я только не ловил. А вот сейчас, Миус-то весь «перевернули» вверх дном взрывами, побили рыбу. Сом, если, где и выжил, уже в спячку пал, а шуку поди найди. Вот закину удочку, леску размочу, чтоб не пересыхала и домой пойду. Ну, а тебя, как кличут, али секрет?

— Васей меня зовут, дедушка Макар.

— Ну, а ты, Вася, позволишь мне тут присесть, поку-
рить. Будешь, я угощу?

— Не-а, не курю.

— Ну да, конечно. Ты же ещё молодой, твоё впереди.
В армию идти годков не хватает, здоровья или росту?

— Росту, дедушка, — заулыбавшись, ответил Вася.

Дед Шукарь свернул сигарку и задымил. Дым застру-
ился, вдоль русла реки, гонимый легким дуновением се-
веро-западного ветра, пока не растворился в предвечер-
ней свежести. Дед Макар рассказывал о своей нелегкой
судьбе, но не уповал на рок, а больше говорил, что «это
Божье наказание», а в чём был его этот самый грех или
грехи, не говорил. Вася и слушал, и думал о своём. Рас-
сказ незнакомого деда был, как всё равно заставка, фон
для размышлений и даже начинало казаться, что если дед
Макар замолчит, то и мысли улетучатся. Да и Шукарю,
видимо, нужны были, как говорится, свободные уши.
Так они и сидели на мостку, один говорил, а другой ду-
мал, и получалась идиллия в той противоречивости мо-
лодости и старости, что сейчас выравнивались одной
мысль — «я не один в этом мире, у меня есть тот, кто раз-
деляет моё одиночество, как минимум».

Вечерело, Вася спохватился и засобирався домой.

— Пожалуй, сегодня рыбалки уже не будет. Пойду-ка
и я с тобой. Ты, Васютка, сможешь мне по тропе
на кручу вскарабкаться? Вниз-то я на заднице спол-
заю, а обратно несподручно. Вот есть у меня задумка, хо-
чу сходни соорудить к реке, чтоб память о себе оставить.
Как думаешь?

— Хорошее дело, дедушка Макар. Я бы тоже, как вре-
мя будет, подсобил, вот только с материалом проблемно
будет.

— Я об том думал. Столбиков и прожилин как-нибудь
нарубить ещё можно, пройдясь вдоль речки, да и слом-
ленных много дерев. А ступени можно прокопать, а по-

том уже усилить, чтоб не осыпались, кольями с переплёт-том лозы или молодняка. Вот тогда я, как буду жив, смогу и своего драгоценного внука к речке привести. Он сам сможет венок на воду пустить. Отец же его тут, на Миусе голову свою и сложил, посчитай, два года назад, в 41-м. Его-то могилки нет, толи окоп стал могилой, то-ли степь миусская и ветра с дождями его косточки полощут. Как это может быть, чтоб «пропал без вести», коли весть-то нам прислали о том. Ну, напишите, мол «пал смертью храбрых, предположительно, на окраине х. Шапошников или Красный Бумажник, а не... — старик закашлялся, учащённо и отрывисто дыша, видимо от волнения, откашлялся и продолжил, — Миша, мне оставил кровинку, Михаила Михайловича. Средний, Петро, погиб в Сталинграде, а меньший, Иван, на Саур-Могиле два месяца назад. Вот и ухожу я, милоч, чтоб дать волю бабьим слёзам. Моя-то, Любаша, при мне терпит, в себе кипит скорбь, а её выпускать надобно. Я вот сюда прихожу, а она тем временем в своём углу слезами заливается. Так подсобишь, Вася? Я-то и сам выкарабкиваюсь, но это до поры, до времени, когда-то...

— Я вам постараюсь помочь. И весной вы с внуком будете уверенно спускаться к Миусу и подниматься. Жаль, что друзей моих не осталось уже... кто на фронте, а кто...

Вася не стал рассказывать человеку, потерявшему троих сынов, что уже и многих его друзей война забрала и его очередь подошла, но, есть одно «но» и второе «но», из-за чего он сейчас здесь, а не там, на фронте.

Васе пришлось сделать небольшой крюк, чтобы про-водить деда Макара домой, и чтобы знать, где он живёт, если всё-таки получится оказать старику такую помощь. «А заодно, пусть это будет и память в честь его друзей и товарищей, которые также уже не увидятся с родными, а вот родные смогут, как и дед Макар, весной, когда за-

цветут полевые цветы, плести из них венки и, в память о них, пускать на воду...».

— Ну, где же твоя рыба, рыбачок? — явно с издёвкой, спросила Маша, вошедшего с серьёзным видом брата, — мамка уже две сковородки сожгла, ожидая улов.

— Малявка, помолчи!

— Ой-ой, богатырь нашёлся. Мамку соседка чего-то позвала, а меня просила тебя покормить, когда придёшь. Так ты пришёл или как? Как, по-моему, так ты ещё там, где-то витаешь в своих мыслях.

— Поговори ещё мне, поговори!

— Ну и ладно. Не хочешь, чтобы я поухаживала, делай сам себе ужин, барон нашёлся, куда тебе...

— Ладно, валяй!

— Не валяй, а насыпь пожалуйста, сестричка!

— Ну да, конечно, шас! Держи карман шире...

— У тебя так никогда девушки не будет. Смотри, какой ты злюка.

— Нужны они мне, твои девки!

— Ага-ага, смотри на него, не нужны. Ладно, поживём увидим.

— Тебе не кажется, что ты влезаешь в чужую жизнь. Тебя это не касается, поняла?!

— Ну, что вы опять собачитесь. Уйдёт брат, заберут на фронт, вот тогда реветь будешь по нём, так будет его не хватать. Так, что перестаньте. Была у Татьяны Цымбал, они письмо получили от Вовы. Был ранен под Мелитополем, сейчас в госпитале. Слава Богу, ранение средней тяжести и, скорее всего, после госпиталя будет годен для службы. Соседка собиралась ехать к нему, а я отговаривала, всё-таки не ближний край и как можно доехать, когда те районы освободили только накануне, неделю, месяц назад. Упёрлась: «Нет, поеду! — не уговорить, пешком пойду, но сыночка увижу...». Не знаю, как

её ещё уговаривать. Я ей уже говорю, что после ранения ему могут дать краткосрочный отпуск домой, так уже приходили у знакомых, после госпиталя — бесполезно.

— Мам, а может быть, твои уговоры только её распалят, перестать обращать внимание и сама остынет, успокоится.

— Ты откуда это знаешь, что профессор, рассуждая? — мать с удивлением посмотрела на сына.

— Да это в натуре человеческой — противиться, я же сам такой, противный, как ты говоришь. А противный от слова противиться, т.е. не соглашаться, даже, если человек понимает, что он неправ.

— Не знаю, Вася, может быть, ты и прав. Но она сама же позвала, чтоб поплакаться мне и вот тебе, после этого — получите и распишитесь.

Сын как-то виновато улыбнулся, понимаю мамино переживание за соседку, но, случись такое с её сыном, т.е. с Васей, наверняка, поступила так же. Эх, женщины-женщины, какие вы бываете разные и какими похожими, но в различных жизненных ситуациях.

Какую уже ночь Вася спал беспокойно, мысли не давали покоя. Думал и за товарища Вову, и за погибших сыновей деда Макара, и при этом не мог понять, верна ли поговорка, что «в одну воронку дважды снаряд не падает». А судя по судьбе деда Макара, в чью семью этот самый «смертоносный снаряд» упал трижды.

«Врут все эти поговорки, предсказания, суеверные приметы — все врут! — сделал Вася в своих рассуждениях вывод, — один воюет с самого первого дня и ни одной царапины, другой же в самом первом бою голову сложит. Какая тут закономерность? Никакой! Хоть бы взять моего батю. Он или не говорит нам правды, но воюет третий год и ни разу даже ранения не получить, разве возможно? Может быть, он просто не пишет, чтоб не расстраивать

нас, как и мама не писала ему за нас с Машей, когда мы шесть месяцев были неведомо где. А, если бы он это узнал, вот так бы, как я постоянно думал об этом и точно где-то под пулю подставился, потеряв бдительность и осторожность. Если бы мне узнать побольше об этих армейских хитростях и лучше, если ещё тут, потому что на фронте может быть уже поздно. Или, хотя бы взять то, что мы прожили полгода вдали от дома и нас кто-то хранил, Господь, Чудотворный Крест животворящий или другая какая-то сила. Может быть постоянные молитвы матери за нас, и Господь её услышал, а может быть, простая случайность, везение, кто-то из нас родился под счастливой звездой. Вот я не пошёл одновременно со своими одногодками весной или, хотя бы сейчас, когда вернулся из оккупационной зоны, хотя и сам этого хотел, но что-то или кто-то не даёт мне этого сделать, держит. Как это объяснить? Сестра воюет, а я отсиживаюсь за её спиной. Видимо мне, как и Мальчишу-Кибальчишу, ещё время не пришло. И я также, как он буду знать военную тайну, которая приносит Красной Армии победы, вплоть до полного разгрома фашистской Германии. Хотя, это же была сказка Гайдара, но я, когда её читал, хоть и в детстве, свято в это верил. А верить во что-то нужно обязательно. Вот сейчас я верю, что весной я доберу недостающих сантиметров и килограммов и пойду на фронт, как и мои друзья в своё время. Я не хуже других, а в чём-то, возможно, и лучше. Хоть в мыслях себя похвалю, а-то даже Маруся меня обзывает, как какому-либо прокажённого или умалишённого. Ничего, они ещё обо мне узнают. Я всем доказать смогу, что не в росте дело. Они узнают силу моего духа, его на троих хватит...».

Вася незаметно провалился в сон. И в этом сне, он, подобно Мальчишу-Кибальчишу, уверенно держался в седле и ловко орудовал казачьей шашкой, рубил фашистов налево и направо. А, когда враги начина брать его

в плотное кольцо, непонятно откуда появлялся рослый, плечистый казак на добром коне, в вихром, развевающимся из-под казачьей фуражки, с высоко занесенной над врагами шашкой и в два замаха, превращал их в кучу хлама.

В первый раз, Вася, даже и не понял кто это и откуда он взялся. Когда же вновь враги, собравшись с новыми силами, начали одолевать Васю, в лице Мальчиша-Кибальчиша, он успел спросить: «Ты кто, казак и почему помогаешь мне? Я знал казаков, которые воевали на стороне немцев. А ты на стороне тех, кто в своё время, возможно зарубил твоего отца в тех далёких, кровавых событиях. Как тебя понимать?».

Казак снова помог справиться с несметным войском гитлеровцев. Не выпуская шашку из руки, он поднял руку и провёл рукавом по обильно вспотевшему лбу и на этом лбу был виден отчётливо шрам, какой могла сделать только пуля.

«Меня зовут, вернее звали Петром. Я был другом твоей сестры. Да чего уж теперь секретничать, мы любили друг друга. Теперь я — Ангел-хранитель твоей сестры Лидии. Я её храню и оберегаю от врагов, от чёрных мыслей и проявлений человеческой зависти, от мелких и, особенно крупных неприятностей и переломов судьбы. Почему тебе помогаю? Ты меня раньше просто не замечал. Я давно опекаю и тебя и твою меньшую сестру. Не вы меня просили — ваша сестра Лида, молясь Богу и обращаясь ко мне, а она постоянно делится со мной всем сокровенным, просила и вас беречь, и помогать в трудную минуту. Будет трудно, просто проси Бога о помощи, и я услышу, исполню волю Божью и просьбу твоей сестры...».

Вася резко проснулся и также стремительно оторвавшись от подушки, уселся на край кровати. Огляделся. В комнате темно, только пламя лампадки под образами

тревожно заметалось, пытаясь оторваться от ватного фитиля и улететь ввысь туда, куда, по разумению Васи в эту минуту улетел добрый Ангел-хранитель Лиды и по её просьбе, всей семьи...

IX

Зима тянулась долго, но не потому, что чем-то сильно отличалась погодой от других зим. Была в январе неделя с традиционными крещенскими морозами и во второй половине февраля дней десять поморозило и пару снегопадов с интервалом в месяц в зимние месяцы. В остальные дни небольшие морозы, порой с оттепелями в дневные часы. Март же был «неуютным», если его так можно было назвать, хотя и четвёртым зимним месяцем, как в 42-м назвать нельзя: просто, погода была сырая и мерзкая, бес сколь-нибудь солнечных, весенних дней, с дружным таянием снега — такого не было.

Зима тянулась долго, потому что, во-первых, все с нетерпением ждали значимых побед и продвижения наших войск на запад, а во-вторых, из-за того, что Василий с нетерпением ждал того весеннего дня, когда он будет признан призывной комиссией годным к строевой службе.

А для домашних: когда думали о том, что нет писем с фронтов от отца семейства и от дочери, а кому-то сестры Лиды, тянулись дни тягостно долго; когда же вспоминали, что придёт день и их сын, а для меньшей сестры, брат, должен будет покинуть родной дом — дни неумолимо летели вперёд и вот уже со дня на день нужно было ждать повестку из военкомата.

Бывает так или нет, но время разделилось, казалось, на два различных измерения и счёт дням шёл независи-

мо, но до той пор, когда они оба сойдутся вновь и, в случае, если Васю заберут на этот раз, то время ожидания в днях и неделях вновь потянутся, для оставшихся дома мучительно долгими в постоянных мыслях, ожиданиях и слезах бессонными ночами.

Повестка о необходимости явки на медицинскую комиссию пришла неожиданно, даже несмотря на то, что её так долго и постоянно ждали. Дата перекомиссии — 27 марта 1944 г., время — 09—00, место — Матвеево-Курганский Районный военкомат.

— Призывник Домашенко, — отрапортовал Вася членам военно-медицинской комиссии.

Капитан, переложив несколько личный дел, выбрал нужную и передал врачу. Тот, пролистав бумаги, видимо убедился, что все медицинские специалисты, проводимые обследование призывника, сделали одобрительные заключения и, после этого, сделав подпись, передал папку в открытом состоянии, рядом сидящему председателю, в должности подполковника.

— Поздравляю вас, Василий Петрович! Вы признаны годным для прохождения службы в рядах нашей славной Красной Армии. Имеете что-либо сказать?

— Имею. Я рад, что смогу стать плечом к плечу с теми, кто, не жалея сил бьётся с фашистами за освобождение нашей Родины. Спасибо! Я не подведу!

Слова, который сказал призывник, были, конечно, пафосными и одновременно откровенными. Он высказал то, о чём много думал и долго ждал этого момента. Бесспорно, такое заключение комиссии его обрадовало.

Мать же, чего и стоило ожидать, встретила от сына весть, высказанную с улыбкой и приподнятом настроении, слезами и оханьями. Она грузно опустилась на скамью, с таким видом, как будто на её плечи сиюминутно обрушилась, долго косившаяся стена дома, которую она

всеми силами до этого могла удерживать об обрушения и тут силы иссякли. Она была подавлена, точно, что придавлена стеной, стеной материнской печали, теперь уже по трём родным ей людям: мужу, старшей дочери и сыну. Но сын ей, в последнее время был надёжной опорой, как и просил его отец. А теперь эта опора выбита из-под неё, потому и рухнула обессиленная женщина, словно пшеничный сноп, под серпом войны.

Вася, присев рядом, пытался неумело её успокоить, но у него это не получалось. Тогда он кивком головы попросил сестрёнку, которая без слов присела с другой стороны и, прижавшись к матери, начала уговаривать такими словами, которые мужскому сословию незнакомы. Мать повсхлипывала-повсхлипывала и притихла.

Минут пять все сидели тихо, не проронив ни слова. Потом мать, резко всполошилась со словами:

— Ой, Господи! Что же я сажу? Когда отправка, Вася?

— Завтра, мам. Да, успокойся, все принадлежности мы же давно сложили.

— Нет, нужно проверить. Ой, Господи, а что же тебе из еды положить? Сала нет...

— Мам, какая еда? Нам паёк выдадут. Не тревожься, мам. Вот, сестра, ты теперь остаёшься за главную мамину помощницу. Гляди мне, как мама отпишет, что не так, приеду и отругаю.

— Ой, Вася, коли бы так, так мама меня каждый день ругать станет, и ты каждый день дома будешь. И на фронт не пойдёшь...

— Ага! Развесила уши. Слушайся, короче, мамку. А, нет, иди сама Родину защищать, раз такая уже взрослая и разумная, — сказал Вася обидные слова и пожалел, что не стоит же ругаться, им не дни, часы остались вместе быть-то и добавил, — не судите меня строго, я обязан... это долг мой, как и всякого другого. Прятаться за спины? Нет, не буду.

Опять наступила тишина и все понимали, что он прав. Даже Лида сделала свой выбор по зову души и сердца, без принуждения, хоть и без материнского на то благословения, что в момент расставания принесло бы душевную боль родным, а так она также была, но с отложением даты и не в её присутствии. Дался ли ей этот выбор легко или в последующих, ещё больших мучениях, она не признается никогда, потому что ей на фронте с душевной даже слабинкой, ох, как тяжело придётся, да и не боец это, по большому счёту — лёгкая мишень для врага, что макет на полигоне для отработки стрельб. С хлипкостью взглядов, с трусливой душой, одно место твоё — под юбкой у матери. Спрятаться таким образом и от врагов, и заодно от позора соотечественников, друзей, соседей, от себя, в конце концов, не удастся. Совесть до смерти «загрызёт», если она есть, конечно.

Призывников, собрав в Батайске со всей области, сгруппировали по отрядами и затем отправляли в основном на восток, где будущие красноармейцы, пройдя курс молодого бойца, принимали присягу и обучались воинским дисциплинам. Вася попал в отряд подготовки связистов и через день, с сотнями других призывников уезжал в город Сталинград, который уже весь мир узнал, как город мужества и стойкости русских солдат, от стен которого и покатила яровая лавина возмездия за злодеяния фашистов, что отлив на море, унося нацистскую нечисть на запад, в их логово.

Этот город, названный в честь Иосифа Виссарионовича Сталина, для большинства населения Советского Союза, он был Вождём всех народов. А народов в большой многонациональной стране было действительно

много. Будущий Сталин, до того, как взял себе этот псевдоним, который обозначал перевод слова «джуга» в фамилии Иосифа Джугашвили, как «сталь», имел много политических псевдонимов, из которых самый известный — «коба». Возможно, «сталь» от названия города передавалась и его защитникам, стоявших насмерть на этом неприступном для фашистов рубеже. Матушка-Волга, что Великая Китайская стена, преградила германским войскам дальнейший победоносный марш-бросок на восток.

Конечно же, Вася не увидел того, что могла видеть её сестра Лида, возвращаясь из Ашхабада более года назад. Тогда картина, предстающая перед теми, кто въезжал в город-«призрак», была предельно горестной и удручающей. Здравым умом невозможно было понять то, как тут вообще могли люди выжить, защитники города со «стальным», как минимум внутренним стержнем и не просто выжить, а собраться силами и победить, разбить фашистскую группировку, взяв в плен около 100 тысяч человек.

Немецкие пленные имели очень жалкий вид, хотя о какой жалости можно было говорить к врагам, уничтожившим город до фундамента. И только ниже «нулевой линии», в подвалах жили и умирали люди, не дождались счастливого дня, 25 января 1943 года. Не дождались этого дня и 600 тысяч погибших защитников, забравших с собой в мир иной около 800 тысяч фашистов. Около 20 тысяч пленных немцев было оставлено в городе для его восстановления. Трудились на восстановлении разрушенного города и местные жители и затем с поступлением призывников, частично и их помощь была действенной в организованных субботниках по наведению порядка в городе.

Город оживал, медленно, мучительно «зализывая раны», обновляясь и отстраиваясь заново. Что стояло

во главе угла, при принятии решения об организации учебных военных школ и курсов, не столь важно, хотя первая мысль, приходящая на ум — это, то, что можно было расположить их и ближе к линии фронта, скажем в освобождённых районах, таких, как г. Ростов-на-Дону или в шахтёрских городах Сталинской области Украины. И всё же одним очень большим плюсом было то, что у курсантов, будущих бойцов, видя то, что фашисты сделали с нашими мирными городами, на примере Сталинграда, воспитывались и в них крепчало убедительное сильное желание отомстить гитлеровцам, как только они увидят врага их окопа на передовой линии фронта, Более разрушенными и сожжёнными были только села в Белоруссии и на Украине, там где бесчинствовали фашисты, украинские нацисты Организации украинских националистов (ОУН) или предатели из УПА¹.

Об условиях, в которых приходилось обучаться курсантам говорить не приходится, хотя они и не курорты приехали, и сравнивая с окопной жизнью, куда они могли попасть, как ополченцы в 1941—1942 годах, было всё в рамках суровой армейской действительности. Да и ни в какие времена, даже в мирное время, «военная служба никогда мёдом не казалась» — это физическая закалка и, главное — укрепление силы духа, моральных и патриотических убеждений.

После принятия в 1941—1942 годах ускоренных курсов военных специалистов, в которых на фронтах была ощутимая нехватка, начиная с осени 43-го был восстановлен полный срок обучения, четыре и шесть месяцев,

¹ Здесь и далее УПА - экстремистская организация, запрещённая на территории России.

против трёх на ускоренных курсах. Курсы были организованы на базе сформированного здесь 365 запасного стрелкового полка. В учебных ротах обучались радиотелеграфисты, сапёры и другие будущие военные специалисты.

В самые первые дни пребывания, всех призывников проверили на профессиональную пригодность, для обучения радиотелеграфистов, для которых самым важным показателем пригодности является безукоризненный, если не сказать «музыкальный» слух и высокий образовательный уровень. Как минимум, тех, у кого было два, четыре класса школьного образования, не брали в группы радиотелеграфистов.

И тут уже на месте, кроме того, что с ноября 1943 года, призывались в армию только призывники славянского происхождения, без выходцев из социалистических республик Средней Азии и Кавказа, проверяли и устанавливали, при необходимости, запрашивались социально-демографические данные о призывниках. Даже, при более тщательном обследовании здоровья, отсеивались непригодные к строевой службе призывники.

Комплектование учебных взводов радио-подразделений проводилось по результатам испытаний хронорексфлексометром. Этот прибор помогал достичь однородность слуховых качеств всех курсантов подразделения. То есть, можно было изначально определить тех, кто сможет стать высококлассным специалистом и готовить их со специальным уклоном для ответственных подразделений будущей строевой службы.

Окончательное заключение делала специальная мандатная комиссия, подобно той, которая решает судьбу будущих лётчиков, настолько было всё серьёзно. Кроме командира полка, в неё входили: заместитель по политической части, уполномоченный «Смерш» и командиров

комплектуемых подразделений — радистов, радиотелеграфистов, сапёров.

Несмотря на свои совсем неплохие результаты предварительных испытаний, Вася был определён комиссией во взвод подготовки не радистов, а радиотелеграфистов. Он долго мучительно думал над этим, и не выдержав, спросил у своего взводного, лейтенанта Кравченко:

— Товарищ лейтенант, разрешите обратиться... А почему, у меня и образование «нехилое», и слух не хуже других, а меня в телеграфисты — не в радисты определили?

— Курсант Домашенко, как ты считаешь, что лучше быть среди равных лучшим или, также, практически среди равных, но худшим?

— Ну, понятно... — попытался ответить, не мешкая Вася.

— А ты не спеши с ответом. Ответишь, когда будут видны первые результаты обучения, скажем через месяц. Вот тогда и вернёмся к этому вопросу. Или ты считаешь, что специальность радиотелеграфиста, всё равно, что трубочиста?

— Да, нет же, конечно. Но, всё же, как-то...

Три недели курсанты занимались общевойсковой подготовкой, в которую входили занятия по изучению уставов, строевая и стрелковая подготовка. Важным этапом и торжественным днем было принятие Присяги военной присяги Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

«Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступая в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии, принимаю присягу и торжественно клянусь быть честным, храбрым, дисциплинированным, бдительным бойцом, строго хранить военную и государственную тайну, беспрекословно выполнять все воинские уставы и приказы командиров и начальников. — От таких стыла кровь в жилах, а пальцы „мёртвой хваткой“ сжимали оружие, — Я клянусь добросовестно изу-

чать военное дело, всемерно беречь военное и народное имущество и до последнего дыхания быть преданным своему народу... — и по спине невольно „бежали мурашки“ от последних слов Присяги, — Если же по злому умыслу я нарушу эту мою торжественную присягу, то пусть меня постигнет суровая кара советского закона, всеобщая ненависть и презрение трудящихся».

Материальную часть изучали на первом этапе по плакатах и макетах, а затем занятия проходили в поле на специально оборудованных узлах связи и командных пунктах. Курсанты несли внутреннюю и караульную службы.

На занятия курсантам выдавали бумагу и карандаши, но использовать эту бумагу для написания писем домой воспрещалось. И такая, казалось, мелочь, но, чтобы написать письмо домой, нужно было пожертвовать или куском хлеба, или компота, чтобы выменять у запасливых сослуживцев клочком бумаги, размером с лист ученической тетради или блокнота. Вася, по возможности писал письма часто. И, что было обидно, из дома получал письма, порой, после задержки, сразу по два-три, а от отца все не мог дожидаться ответа. Переспрашивал у матери, может быть бати адрес сменился, и он не получал снова его письмо.

Лида ответила ему, но только на третье письмо. Сестра, в апреле месяца в составе 1864 зенитного артиллерийского полка, который был переподчинён Южному фронту, не смогла получить два первые письма от брата. И Вася по этому поводу сильно переживал. А Лида, в свойственной ей манере, не показывала тревогу по поводу того, что в отличие от него, находилась на фронте, и при этом всячески поддерживала брата такими словами, как «братишка, прорвёмся!» и, иногда, чтобы показать и убедить брата, что он уже не просто меньший брат и не коротышка, а защитник Родины, называла его в письме «Василием Петровичем».

Большим и приятным событием для красноармейцев, которыми стали курсанты, после принятия Присяги, был, конечно, поход в баню. К сожалению, из-за нехватки производственных мощностей, восстановленных котельных, такое удовольствие было не еженедельно, а через неделю. А с двадцатых чисел июня, курсанты смогли не только увидеть во всей красе Матушку-Волгу, но и смывать «пот учения» и пыль, поднятую с плаца и полигона, с гарью от пожарищ и разрушений, осевшей ещё полтора года назад, а под воздействием жаркого южного солнца, под воздействием подошв солдатских сапог, вновь поднятой и превращённой снова в пыль и пепел пожарищ.

Лёжа на песочке правобережного берега Волги, Вася вспоминал родной Миус, который, хоть и был разов в десять уже в русле, но быстротой стремительнее и ровистей. Лежал и думал, как был ершист в обращении с мамой и сестрёнкой Машей, сколько наговорил им резкостей даже в последние дни пребывания дома вместо того, чтобы всем своим видом и поведением, если не словами, показать свою любовь к ним, как он ими дорожит, и как ему без них будет тяжело. И сейчас всё это понял в полной мере, но мог лишь то, что в коротких письмах приписывать: «...целую вас, родные мои 1000 раз!».

Маша написала однажды, что одна девушка хочет переписываться с Васей, что он ей давно нравился, но она всё стеснялась ему об этом сказать и не высказывала ничем свою симпатию. Эта девушка училась в одной школе с Васей, но была на год меньше, её звали Варя Володина. Когда Вася вспомнил её и не увидев в том «криминала», дал согласие. Она не была красавицей и ничего отталкивающего в ней не было, простая девушка, вот и всё, что он мог о ней сказать. Бумаги на письма катастрофически не хватало, а потому, если удавалось достать двойной ли-

сточек, он его разрывал на два, чтобы написать, хоть и короткие, но два письма к разу.

Мать писала, что познакомилась с Макаром Ниловичем, по прозвищу Шукарь, он сам её нашёл, чтоб высказать признательность и благодарность за сына Василия, который помог осуществить его давнюю мечту — строительство спуска-трапа с поручнями к Миусу. Мать долго не верила, что речь идёт о её сыне, так как сам Вася об этом ничего не говорил. А он, не только сам помог, но и сумел сагитировать на это людей, в основном комсомольцев и равнодушных женщин, которые подтянулись, узнав об этом от своих детей. Получилась, кроме спуска ещё и зона отдыха и место, для поклонения памяти погибшим на Миусе воинам, землякам и не только. Мать была рада такому известию, гордилась сыном и писала, что после победы, соберутся они всей семьёй на том месте и отпразднуют и победу, и возвращение родных с войны.

В конце второго месяца обучения занятия начали проводить на специальных полигонах, которые были оборудованы по действующей в стрелковых дивизиях схеме связи. На этих занятиях закреплялись знания и навыки по военной специальности радистов, радиотелеграфистов, линейщиков в обстановке, максимально приближенной к боевой. Проверяющие давали различные вводные задания и следили за действиями курсантов. Также, будущие военные специалисты учились ориентироваться на местности, пользоваться картой, преодолевать минные поля и, в случае необходимости, оборонять узлы и линии связи.

Дисциплина во взводе радиотелеграфистов и успеваемость была чуть выше, чем у обучающихся на радистов

и тому было простое объяснение. Дело в том, что на учебных узлах связи значительную часть личного состава офицеров и старшин, являющихся преподавателями и инструкторами, обучающими практическим навыкам работы на оборудовании, составляли женщины, среди которых были и молодые девушки, первоклассные специалисты приема, обработки, расшифровки и передачи информации, в том числе и секретной. Но для молодых парней, в жилах которых играла кровь, при виде красоток, это было тяжёлое испытание. Некоторые не в состоянии были сдерживать эмоции и сосредотачиваться на выполнении учебных заданий, проваливали сдачу зачётных упражнений и некоторых даже перевели, из-за этого, даже не в радиотелеграфисты, а в линейщики. Двое, с формулировкой «за недостойное поведение» были даже списаны в строевые стрелковые подразделения.

Конечно, юноши не виноваты в том, что их половое созревание и взросление совпало с началом войны, а у кого-то, как и у Василия и с пребыванием на оккупированной территории, где не то, что о девушках, о свиданиях и поцелуях — о том, как просто выжить, не угодить на отправку в Германию. Хотя и были, среди курсантов не только юнцы 1926 года рождения, а те, кто ранее был на «броню» или по другим причинам не был призван ранее. Они-то и старались «рисоваться» перед неопытными в общении с девушками семнадцатирейс сущ.ими парнями.

Вася с нетерпением ждал теперь не только писем из дома и от Лиды, но и от новоявленной девушки. Хоть у них и не было ни единого свидания до службы, но переписка затягивала её простыми, почти детскими письмами в предтечу серьёзных отношений, в которые они могли бы были перерасти, как минимум в дружбу, если им суждено будет встретиться в мирно обстановке, после

войны. Но, по большому счёту, для Васи и всех его сослуживцев, курсантов, война вообще ещё не начиналась. Она могла бы начаться только в августе месяце, после завершающего этапа обучения, специальных тактических учений, с применением средств связи, конечно.

Отец по-прежнему не отвечал, что вызывало не то, чтобы непонимание причины, а недоумение. Домой-то он, хоть редко, но писал.

«Чем же я мог его так расстроить? — думал Вася, пытаясь понять то, что никак не укладывалось в голове, — ну не мог же он на меня обидеться за то, что по большому счёту, из-за моей настоятельной просьбы мать отпустила нас с Машей из дому, для обмена вещей на продукты и, возможно, что мать всё же проговорила ему в письме, а он высказывает таким образом свое негодование? Ну не мог же он за что-то обидеться или мог?».

Если бы Вася смог, хоть на полчаса увидеться с отцом, поговорить и всё расставить на свои места. А пока этого нет, у него на душе, словно камень лежал, давил не только на душу, но и на сознание, что могла когда-нибудь пагубно сказаться на службе. У Васи порой даже появлялась дерзкая мысль, взять и написать на имя командира подразделения и выяснить причину. Но, как только эта мысль приходила в голову, он её сразу «вычёркивал» волевым решением по причине того, что такое письмо могло дискредитировать отца, а он этого, конечно, не хотел бы.

Прошли полковые учения, с применением на учениях различных видов связи и работой сапёрных подразделений. Другими словами, учения максимально приближенные к боевым, должны были стать квалификационным экзаменом и проводились после сдачи экзаменам по всем основным элементам учебного курса по военным специальностям.

Большинство курсантов получили хорошие и отличные результаты экзаменационных испытаний. Вася все

экзамены сдал на отлично и был отмечен благодарностью «за добросовестное изучение и глубокое усвоение матчасти, и умение применять знания и навыки практически, во время боевых действий». Видимо лейтенант Кравченко был прав, когда высказал мнение, что он сможет стать лучшим во взводе, при желании, конечно и стараниях.

Поезд спешил за лучами уходящего на запад, после жаркого летнего дня, на границе июля и августа, а точнее, 28 июля 1944 года, с редкими остановками и они, были в основном не в крупных городах, а на узловых станциях и разъездах. Кроме головного, штабного плацкартного вагона, в составе было около двадцати грузовых вагонов, примитивно оборудованных для перевозки людей: сбитые трёхъярусные нары, стол и элементарные удобства туалета.

Иногда вынужденные остановки были продиктованы не необходимостью пополнения запасов воды и угля для паровоза, а тем, что состав пропускал эшелоны с вооружением и другими срочными грузами военного назначения. В основном эти составы шли из Сибири и Урала — кузниц вооружения для фронта, танков, гаубиц и зенитных орудий. Новобранцы могли размять ноги и ощутить под собой прочную неподвижную земную плоть, вместо постоянно качающейся платформы вагонов с толчками на стыках и отдохнуть от монотонности звуков и резких неожиданных гудков локомотива.

Поезд шёл тем же маршрутом, которым Вася четыре месяца назад, после призыва уезжал на восток, в город мужества и воинской доблести, в город Сталинград — символ стойкости русского духа на многие времена, с той лишь разницей, что теперь уже на запад и чем дальше,

тем сильнее билось сердце бойца. Сердца начиналось учащённо биться оттого, что он понимал, что придётся ему проезжать свой родной Матвеев Курган, а успели ли родные получить письмо, в котором он говорил, что курсы закончились, отправляют на фронт, но... Но ни даты, ни времени прохождения поезда, ни того, будет ли он останавливаться, ведь не пассажирский поезд, идущий по расписанию — он не знал, указать не мог и не мог ещё и потому, что такие сведения передавать в письмах было строго запрещено.

В Ростове-на-Дону на ст. Ростов-товарная была остановка эшелона, но личному составу строго-настроено было запрещено отходить от вагонов далее десяти метров, да и то, только по необходимости. Теперь уже Вася думал только об одном — о доме и о другом думать не мог, и даже не слышал кто о чём говорил, даже, если к нему обращались, должны были сначала сильно потрясти за плечо, так как он в мыслях был не здесь — там, где его дом, где его родные.

Проехали г. Таганрог. Из-за того, что в вагонах было очень душно, вагоны раскалялись под южным палящим солнцем, раздвижные двери полностью не закрывались, но у них, для осуществления порядка старшим вагоном, которым был старший лейтенант, молодой офицер, скорее всего ещё и пороха, как и подчинённые, не нюхавший, выставлялись дневальные. Но чаще, этим занимался его заместитель, старшина Калашников, фронтовик, успевший вволю повоевать и только после ранения, из-за ограничений был переведён в тыловые подразделения снабжения и обеспечения. Вчерашние курсанты в шутку прозвали старшину, кроме дяди Стёпы, по его настоящему имени, а не из-за гигантского роста, ещё «проводником» и постоянно кричали: «Проводник, чайку принеси во второе купе. Да сахарком не жмётся...».

«Скоро вам будет и сахарок, и варенье малиновое, только „хлебало“, чтоб фашист не промазал, а „уладил“ по полной программе... — потом, уже без ухмылки добавлял „перцу“ старшина Калашников, — остряки, едрит вашу душу, „сосунки“, фронт враз вас мужиками сделает... если успеет сделать. Это вам не девок в подворотнях тискать. Женилки, конечно, засвербят, но только от вшей, они вас будут „иметь“, а не вы их. Детвора, ей богу, детвора! Кого берут на фронт, „молокососов“, ни дать — ни взять, а Родину-то нужно защищать!? Чайку им подавай... хе-е!».

— Ты куда прёшься, убивец! — закричал дневальный, останавливая Васю, который резко прильнул к ограждающему брусу на дверном проёме, — жить надоело, чи шо? Товарищ старшина, скажите ему!

— Товарищ старшина, родные места, позвольте насладиться, когда еще придётся...

— Ну, попрощайся, только без глупостей, чтобы мы тебя по частям не собирали.

— Спасибо! Нет, этот подарок фрицам я не доставлю и печаль родным. Покровское проехали, вот, если бы...

— Если бы бабе чего-то добавить — она бы дедом зваться стала, — пошутил старшина.

Все закатились дружным смехом. Заскучавшие и угомонившиеся после Ростова, солдаты загудели, как в пчелином улье, обсуждая какие-то темы, все о разном, все о своём, все в разной и только одному из них не было дела до их тем, это был Вася. Потом он, оторвавшись от бруса ограждения, резко вскочил на верхний ряд нар и начал всматриваться в вентиляционные отверстия по левую сторону вагона.

— Тарзан, тебе в джунглях по веткам прыгать, а не в этой тесноте. Джунгли зовут, да, Тарзан? — смеялся над Васей кто-то из свидетелей его метаний, как душевных, так и физических.

— Дурни, с этой стороны Миус, слышали о Миус-фронте? Это моя родина, родной Миус, а вон там, чуть правее виднеются вершины Донецкого кряжа. Знаете какие там ранней весной подснежники? А зимой не каждый смельчак осмелится на санях спуститься, без кувырков и падений.

Вася сиял от счастья, что он видит вновь родные просторы, реку, горы, зелень поймы реки и начинающей присыхать под палящим солнцем травянистой растительности на косогорах. Потом он снова спустился вниз и жадно вдыхая воздух родимой глубинки, всматривался в пейзаж, мелькающие домики полустанков. Проехали разрушенные и частично восстановленные, после боевых действий в этих местах, хаты сёл Ряженого и Рясного. Что творилось в сердце парня, можно было, конечно, догадываться, но почувствовать вместе с ним, невозможно.

Паровоз давал гудки, проезжая населённые пункты, а Васе хотелось кричать: «Встречайте меня, люди! Мама, где ты? Ты чувствуешь, что сын рядом?».

О, Боже! Не может быть! Эшелон с пополнением для фронта, скрипя и скрежеща колодками об чрезмерно нагретые, от «загорающих» на южном солнце рельсов, и от больших сил трения колодок об, уставшие «отмахивать» версты, поверхности трения колёс.

— Ну, счастливчик ты, Вася! — выкрикнул, стоявший дневальным, веснушчатый, рыжий солдат, похожий на цветущий подсолнух, — мы, кажись останавливаемся. А, что же за город? — боец перегнулся сильно через оградительный брус так, что Вася был вынужден ухватить его за ремень.

— Матвеев Курган! Мой родной посёлок, станция Матвеев Курган! — сияя, выкрикнул Вася.

Вагон вновь загудел, что улей, красноармейцы молодого пополнения обсуждали, сможет ли их сослуживец

встретиться с родными или нет. Мнений было много, но и сам Вася не мог этого знать. Он бросился к старлею с вопросом:

— Скажите, товарищ старший лейтенант, а сколько мы здесь простоим? Если, как обычно, 30—40 минут, то я бы смог родных проведать, тут пять минут, если бегом сбегать.

— Не могу я, не положено! — наотрез ответил старший вагона.

Вася метался по вагону, не зная, что предпринять и как можно уговорить этого белобрысого молодого офицера, который представился, как Козырев. Надо же, такую фамилию отхватить. Козырный Перец — такое позывало прилипло к офицеру.

Старшина, видя такое положение дел, взял инициативу в свои руки.

— Товарищ старший лейтенант, разрешите мне разобраться с ситуацией? — спросил он Козырного Перца и, не дожидаясь ответа, крикнул, — дневальный, одна нога тут, другая там, метнулся к штабному вагону и быстро узнал, сколько будет стоять наш состав. Бегом!

— Есть, товарищ старшина! — ответил боец, ловко «нырнув» под брус и сразу исчез из виду.

Даже не дожидаясь возвращения с ответом, все поняли, что стоять эшелон будет значительное время, так как на перроне зашумели, выскочившие из других вагонов красноармейцы. Прибежал запыхавшийся дневальный и сбиваясь доложил:

— Де-дежурный по вокзалу сказал, что ожидаем два литерных эшелона, вышел с Марцево первый, за ним, минут через десять пойдёт второй. Видимо, на фронт. Штабист объявил по команде, по вагонам дал разрешение для отдыха и личным надобностям личного состава. Ну, вот так.

— Товарищ старший лейтенант, под мою ответственность, если нужно, отпустите солдата попрощаться с родными. Свидится ли ещё когда. У него нет никакого нехорошего умысла, ручаюсь.

— Заладил старшина, ручаюсь, да ручаюсь. Старшина, если что-то пойдёт не так, то с тебя спрос малый, а мне уж точно дисбата не миновать. Ты-то всё это прошёл и жизнь повидал, а я-то в свои двадцать пять и жениться не успел.

— Женитесь, товарищ старший лейтенант. Как пить дать, женитесь.

— Гляди, старшина, шкуру спущу, если что.

— Есть! — улыбнувшись, козырну, приставив руку к выцветшей пилотке и удалился, пока тот не передумал.

Василий стоял на перроне и стрелял глазами, пытаюсь увидеть, хоть кого-нибудь из знакомых.

— Что пригорюнился, солдат? Гостинец есть или как? — пока Вася обдумывал, что имеет ввиду старшина, тот скомандовал, — братцы, ваш сослуживец получает полчаса увольнения. Кто чем может, сбросимся для родных солдата, — подставляй, солдат, рюкзак, братцы, ну с троих по баночке тушенки или хлебушка горбушка — не голодаете, небось. Поторопитесь, иначе увидеться не успеет. Живее!

Вася не успел прийти в себя, как рюкзак наполнился продуктами из сухого пайка.

— Спасибо, братцы! — всё никак не мог поверить в то, что произошло, видимо, Господь ему помогает.

— Адрес какой? — спросил старшина.

— Садовая, 14, — ответил Василий.

— Не забудь, я за тебя поручился. Полчаса. Сейчас 16—23, чтоб 17—00, кровь из носу, был здесь.

— Есть, товарищ старшина! Буду! Не подведу! — не оглядываясь, перебросив рюкзак через плечо, солдат

не побежал — полетел по знакомой дороге домой, зная, что его, скорее всего не ждут.

— Хозяюшка, а вы никого из гостей не ждёте, — привычно откинув крючок и открывая калитку, умышленно громко произнёс Вася.

Двери в домик были открыты и внутри послышались шорохи и какие-то восклицания, потом во двор выбежала босая Маша с криком:

— Мамка, Вася приехал!

Мать вышла пошатываясь, видимо от волнения у неё закружилась голова:

— Сыночек, — почти шёпотом произнесла мать и в следующее мгновение её уже крепко обнимал сын Вася и вокруг бегала счастливая сестрёнка.

С минуту они стояли неподвижно, обнявшись среди двора. Потом мать, придя в себя, спросила с недоверием:

— Вася, а ты как это домой приехал. Что случилось?

— Мама, вы видно письмо моё ещё не получили?! Я на фронт еду. Меня на полчаса отпустили, ну минут двадцать у меня ещё есть.

— Ой, Господи! Как же так, у меня и угостить тебя нечем. Ну пойдём в дом или тут присядем. Ну, расскажи, как ты?

— Всё хорошо, Мам, как видишь. Да ничего мне не нужно. Я вот тут вам гостинцы принёс. Сейчас развяжу, а ты сестрёнке всё в дом снеси. Выучился, экзамены сдал все на «отлично», вот теперь настоящая служба начнётся.

— Ну, да, настоящая. И пули же там летают настоящие и снаряды. Ой, сыночек, ты же береги себя. Выброси все пацанские привычки, не лезь на рожон.

— Конечно, мама, конечно! Мам, батя пишет? Что-то он мне совсем не хочет писать, как будто я ему неродной.

— Что ты говоришь? Разве так можно. Сравнить, так точная его ты копия. Редко пишет, может быть времени

нет свободного. Сам понимаешь, начальству нужно угождать, он же при штабе.

— Ну, да! Ну, да, — чтобы не спорить с матерью, согласился с его словами, которыми они скорее всего себя успокаивала.

— А, Лидочка, пишет, что всё хорошо.

— Да, я знаю, она и мне регулярно пишет. Бьёт сестрёнка фашистов, бьёт несмотря на то, «ассы» они или летуны-недоумки. У неё, небось, уже вся грудь в медалях.

— Не надо медалей, сынок. Ты, главное, живым и здоровым вернись.

— А о моих друзьях не слышно ничего?

— Только за Вовку Цымбала знаю. Его хотели комиссовать после ранения, а он упросил, чтоб не списывали и продолжает воевать.

— Ну, вот видишь. Всё хорошо, мам, все воюют, и я немного повоюю. Война скоро кончится, фронт уже огого где. Мне нужно идти, мам. Ты не ходи мам, а сестра, если хочет пусть проводит. А то мы спешить будем. Оставайся.

— Ой, так быстро и уже уходишь. Ну, чем же тебя угостить. Как приду, тогда и угостишь. Петуха тогда пригостишь, я сам его половину съем.

— Вишни в этом году хорошо уродили.

— Так их уже на деревьях нет, мам.

— Так я насытила много. Сейчас, сейчас. Погодь чуток...

Мать засутилась, побежала под навес, достала откуда-то мешочек с высушенными вишнями. Сняла с себя лёгкий платочек и позвав Машу, попросила:

— Придержи, насыпем Васе вишен.

Мать плотно увязала в платок высушенные пахучие вишни и положила в рюкзак со словами:

— Они, что семечки, пощёлкаешь.

— Вместе с косточками? — пошутил Вася.

— Ну, нет! Зачем?

Вася поднялся, забросил «исхудавший» рюкзак и хотел попрощаться, но мать возмутилась:

— Я тоже пойду. Но вы на меня не оглядывайтесь, если нужно быстро, то поспешайте, хотя... Всё, я готова.

Маша не хотела отпускать Васю, словно прилипла к нему. Сначала шли молча, мать чуть поодаль, но старалась не отстать.

— Василёк, ты возвращайся поскорее, а?!

Вася, нагнулся к сестре так, как делают молодые при поцелуе и шепнул сестре на ушко, чтобы мать не слышала:

— Маш, мне кажется, что я не вернусь. Я буквально это вот сейчас понял отчётливо. Ты мамке ничего этого не говори, может это так... показалось, мать увидел и расслабился. Забудь это, сестра. Только ты другого не забудь, я заказал вам, как приду, чтоб петуха приготовили. Лады?

— Лады, Василёк, лады! Только скажи мне, что решил, как всегда, меня попугать, да? Ну о том, что ты сказал вот...

— Ну, конечно же, сестрёнка, ты же меня знаешь, — подумав с сожалением: «Ну зачем я высказал мысли вслух?».

— Не надо так говорить, а-то накаркаешь.

— Хорошо, сестрёнка, забудь.

Старлей нервно ходил по перрону. Большинство солдат дышали «свежим воздухом», пропуская его чем сигарки, с жадностью вдыхая его затяжками и медленно потом выпуская, уже в виде табачного дыма, слегка «обеднив» его никотинный состав своими молодыми и ещё здоровыми лёгкими.

Увидев «отпускника» в сопровождении родных, сменил напряжённость на добродушную улыбку. Вася подошёл вплотную к старлею и не по уставу обратился:

— Товарищ старший лейтенант, знакомьтесь: это моя мама, Варвара Максимовна, а это сестрёнка, Маша.

— Очень приятно, — не делая замечание за неуставное обращение, ответил молодой офицер и, козырнув, представился, — старший лейтенант Свиридов.

Через две-три минуты объявили посадку. Родные обнялись. Мать заплакала, стыдливо пряча и вытирая втихую подолом слёзы. Впрыгнув одним из последних, Вася крикнул родным:

— Прощайте! Не поминайте лихом!

Родные и те, кто, узнав, что остановился воинский состав, собрались тоже проводить на фронт, хоть и не своих, но наших, родненьких и молоденьких солдат, которых также было жалко, ведь дети ещё совсем. И даже у них на лицах были слёзы. А может быть они вспомнили своих погибших сыновей.

Поезд уходил на северо-запад и вскоре Матвеев Курган растаял вдаль, как сон. А может это и был сон. И только вишни, которыми Вася угощал в вагоне товарищей говорили обратное — нет, это не сон. Это явь, как и то, через пару дней все, кто ехал сейчас на запад, окажутся на фронте. Но у них ещё пока есть эти два дня, хоть и на жестких нарах, в дороге, но ещё под мирным небом и фронтовиками их назвать нельзя — бойцы резерва, пополнение.

Х

Лидия, приняв боевое крещение на Миус-фронте в составе Ростовского корпусного района ПВО, в подчинении Южного и Западного фронтов применяла свои умения и отработанные упражнения по защите неба над городами, военными и гражданскими объектами, а также

защиты эшелонов с вооружением и боеприпасами, поставляемыми на фронт, в батарее 76-мм зенитных пушек среднекалиберной зенитной артиллерии, в которой более половины личного состава составляли выпускницы её школы, с которыми она, как говорится, хлебала из одного котелка в учебке Батайска.

Менялась подчинённость корпусам ПВО и фронтам, менялись командиры подразделений, даже обновлялся, хоть и очень редко состав расчёта орудия, в котором Лидия была осенью 1943 года по штату вторым наводчиком, в декабре уже наводчик и заместитель командира орудия. В её зенитном расчёте с ней попали, а вернее попросились быть вместе Катя Горбатенко, Наташа Петленко, ранее имеющая прозвище Наталка-давалка и Полина Картавина.

Катя, попав в действующую армию не потому, что так захотела, а по убедительной просьбе Лиды, перестала быть Вертлягой, а Наталка «потеряла прилипалу» — давалка.

— Девчонки, мы теперь не школяры и не у учебке, — после того, как услышала привычные всем по военной школе прозвища девушек, — мы теперь бойцы и должны носить только почётные звания, воинские и наградные, но не «погонялы». Пусть это остаётся там, как шалость и если мы среди себя не будем так друг друга звать, то никто того не узнает. Мы девушки-красавицы и пусть нас парни называют ласково, Катюша, Катенька, Наташа, почти, как Ростова, раз из ты, красотка из Ростова.

Девчонки дружно засмеялись, услышав интересное упоминание героини романа «Война и мир» и связь её с любимым городом.

— Хорошо, Лидочка, — первой отозвалась Катя, — а мне так нравилось тебя называть Лидок...

— Ну, если нравилось, можешь меня так называть, когда мы общаемся между собой, а обидные прозвища забудем здесь и сейчас. Лады?!

— Лады! — дружно ответили девушки.

Вскоре подруги начали замечать, что с Наташей происходит что-то неладное. И после длительный и настойчивых «допросов», призналась:

— Девочки, я, кажется, беременная...

— Ничего себе, кажется ей! Это не кажется тебе, до рогуша. Это есть факт. Как мы раньше не догадались, хотя мы же не были пока в таком вот положении, — высказалась за всех Полина.

— И кто этот негодяй? — строгим голосом пыталась растерявшуюся Наташу Катя, — и какой теперь из неё заряжающий, когда ей тяжести поднимать нельзя. Какой месяцц?

— Ну, где-то четыре уже... — ответила, опустив глаза Наташа.

— Не приставайте к девушке, — попросила подруг Лида.

— Ага, девушка?! — сострила Катя, но поймав на себе серьёзные и осуждающие взгляды подруг, осеклась и умолкла.

— Да и что тут не ясно. Ох, уж этот, товарищ лейтенант. Ты его так называла, когда были вдвоём или Витей? — догадавшись, кто является виновником обсуждаемой ситуации.

После этого разговора, Лида поработала с Натальей по отработке обязанностей второго наводчика и через пару недель упросила командира взвода сделать корректировку штатного расписания в расчёте. А в феврале, когда Лида была назначена командиром зенитно-артиллерийского расчёта, Наташу комиссовали. Для неё война закончилась.

В мае месяце Лида получила письмо от счастливой мамы, Наташа родила сына и назвала его Виктором. Конечно, имя Виктор символизирует победу и возможно,

что при выборе имени мать малыша и об этом думала. Но более вероятным стал тот факт, что она всё-таки по девичьи была влюблена в своего непосредственного командира, а не потому, что хотела какого-то особого отношения к себе или, просто была распушенной девушкой — нет, конечно. Стало быть, Виктор Викторович родился в семье, хоть и не в семье, но хочется верить, что по любви, будущий воин.

Будет ли малыш, когда пойдёт своими ножками, начнёт говорить, потом понимать, что у его сверстников, которых, в отличие от довоенных лет, не так уж и много и причина тому, конечно, война, своего родного отца или нет? Война не закончилась и его отцу по крови, есть возможность ещё охмурить и не одну девушку, пользуясь обаянием, молодостью и даже определённой зависимостью девушек-курсанток, как подчинённых, в прямом смысле, согласно уставу.

Сообщит Наташа своему обольстителю о том, что он стал папой? Очень сомнительно и, скорее всего, она этого не сделает, так как с рождением ребёнка у неё на жизнь откроются глаза и всё она начнёт видеть в другом ракурсе и более трезво оценивать обстановку. И парнишка Витя, как и десятки других, у которых отцы погибли или пропали без вести на фронтах войны, а у кого-то, как, возможно, и у него отцы живы, но даже и не подозревают о том, что у них есть кровинка.

Девчонки зенитного расчёта, в котором служила Наташа, собрали посылочку, в которую положили не игрушки, а то, что было более необходимо кормящей маме — продукты, тушенку и мыло, чтобы малыш был всегда чистым и ухоженным. Конечно же все написали короткие записки с личными пожеланиями боевой подруге. А, что касается игрушек, то у матери есть боевая награда, медаль «За боевые заслуги» — когда зубки начнут резаться, сможет «проверить на зуб» подлинность

награды и ощутить героизм своей мамы, проявленный на фронте, в течение семи месяцев. Хотя, если быть до конца честным, ведь и малыш участвовал в этих событиях, будучи в утробе матери. И там уже мог напоминать маме, чтобы она берегла себя и не только себя, а и того, ко носила под сердцем.

— Лида! Товарищ сержант! — путаясь и учащённо дыша, вбежала в казарму, ставшая наводчиком, первым номером, младший сержант Горбатенко, утверждённая приказом на штатную должность наводчика, после увольнения в запас, по медицинским показаниям Натальи Петленко, чуть отдышавшись, добавила, — Лида, тебя комвзвода вызывает. Всех командиров расчётов, не только тебя. Посыльный передал под мою ответственность...

— Спасибо, Катюша! Сейчас глаза наведу, руки в изготовке «на старт». Видимо, будет Сказочник «разносить» за вчерашние «ляпы», от которых небо до сих пор не обутрилось, хмары от разрывов такие, хоть опять «мессеров» вызывай, пусть с собой забирают, раз для них предназначалось. Облачность 7 на 10 зависла после нашей ночной канонады. Но справедливости ради, девчонки, одного-то мы «зарыли» в песок, — Лида договаривала, уже поправляя шинель у дверей и подмигнув подругам, резво выбежала на утренний мороз.

— Катюша, а ты ничего не перепутала, а? Ты же не реактивный миномёт, а подняла тут такую пургу, что та «катуша» точно отдыхает, по сравнению с твоим порывом, — пошутила над подругой Люба Фетисова, — вчера нужно было вот так лихо на цели наводить, чтоб ни один «крестопузый» ас не ушёл.

— Сама-то, как сонная муха боекомплекты подносила. Небось всё тебе не даёт покоя тот кудрявый лейтенант? Нет спору, красавчик, но из-за твоих «звянушек», теперь Лиде влетит, — отбила нападки Катя.

— Ну хватит вам собачиться. У орудия правого фланга была самая выгодная позиция, но они хоть бы одного «худого» мессера пощекотали, а нашему расчёту, как всегда, достанется, так как наш командир вспыльчивая и, если что-то думает, не сдержится, чтобы прямо в лоб не высказать. А потому, нас всегда поносят, на чём свет стоит, — пытаюсь не разводить кисель, Мария Щербина.

— Да, Машуня, ты права. Девочки, знаете, что нужно сделать? Нужно нашему командиру, Лиде, как-нибудь измазать лицо пушечной смазкой и явиться с докладом к комбату. И больше не будет предвзятого к нам отношения. Нужно, чтобы его рвало, при виде нашей красавицы и все «хотелки» перехотелось иметь, — предложила вариант решения актуальной темы Катюша, — Сказочник, забери его холера!

— Катюша, ну нельзя же проклинать человека так. А почему вы все его Сказочником зовёте? — поинтересовалась Нина Чернобровина, заряжающая из нового пополнения.

— А ты не знаешь? Нашего командира огневого взвода, старшего лейтенанта Лебедева как зовут? — улыбаясь спросила Катя.

— Да... я как-то не интерес... товарищ старший лейтенант и всё. Ну фамилию тоже знаю, что его фамилия Лебедев. А что?

— Да то, что его зовут Корней Иванович, — ответила Катя и хотела продолжить, но Нина опередила её.

— Как Чуковского, что ли?

— Ну вот, ты сама и ответила. Кем был Чуковский Корней Иванович? — допытывалась Катя.

— Писателем.

— И не просто писателем, а детским и притом ещё и сказочником...

— А-а-а! Понятно.

— Да ничего тебе непонятно, бабник этот Сказочник, вот что. — Завершила знакомство Нины с их командиром взвода, но уже серьёзно, — и ты, красотка остерегайся, нам таких потерь не нужно, хватит одной.

— Что погибла? — испугано, смотря то на одну, то на другую девушку, Нина пыталась понять суть дела.

— Нет, в декрет ушла, но от другого «сказочника». Да и родить уже успела «сказочного» малыша. В крайнем случае, она счастлива, но это не повод повторять ошибки других. Свои — пожалуйста, чужие не стоит.

Все знающие историю Наташи, которая сейчас воспитывала, не без помощи своих сердобольных стариков, сына, засмеялись, а Нина, переглянувшись с ними, также поддержала их, хотя, не совсем понимая нюансы ситуации.

Мартовский утренний мороз придал Лиде бодрости и румянца лицу, что и в румянах потребности не было. Подбегая к добротному кирпичному дому, построенному, по всей видимости ещё в середине прошлого века и по манере западной архитектуры, заметила непривычное оживление и напряжённость часового у крыльца. Отдав часовому честь, быстро скользнула во внутрь. Несмотря на утро, внутри было сильно накурено, что у некурящего человека вызывало сразу желание выбежать снова на свежий морозный воздух, но никак нельзя — приказ.

— Разрешите войти, товарищ старший..., простите, товарищ майор! — заметив, что в помещении для совещаний, кроме непосредственного командира взвода, присутствует командир батареи и ещё один незнакомый офицер, Лида обратилась по уставу к старшему из них.

— Входите, сержант... — дал добро командир батареи и обратился взглядом к командиру взвода, который что-то тихо ему ответил, после чего добавил, — сержант До-

машенко! Задержитесь на одну секунду на месте. Поздравляю вас и в вашем лице весь ваш расчёт за два сбитых «мессера», и выношу благодарность!

— Как же, товарищ майор? Мы же только одного «завалили», как-то тут, что-то не так...

— Не по уставу отвечаете, сержант!

— Виновата! Простите! Служу Советскому Союзу! — вытянувшись и став ещё стройнее, что было заметно даже через плотно втянутую ремнем талию, поднося, «по струнке» вытянутую кисть с пальцами заодно с элегантно согнутом в локте предплечьем правой руки, к виску, слегка коснувшись шапки, исправила неловкое положение Лидия.

— Вольно, сержант, — улыбаясь, глядя в покрасневшееся, от перепада температур и, частично от стеснения с волнением, красивое лицо девушки, сказал майор, — никак нет, командование и разведка доложила, ошибки быть не может — второй «мессер», которого вы метким выстрелом зацепили, не дотянул до своего аэродрома и рухнул вблизи линии фронта. Так что принимайте заслуженную благодарность, и я намерен ходатайствовать о награждении отличившихся.

Все присутствующие загудели, что в улье, обсуждая приятную новость, а кто-то пожалел, что речь не о их батарее и расчёте идёт.

— Присаживайтесь, товарищи! — скомандовал комбат.

Все присутствующие расселись, как и полагалось по менталитету или должностным ступеням: заместители комбата, начальник штаба, командиры взводов — управления, огневого, противотанкового, а за ними командиры отделений (расчётов).

— Прежде, чем перейти к постановке задач, я хочу всем представить нового командира огневого взвода 76-мм зенитных пушек. Старший лейтенант Лебедев, зани-

мавший до этого дня указанную должность, переводится с повышением на новое назначение. Знакомьтесь, старший лейтенант Фомин Иван Фёдорович, боевой офицер, на воинской службе уже седьмой год. До этого имел колоссальный боевой опыт и победы в единоборстве с вражескими самолётами на Южном фронте от Кавказа, Ростова-на-Дону, Донбасса и до нынешних наших позиций у границ нашей необъятной Родины. Девушки, бойцы отделений огневого взвода, прошу любить и жаловать. Ну, как командира, конечно...

Среди присутствующих девушек, командиров зенитных расчётов прокатился смешок. Вставший во весь рост офицер, оказался рослый, стройный русый молодой человек, лет 26–28 на вид. Он обвел присутствующих взглядом, в котором читалась уверенность и в какой-то степени независимость, если такое качество присуще на военной службе вообще.

— Старший лейтенант в РККА с ноября 1937 года, кадровый военный, о его заслугах говорят сами за себя его боевые награды и благодарности командования. Будь моя воля, такой боевой офицер командовал бы, как минимум батареей, если не зенитно-артиллерийским дивизионом. Вопросы к командиру огневого взвода есть?

— Разрешите спросить? — с улыбкой попросила разрешение командир третьего отделения зенитных орудий, сержант Анастасия Потапчук и, получив одобрение, продолжила, — Товарищ лейтенант, а вы, небось женаты, и дети есть?

Прокатился лёгкий осуждающий ропот, среди девушек, хотя каждую из них также интересовал этот вопрос, даже вопреки желания попытаться завести чисто служебные, уставные отношения с командиром в русло более близких, если не сказать большее, а чисто женское, даже девичье любопытство.

— Сержант Потапчук! — попытался уговорить девушку комбат.

— Разрешите, товарищ майор, я отвечу. К сожалению, за семь лет воинской службы я не встречал пока ещё таких красивых девушек, как в вашем дивизионе. Нет, я не женат и никогда не был, детей тоже нет, — старлей закончил ответ лаконично и без лишних слов.

— Да, это правда, донские казачки у нас преимущественно служат, и верно подмечено, красавицы, — повёлся на вопрос девушки и ответ старлея комбат, — только глядите мне, чтобы не в ущерб боевой готовности и результативности в бою, иначе... Вот, вы бывшего командира «расстреливали» своими неотразимыми «трёхдюймовыми» глазами, что он и «сбежал», не смог находиться более под перекрёстным огнём.

— Ну, да! Или нам от него приходилось сбегать... — не сдержалась та же Настя и прикрыв рукой лицо, опустила голову.

Комбат покряхтел, как это обычно делают старики и с укоризной покачал головой, но ничего не ответил, так как за похождения бывшего комвзвода знала даже, прибывшаяся на позиции зенитных орудий дворняжка, которую прозвали Найдой. Найда знала всех девушек, которые её покармливали и всегда встречала их весёлым вихлянием пушистого рыжего хвоста, а старлея звонким лаем, хотя могла бы была и привыкнуть, но нет, видимо она через его плутовской взгляд видела всю настоящую сущность человека. Человека можно обмануть словами, а четвероногих наших братьев не обманешь, они «психологи» ещё те.

— Если больше вопросов нет, то через полчаса, мы с вашим командиром проведём строевой смотр и знакомство с личным составом и материально-техническим заведением. Просьба, подготовить личный состав, и чтобы без этих ваших... — комбат поднял вверх правую

руку с растопыренными пальцами и повертел её, описывая как-бы шарообразную фигуру, — командиры отделений, вы свободны. Выполняйте приказание! Остальным, просьба остаться.

Девушки, выйдя на свежий воздух, по дороге в подразделение личного состава взвода, шумно обсуждали назначение нового командира и высказывали предположение, как может измениться их жизнь. Многим девушкам Фомин показался «сухарём», которого нужно долго «отмачивать» и желательно не в воде, а в парном молоке.

На самом деле, Фома, так между собой стали называть комвзвода девушки, оказался вовсе не сухарём, а живым, интересным, знающим и требовательным, когда необходимо, командиром. И, поняв, что они сильно ошибались в первоначальном мнении, кардинально его изменили, начав называть Фомина Графом Монте-Кристо. К такому умозаключению пришла Лида, когда узнала имя и отчество командира, Иван Федорович, инициалы ИФ. Вспомнила героя романа Александра Дюма, узника замка ИФ, графа Монте-Кристо. И тут всё «срослось».

И не в шутку, новый командир доказал быстро свою высокую профессиональную подготовку и умение руководить подразделением в самых разных обстоятельствах и не только в бою, но и при отработке учебных задач, и в быту. Даже Лида удивилась тому, что после долгих, без малого трёх лет, с того момента, как она потеряла своего дорогого и любимого человека, она впервые начала испытывать к этому, значительно старшему от неё человеку чувства, сродни тем, что она испытывала к своему брату Васе и даже частично были кратковременные позывы, отдалённо напоминающие те, что она испытывала к своему, она его иначе не называла, Петру. Это её даже пугало, и она отгоняла даже мысль об этом, отвлекаясь на чём-то или чем-то.

Фомин в отношениях с подчинёнными никак не высказывал ни к кому, ни симпатий, ни антипатий. Если в общении и проскакивали элементы неуставных отношений, то они ни в коем разе не касались личных чувств или высказываний особого внимания к кому-либо.

Это одновременно и нравилось девушкам и раздражало, так как всё же каждой хотелось, чтобы к ней или на ней взгляд командира задерживался дольше, чем на других, ведь она хороша, разве нет?

Как-то, через две-три недели после того, как в батарею на должность командира огневого взвода зенитно-артиллерийских орудий среднего калибра был назначен старший лейтенант Фомин и все к нему привыкли, и служба наладилась, и успехи не заставили себя знать, Фомин вызвал к себе командира второго отделения зенитчиц, сержанта Домашенко. Лида перед разговором обдумывала, по какому поводу могла быть такая необходимость и не могла понять, какая. В отделении был порядок, результативность работы расчёта лучшая по батарею, дисциплинарных и прочих «косяков» ни у кого из подчинённых не было.

«А может быть, кто-то из девушек, что-то скрыл, а Граф Монте-Кристо узнал и теперь готовит „разнос“ тет-а-тет перед тем, как доложить по инстанции? — по дороге к командиру, Лида обдумывала возможные причины срочного вызова, но ничего не придумав, решила, — чему быть, того не миновать!» — и ускорила ход.

— Сержант Домашенко! Вызывали, товарищ старший лейтенант?!

— Вызывал. Присаживайтесь!

— Спасибо! Я постою.

— Лида, присаживайтесь. И расслабьтесь, я не выговаривать вас сюда пригласил. Даже наоборот.

«Вот тебе и на, началось. Мы уже такое проходили... — Лида вспомнила учебку и то, как её пытался со-

блзнить любвеобильный соблазнитель, ставший необъявленным отцом для сына Натальи Петленко, а может быть ещё кого-то, — неужели и ты такой? Неужели я перестала разбираться в людях...».

— О чём вы думаете? Может быть, сегодня неподходящее время для разговора?

— Нет, ничего. Извините! Отвлеклась. Ну, если вы вызвали, то есть на то серьёзная причина. Я вас слушаю.

— Да, конечно, есть тема для разговора. Я вас надолго не задержу.

Монте-Кристо поделился некоторыми соображениями по поводу организации и тактических приёмов ведения воздушного боя и взаимодействия зенитных расчётов с прожектористами и постами ВНОС — воздушного наблюдения, оповещения и связи. Внимательно выслушав командира, Лида спросила:

— Извините, товарищ старший лейтенант, можно спросить? Почему вы это обсуждаете только со мной, а не с командирами всех отделений?

— Понимаю и даже ожидал такой вопрос. Я хочу убедиться в верности своих выводов и предложений. Просто, одно дело видеть театр боя глазами командира всего взвода и другое дело, командира расчёта. Вы же в бою должны чувствовать неразрывную связь с соседними расчётами, как говорят «плечо товарища». Особенно важно, когда ведёте одновременно несколько целей и знаете, когда, в какой момент лучше цель передать расчёту правого или левого фланга, или, наоборот, когда более удалённая цель от вас, для обстрела из вашего орудия предпочтительнее по расположению её фюзеляжа, и другие нюансы, которые вы можете обсудить с боевыми подругами, отработать, так сказать, конкретную тактику ведения боя в различных ситуациях. Теперь ясна цель моего с вами совещания? И если вы поддерживаете мою идею, тогда мы будем отрабаты-

вать эти упражнения за учебными занятиями, а потом и в бою.

— Спасибо за доверие, граф... извините! Хотела сказать, что в графе — в статьях устава об этом я как-то не припомню такого. Но, если вас интересует мое мнение — я одобряю и уже успела оценить ваш профессионализм. Это я от души, не по уставу...

— Спасибо, Лида!

Лида резко повернулась в сторону Фомина и увидела добродушное улыбающееся лицо.

«Неужели началось? — подумала Лида, — а что же следует дальше?».

— И позвольте ещё один вопрос задать вам, не уставной и вы можете не отвечать, — дождавшись кивка головой Лиды, ИФ продолжил, — вы помните свой первый сбитый самолёт?

— Конечно, это каждый помнит. Это был бомбардировщик Хейнкель, сбитый в небе на западных подступах к Ростову, вскоре после окончания курсов. А почему вы об этом спросили?

— Да потому, что я помню ваш первый сбитый самолёт, хотя его ошибочно приписали другому расчёту, посчитав, что курсанты не могли сбить штурмовика, да ещё и в ночном небе. Вы помните тот ночной налёт, который случился неделей раньше? А ведь ваш первым самолётом стал Junkers — Ju 188S, скоростной штурмовик, которого нелегко сбить даже опытным зенитчикам, а вы сбили, и он лежит в камышах на Левобережье, между Ростовом и Батайском.

— А вам откуда... вы, кто и что... не понимаю.

— Не пугайтесь, Лида. Вы были у меня во взводе на стажировке. Не запомнили? Конечно, рядом с вашей школой летчики стояли, у них и форма красивая, и..., — увидев, что Лида меняется в лице, быстро исправился, — вы меня извините! Я не хотел обидеть, и пошутил неудач-

но. Простите! Да, я вас сразу узнал, как только состоялось моё представление комбатом. Вас забыть невозможно. Правда, вы очень красивая девушка, которых, если один раз увидел, то забыть не сможешь.

Наступила минута тишины. Фомин просто смотрел на Лиду с улыбкой и чувством облегчения, что смог признать в том, что давно знает Лиду, но не во всём, конечно, что чувствовал, что нёс в своей душе и что уже давно просилось наружу, но и в этот раз сдержался. А Лида пыталась вспомнить его там, в Батайске, месяцев восемь назад и не могла или не особо хотела, хотя должна была, конечно. Да и как она могла его вспомнить, если у неё и днём и ночью перед глазами стоял портрет одного человека, Петра, и никого другого она видеть не хотела, хоть и Петра уже давно не было в живых, но память не давала забывать о нём, не давала думать ни о ком другом.

— Извините, я вас не помню, не запомнила, хотя...

— Ничего страшного. А второй раз мы встречались на вечере, устроенного «летунами», помните? Меня тогда хороший товарищ пригласил, и я был на том незабываемом вечере. Даже на какое-то время забыл о войне, когда звучала музыка, а не вой сирены, когда танцевали девушки, пусть и в не в лёгких летних платьях, а в форме, это был замечательный вечер. Я его не забуду. Но и там вы мне отказали. Я вас приглашал на танец. Не помните?

— Вот видите, какая я неблагодарная...

— Ну, что вы? Я не хотел ни в чём вас упрекать. Думал, что вы вспомните. Видимо, у вас был молодой человек, который собою затмил ваши ясные очи, из-за чего вы никого не замечали?

— Вы знаете, если бы этот вечер повторился сегодня или завтра, то возможно, что я не отказала бы вам и уж точно запомнила. Тогда у меня в жизни произошли события, из-за которых я никого не хотела видеть. Всё при-

тупилось уже, хотя забыть всё равно не могу человека, которого любила. А вы были женаты? Простите! Вы любили?

— Женат не был. А любить... кажется, да, полюбил...

— Товарищ старший лейтенант, разрешите обратиться? — заглянув в дверь, спросил рассыльный, — вас комбат вызывает.

— Хорошо. Иду.

Лида поднялась с табурета и оказалась лицом к лицу с Фоминым. На лице её было написано столько всего, что для прочтения всего понадобилось много времени, а главное, покоя и подходящей обстановки для этого. На лице появился заметный румянец, как от мороза, но это было совсем другое.

— Разрешите идти!

— Да, конечно. Идите.

На продолжении отношений ИФа с Лидией у офицера, к которому девушка уже трижды не проявила никакого интереса, не было ни единого шанса, как он сам сделал вывод. Лидия же, наоборот, только сейчас смогла рассмотреть в этом стройном, светловолосом и голубоглазом, боевом офицере, ни командира и замечательного профессионала своего дела, а человека, простого и душевного, с большим сердцем и добрыми намерениями человека.

По возвращению в расположение подразделения, Лидия, конечно, поделилась с боевыми подругами мыслями командира и тактическими задачами, но не более. Личное осталось с ней, да и незачем «пятнать» примерного офицера в «слабости», за которую могут принять во взводе чистые чувства командира. «Пусть будет всё так, как есть, — решила сама для себя Лидия, — время расставит всё на свои места».

И одновременно, удивилась тому, что в ней самой произошли, хоть небольшие, но изменения. Конечно,

она не забыла своего, геройски погибшего любимого, совсем не забыла, но на время потеряла контроль за своими же чувствами, ей было просто приятно общение мужчины, который видел в ней не подчинённую, которой можно было приказывать и понукать, а единомышленника, красивую и умную девушку, которую в беседе он ставил на одном уровне с собой, даже в желании посоветоваться по профессиональным знаниям и умениям, и даже в чём-то поставить её заслуги выше, чем это того стоило.

Короче говоря, Граф Монте-Кристо влюбился и это было видно невооружённым глазом. А вот вопрос, когда, так и останется, пожалуй, для Лиды открытым. Да это и не важно вовсе.

XI

Сказать, что служба была интересной — это не тот случай, это не для фронта, даже если позиции зенитчиц располагаются на значительном удалении от линии фронта. Приказ — есть приказ, они не обсуждаются, а Верховная Ставка Главнокомандующего, Генеральный штаб, командование фронтами и корпусами, владея сводками, разведывательной информацией, важностью тех или иных объектов или эшелонов с грузами для фронта, бросали зенитчиков то в подчинённость одного подразделения, то другого.

Зенитно-артиллерийский дивизион участвовал с задачей прикрытия войсковых частей от средств воздушного нападения и самолётов воздушной разведки на средних и больших высотах над городами, от родного для Лидии г. Ростов-на-Дону, по мере наступления войск Красной Армии от Северного Кавказа, через

Украину до довоенной границы Советского Союза на юго-западе.

В составе Ростовского Корпусного района ПВО до конца апреля 1944 года огневой взвод старшего лейтенанта Фомина осуществлял прикрытие от средств воздушного нападения объектов Западного фронта ПВО, в составе в составе 11-го Корпуса ПВО дислоцировались в районе г. Сталино, Донецкой области УССР и в подчинённости Южного фронта ПВО в составе 11-го корпуса ПВО и 88-й дивизии ПВО в районе г. Киева. В составе в составе 12-го Корпуса ПВО защищали небо над г. Одессой.

88-й дивизии ПВО в августе-сентябре месяцах базировалась на территории оперативных действий от Винницы на востоке до Тарнополя на западе и от Каменец-Подольского на юге до Костополя на севере. В названии города Тарнополя, нет никакой ошибки и он так назывался, и даже после вхождения в состав УССР в 1939 в результате Освободительного похода, а изменил свое название на Тернополь, после освобождения его от немецких войск весной 1944 года, только 8 августа этого же года.

Тернопольский железнодорожный узел стал основным пунктом снабжения германских войск: 1-й танковой дивизии СС «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер» и 7-й танковой дивизии. Именно этот город и его окрестности был превращён в мощный оборонительный узел обороны. Непреступными казались толстостенных зданий си-нагоги, костёла, Старого замка и даже тюрьмы, на основе которых и создавался весной здесь мощнейший укре-прайон городского значения.

Три недели продолжались бои за город и лишь массивным штурмом, в течение трёх дней город был взят советскими войсками 15 апреля. Город располагался на реке Серет и был одним из крупнейших городов Галиции, возможно, уступая только Львову.

Шестым ударом, из десяти освободительных операций в 1944 году, стали наступательные операции войск 1-го Украинского фронта в июле — августе 1944 года в Западной Украине. Советские войска разгромили немецкую группировку под Львовом и отбросили её остатки за реки Сан и Висла. Таким образом Западная Украина была освобождена от немецко-фашистских захватчиков. Все освобождённые территории были распределены также, как и 88-й дивизии ПВО. Западнее от 88-й дивизии была зона ответственности 8-го корпуса ПВО. Это уже была территория Львовской и Дрогобычской областей УССР.

С размещением зенитно-артиллерийских дивизионов на освобождённой территории Западной Украины, называемой Галицией, командованием Люфтваффе Третьего Рейха перед бандформированиями националистов, называемых себя «Украинская повстанческая армия» (здесь и далее Украинская повстанческая армия будет упоминаться сокращённо, как УПА), ставили задачу — вывести из строя советскую систему ПВО.

Маршруты немецких самолетов-разведчиков Ю-88, Хе-111, Ме -109 ежедневно производили в пределах территории Южного фронта в тылы Украинских фронтов, с целью добывания необходимой разведывательной информации. А потому, для войск ПВО было очень важным — срочное получение извещения с постов ВНОС о пролетах немецких самолетов-разведчиков. И в этой оперативной цепочке чаще всего была связь, на которую покушались бандеровцы.

Не только во Львовской области, в зоне дислокации 8-го корпуса ПВО, но и в Тернопольской области и на Волыни, диверсанты повреждали проводную часть километрами и устраивали засады на бойцов ПВО, в деревнях и на дорогах, в местах дислокации их расчётов. Перемещаться в одиночку было «смерти подобно», а без

оружия и подавно. Батальоны ВНОС (ВНОС — служба воздушного наблюдения, оповещения и связи) являлись и глазами, и ушами дивизионов противовоздушной обороны. Они были разбросаны небольшими группами по всей контролируемой данным корпусом или дивизионом ПВО, на специально оборудованных постах, вблизи сел Галиции и потому могли стать лёгкой «добычей» для «бандерлогов», как называли здесь участников бендеровских отрядов. К открытым боевым действиям они прибегали редко, так как действовали в основном мобильными группами до десяти человек, но парализовать работу службы оповещения отсутствием связи, производили повсеместно. Случались, конечно, и засады на малочисленные отряды бойцов, больше с целью устрашения и «доказательства» покровителям, т.е. германскому командованию, курирующим и обеспечивающих их всех необходимым.

После нескольких случаев повреждения связи, Лидия поняла, какой опасности подвергается её родной брат Вася, который и обеспечивает проводную связь между подразделениями. И, естественно, она портится там, где или идут бои, провода просто перебивает, или её умышленно повреждают диверсанты. А он, как правило всегда один, только с неразлучными: катушкой с проводом, пистолета-пулемёта ППШ-41 и подсумка с инструментом.

Самое обидное было то, что она не видела брата более трёх лет, а сейчас он уже боец Красной армии, что невозможно ей было представить, ведь она помнила его ещё таким, о росте которых говорят «метр с кепкой». И ещё от окраины Тернополя, где располагалась батарея 1864 зенитный артиллерийский полка, до сентября в подчинении 8-го корпуса ПВО, а с сентября в составе 88-й дивизии ПВО, до польского города Сандомир, где брат принимал участие в тяжёлых, кровопролитных боях,

было всего-то 300 км. По сравнению с тем, что было раньше, это было практически соседство, но война не давала родным встретиться и это было, как минимум, обидно.

По большому счёту и отец служил при штабе Южного фронта, которому было подчинено подразделение Лиды. И, если линия фронта располагалась, скажем на расстоянии примерно в 300 км, то штабы фронтов, располагаемые в первые два года войны на расстоянии в 150—200 км, с 1943 года стали располагать не далее 50—60 км от линии фронта. Стало быть, отец также воевал, если его нынешние воинские обязанности так можно назвать, на расстоянии не более 250 км.

Как-то Вася в письме, толи в шутку, толи на полном серьёзе написал «встретимся, сестрёнка» в Берлине». И когда же это будет, если даже он на 1-м Украинском фронте «застрял» на рубежах, где германские войска используя преимущества рельефа, естественные речные преграды и успев соорудить долгосрочные оборонительные сооружения, с неистовым фанатизмом, с которым они бились, говорили о том, что это будет нескоро.

«Да, Бог с ним, что нескоро, главное, чтобы это случилось», — думала всё чаще Лида, интересуясь из возможных источников и, даже непроверенным слухам, о положении дел на фронтах.

— Какой сегодня день чудный был, — готовясь к отбою, поделилась мнением Лида с Катюшей, наводчицей своего расчёта, — жаль, что закончилось. А ты заметила, что в праздники, как сегодня, обычно всегда погода, что Богом дана, чудная, праздничная?

— А какой сегодня праздник? Понедельник же сегодня, 11 сентября. В воскресенье, обычно, праздники,

так же? — не понимая, о каком празднике говорит Лида.

— Ну, да я понимаю, что комсомольцам не обязательно знать праздники. Но я ещё помню, когда жили ещё на малой родине, где мы все родились, нас бабушка Наташа брала в церковь на праздники. Вот она мне много рассказывала о вере, о праздниках, о святых. Вот, например, мой отец, Пётр, назван в честь святого Пётра, апостола, одного из учеников Иисуса Христа. Это ему Христос дал имя Пётр, что означает — «камень» или «скала». До этого его звали иначе. А сегодня знаешь какой день? День Усекновения главы Иоанна Предтечи. Хотя я тоже иногда не совсем понимаю, почему смерть человека считается праздником. Вот Иоан Предтеча знаешь, чем был известен? Он крестил самого Иисуса Христа. Его ещё называют Иоанном Крестителем.

— Откуда ты всё это знаешь?

— Книги читала и не только библиотечные. Да и церковные книги во многих верах называют библиями, что сродни библиотекам. Я евангелию читала. Иоанна невзлюбил царь Ирод за то, что тот открыто говорил царю о его проступках. Иоанна заточили в темницу, но Ирод не знал, как поступить с непокорным. Когда у Ирода был день рождения, присутствующая на нём царевна Саломея, смогла покорить Ирода своим танцем. Он сказал ей, что за такой подарок он исполнит любое её желание. Наученная матерью, Саломея, попросила, чтобы ей принесли в награду голову Крестителя. Ирод исполнил эту просьбу.

— Какая трагическая судьба. Я теперь ночь не буду спать. Лида, вот зачем такие страшилки на ночь рассказывала? — расстроилась Катя.

— Не стоит. Ты знаешь, почему такие даты, как отсечение головы или Успение Пресвятой Богородицы, считаются праздниками? Не знаешь?

— Откуда? Ну ты спросишь тоже.

— Это потому, что у человека заканчивается временное земное пребывание человека и у него начинается вечная жизнь, но в другой, не земной оболочке. Верующие люди всю жизнь готовятся к этой конечной цели — загробной жизни. И смерть не считается трагедией. Вот так-то.

— Как-то в голове не укладывается, — загрустила Катюша.

— Я давно заметила, что в такие дни всегда хорошая погода. Не знаю, как ты, а у меня душа весь день, просто пела. Я даже забыла на время, где мы находимся и что произошло невеселого, если ничего ни сказать, в моей судьбе и в судьбе нашей любимой Родины. Ладно, доброй ночи! Тебе же в ночную смену заступать на вахту? — спросила Лида своего заместителя по зенитному расчёту.

— Высплусь, ещё больше, чем три часа можно дрыхнуть, если вообще засну. А ты, что и комсоргом была и верующая?

— Выбрось из головы. Ну, если точнее, я понимающая верующих и, наверное, больше верующая, чем атеистка. Но это не для ушей замполита, да?

— Лида! Зачем обижаешь, что я не понимаю. Доброй ночи! Пусть она будет такой же доброй, как и день.

Дневальная второй смены, Люба Фетисова, держа в руках книгу, как командир планшет с картой, но вместо карты, на книге лежал лист бумаги и она, грызя и слюнявя периодически, и без того короткий карандаш, писала письмо. А потому, как порой её лицо начинало светиться и появлялась добрая, непреднамеренная улыбка, можно было понять, что это письмо для её парня, который служил на 1-м Белорусском фронте и сейчас находился в госпитале, после ранения в боях на Висле.

Свет дежурного освещения был тусклый и Любе приходилось поворачиваться к освещению так, чтобы

он падал на лист через плечо сзади. Она уже заканчивала писать, как резких звук зуммера полевого телефона, заставил её вздрогнуть, из-за чего книга с письмом выскользнула из рук и громко шлёпнулась плашмя на пол, а лист спланировав с вращением, опустился плавно в двух шагах от неё.

Люба растерялась, не зная, что делать в первую очередь: поднимать написанное дорогому сердцу человеку письмо или бросаться к трубке телефона. Но вовремя сообразив, рванулась к телефону и при этом, неудачно зацепив книгу, практически налетела на «оживший» среди ночи телефон.

— На посту рядовая Фетисова!

— Дежурный по НП, лейтенант Протасенко. Кто старший? Срочно к телефону.

— Сержант Домашенко. Есть, к телефону!

Подбежав к кровати Лиды и взяв легонько за плечо, собираясь трясти, но доложить не успела.

— Люба, кто? — открыв глаза, спросила Лида.

— Лейтенант Протасенко, с НП.

— Ясно! — отбросив одеяло и, привычно повернувшись «нырнула» ногами, в стоящие рядом с кроватью сапоги.

— Слушаю, сержант Домашенко!

— Объявляй «боевую тревогу» и, не поднимая большого шума, быстро отправляйтесь на позицию расчёта. С ВНОС доложили, что со стороны лесного массива в сторону батареи движутся три конные повозки. Идут осторожно, бесшумно, маскируясь. Предположительно, отряд в 10–15 человек. Возможная цель — нападение на зенитно-артиллерийскую батарею, с целью вывода её из строя. Приказываю: зенитному расчёту через 7 минут быть на месте и в полной готовности отразить диверсию. Запомни время. Ровно через восемь минут прожектористы включают свет в сторону предполагаемых диверсан-

тов. Вы будьте готовы к отражению нападения прямой наводкой. Время пошло!

«23 часа 38 минут. Значит в 23–46 включают прожекторы...», — успела запомнить время Лида и дала команду:

— Отделение подъём! Боевая тревога! Минута на сборы, построение у крыльца.

Девчонки выбегали молча, на ходу застёгиваясь и беря оружие «на ремень».

— Времени у нас совсем мало. Потому буду объяснять всё на ходу. Движемся бесшумно, молча. Бегом, марш! — Лида бежала сбоку от строя, построенного в колонну по два, шестерых девушек и чётко объясняла задание.

Часовой на посту батареи окликнул приближающихся, с командой остановиться и назвать пароль.

— «Каштан», — ответила Лида.

— «Ольха», — прозвучал ответ, — налёт? Гула не слышно...

— По распоряжение дежурного по НП, батарея временно, до прибытия командира взвода, переходит под мою команду, сержанта Домашенко. Будьте бдительны! Возможно нападение диверсантов, — дав указания часовому, Лида отдаёт команду расчёту, — приготовиться к отражению нападения на батарею! Заряды осколочные! Прямая наводка в направлении лесного массива, на северо-запад. Цель — конные повозки с диверсантами. Огонь открываем после команды и обнаружения вероятности нападения. Через... — Лида посмотрела на трофейные часы, подаренные комбатом, и продолжила, — через минуту и пятнадцать секунд прожектористы осветят местность в указанном направлении. Катя, Полина! Ваша задача: быстро сориентироваться и навести орудие. Соблюдать максимальную тишину.

Светящиеся фосфорные стрелки, на подаренных Лиде часах, отсчитывали секунды до начала, если всё подтвердится. Каждый ощущал в груди учатившееся серд-

цебиение и не только из-за бега, но и из-за ожидания предстоящего боя и враг приближался не в небе, а крался под покровом ночи из лесного массива. Лес начинался, примерно, в двух километрах от селения, вдоль небольшой реки Збруч, через которую имелся капитальный мост в черте посёлка, а второй, деревянный, изрядно разбитый и выдерживающий только лёгкие повозки, был построен леспромхозом, для заготовки древесины и дров в лесу в междуречье Збруча и Гнилой. Видимо оттуда и держали путь ночные, непрошенные гости.

Тусклый диск растущей луны не мог осветить местность, даже на расстоянии 100 метров, но, зависнув напротив устремлённых в её сторону напряжённых взглядов, заставил от напряжения даже слезиться глазам. Но это было недолго.

Яркие, мощные прожекторы, для которых осветить предметы на расстоянии 2–3 километра — это «цветочки», сделали, что в театре сцену с помощью театральным рамп, картину до мелочей ясную, в прямом и переносном смысле. Максимум, метрах в трёхстах от позиции батареи, след в след, шагом двигались три конные повозки. На них восседали, вооружённые люди. На первой телеге, они были одеты в форму красноармейцев, а на двух других в разных форменных и гражданских одеждах. В руках блеснули винтовки и пистолеты-пулемёты, прозванные по фамилии создателя оружия «шмайссерами».

Лошади, не столько от яркого света, сколько от натянутых, одновременно всеми ездовыми, вожжей, свернули головы в стороны или задрали морды, с раскрытыми широко, из-за врезавшихся в губы вожжами удил, вверх и нервно затопали, фыркая и вращаясь, насколько им позволяла упряжь, «танцую чечётку» задними ногами, выбивая копытами пыль из давно не выдавшей дождей, песчано-суглинистой почвы, под увядающей растительностью.

Послышался гомон и характерный металлический звук передёргивания затворов, заставил шевельнуться кожному покрову, под пышными, но у большинства девушек, короткими волосами на голове, с холодком, пробежавшим по взмокшим спинам, от быстрого бега в снаряжении и со скрутками шинелей. Девушки расчёта: Маша Щербина — в расчёте установщик орудия и ещё одна из снарядных или заряжающих, Люба Фетисова, по команде командира расчёта, Лидии Домашенко, бросились с карабинами на позиции за мешками с песком, справа и слева орудия.

— Катя! Прямой наводкой, осколочным, цель — головная повозка, зарядить!

— Есть, прямой наводкой! — делая заключительную наводку орудия по видимой, как на картинке, освещённой цели, докладывает Катя.

— Есть, зарядить! — Нина передаёт снаряд заряжающей и моментально возвращается к ящикам со снарядами.

Сомнений не осталось ни малейших, что перед ними отряд диверсантов, так как слышались беспорядочные винтовочные выстрелы и автоматные очереди, вскочившими с телег вооруженных людей. Сидевший рядом с ездовым бородатый мужик в офицерской шинели и форменной фуражке со звездой, с трудом удерживаясь, чтобы не свалиться от отдачи выстрелов, открыл стрельбу из немецкого пулемёта MG 42. Быстро осознав своё положение, кувыркнулся за борт телеги и раздвинув сошки, установив их на лежащий на телеге ящик, старался вести стабильный огонь, но, ослеплённый ярким светом, конечно, видеть цели не мог, стрелял наугад.

В коротких перерывах между стрельбой, размахивая руками тот, что за пулемётом, видимо их командир, отдавал команды. И после этого, его люди, устремившиеся

наутёк от их гужевого транспорта, стали, пригнувшись, возвращаться и занимать оборонительные позиции за бортами повозок. Ездовые развернули лошадей так, что повозки установились поперёк линии огня, используя их, как баррикады.

Девушки, занявшие оборону, стали вести ответный, прицельный огонь.

— Расчёт к стрельбе готов! — доложила заместитель командира расчёта и первый наводчик, Катя Горбатенко.

— Огонь! — взмахнув правой рукой наотмашь и не отрываясь от бинокля, отдала команду Лида.

И, практически одновременно с последним звуком команды прозвучал, необычно громкий, по сравнению со стрекотнёй ружейных выстрелов, залп зенитного орудия. И в следующее мгновение в воздух взметнулись куски досок с сеном и тряпками, отлетели в стороны те, кто прикрывался, ненадёжной для снарядов, в качестве защиты, дюймовых досок бортов повозки. Но самое главное, что никто из бойцов зенитно-артиллерийского расчёта не ожидал такого эффекта, взрыв был необычайной силы и по сути, от повозки на месте осталась только половина поворотной платформы с одним колесом, передней сницей и куском оглобли. Лошади рванули с остатками упряжи и подвижной вагой и понеслись в низину, уходящую к берегу реки Збруч. Одна из лошадей, споткнулась, упала на бок, поднялась, рывок второй лошади в упряжи развернул её и она снова упала, с трудом и с «натягом» через сбрую, усилиями «напарницы», устремились из потока света прожекторов.

Сила взрыва говорила о том, что к взрыву снаряда, добавился сдетонировавший самоподрыв взрывчатки, находившейся в повозке. И теперь был понятен план диверсантов. Они хотели уничтожить батарею, предварительно сняв бесшумно часового.

— Заряжать, осколочный!

- Есть, осколочный!
- Прямой наводкой, цель — правая повозка...
- Есть, правая наводка, — в голосе Кати слышался азарт, вызванный удачным первым выстрелом.
- Огонь!

Вторым выстрелом попадание пришлось в 2–3 метрах от правой повозки. От взрывной волны повозка опрокинулась, вместе с ездовым и автоматчиком. Отряд диверсантов стал хаотично отходить, продолжая вести беспорядочную стрельбу.

Лида только собиралась подать очередную команду, а первый наводчик уже наводил ствол орудия на оставшуюся невредимой третью повозку, на которой, запрыгивая на неё на ходу, пытались спастись 4–5 человек. С заднего борта повозки два автоматчика строчили очередями в сторону позиции расчёта, которая себя «рассекретила» вспышками выстрелов.

И тут произошло что-то необъяснимое. Лида резко повернулась влево, оторвав взгляд от поля сражения и причиной тому был громкий резкий призыв, донёсшийся с юго-восточного направления, где в принципе никого не должно было быть.

«Лида! Лида!», — услышала она призыв, до боли в сердце знакомым голосом.

«Боже, мой! Не может быть! Петя?!», — резко повернувшись в ту сторону, откуда послышался голос и, конечно, кроме сплошной темноты, которая была темнее сажи, из-за того, что она перед этим смотрела на местность, освещённую ярким светом прожекторов.

И в тот же момент, что-то обожгло её грудь, она могла различить звук быстро летящей пули и увидеть, что отвороты шинели, при этом автоматически «решили» создать обожжённому месту на груди комфортный обдув ночным свежим ветерком, оторвав вторую сверху пуговицу. Лида машинально прижала то место, где на груди почувствова-

ла ожёг и нащупав разбитую пуговицу и отверстие в шнели, поняла — это была пуля.

«Петя! Это ты?» — подумала, а потом во весь голос, неожиданно для всех прокричала, — Петя!

Девушки переглянулись, не понимая, что случилось с их командиром. Лида заметила, вернее даже, ощутила на себе пристальные взгляды и скомандовала:

— Огонь!

Убегающие бандеровцы падали, поднимались, отстреливались или так и оставались лежать на своей родной земле, которую они решили освободить от истинных освободителей от нацизма, в руководстве УПА которых в тоже время стояли националисты, хотя изначально цели повстанческой армии были благие — защита украинского народа от угрозы со стороны немецкого оккупанта. А советские войска, в которых воевали против фашизма и нацизма, в рядах которых плечо к плечу воевали русские, белорусы, украинцы и представители других народов большой страны народов, освобождали Украину от «коричневой чумы», а украинцы свою родину. Вот таков расклад дел, если не зарываться в тонкости. Да и некогда зарываться.

Когда остатки банды рассыпались, не создавая кучность групп, по одному или парами уходили в сторону леса, петляя, падая и продолжая бежать, как раненные волки в своё логово. Командир отделения приказала «отставить» обстрел из зенитного орудия и все бойцы расчёта, распределившись за бруствером из мешков с песком, вели огонь из табельного оружия по недобитым «бандерлогам», как их в этих краях начали называть. В корень название легла фамилия руководителя УПА, по одной версии, а по другой — слово «банда», а второй корень от слова «логово», так как их среда обитания, как и волков — густые лесные массивы и труднодоступные места.

— На голос не стрелять! — знакомым для всех голо- сом обратился, подошедший с тылу человек.

Конечно, все узнали в нём своего командира огнево- го взвода, старший лейтенант Фомин. Бойцы расчёты вскочили и приняли положение «смирно».

— Отставить! — громко и, как показалось, недоволь- но произнёс командир, — всем исполнять приказ коман- дира отделения. Сержант Домашенко, ко мне!

Девушки заняли вновь свои боевые позиции и, пока было возможно, пытались «достать» из карабинов убега- ющих диверсантов. Фомин, взяв Лиду двумя пальцами за рукав шинели и отвёл в сторону, чтобы можно было более спокойно выслушать доклад командира отделения.

— Сержант, доложите по сути дела, что здесь произо- шло за эти пять минут, пока я, разбуженный не посыль- ным в первую очередь и не телефонным звонком из НП, это было позже, а вашей стрельбой? Кто вам давал при- каз разбудить меня таким вот методом? — Граф Монте Кристо смотрел пристально в глаза Лиды.

Несмотря на то, что было довольно темно, можно бы- ло по тону командира понять его недовольство и слабый оттенок юмора, а глаза и еле заметная улыбки, лишь уголками губ, бесспорно, выдавали его отношение ко всему происходящему и личное отношение к Лиде.

Лида растерялась, не зная, как ей быть, ответить шут- кой или серьёзно. После секундного колебания, вытяну- лась перед командиром по стойке «смирно» и ответила по уставу:

— С командного пункта взвода управления поступил приказ: «срочно прибыть в расположение батареи. Пред- положительно, в сторону батареи скрытно выдвигалась группа людей на повозках...». Нам были приказано, через семь минут быть на позиции и приготовиться к возмож- ному отражению диверсионной группы. К выполнению задачи были привлечены прожектористы. Совместными

действиями, огнём из зенитного орудия прямой наводкой и стрелкового орудия было уничтожено: две конные повозки с, предположительно, взрывчаткой и около десятка диверсантов..., — помолчав немного, пристально смотря комвзвода в глаза, Лида добавила, — простите, товарищ ст...

Досказать Лида не успела. Фомин сделал решительное движение навстречу сержанту, охватил её крепкими руками, прижал и «впился» страстным поцелуем в её, разгорячённые от боя, губы. Лида не сопротивлялась, а просто размякла в сильных объятьях Фомина, у неё закружилась голова, наступила давно забытая нега. Таких ощущений Лида не испытывали давно, очень давно, когда была ещё со своим любимым человеком, с которым некоторое время назад у неё состоялась, толи встреча, толи просто видение. И, как только она вспомнила это, сразу предприняла попытку освободиться от человека, к которому у неё были симпатии до этого случая, но не более того.

Иван, поняв желание Лиды, медленно и неохотно отпустил её. Глаза его блеснули от счастья, того, что случилось, наконец-то то, чего ему всегда хотелось, но он сдерживал свои порывы, а сейчас не смог.

— Простите! — сказав тихо и спокойно, продолжая неотрывно смотреть девушке в глаза, — прости, Лида! Не сдержался, сердцу не прикажешь...

Лида ничего не ответила, продолжая стоять так же неподвижно, но без напряжения, как изначально. Она не знала, что ей сказать. В её голове всё перемешалось. Вот, если бы не видение, а в том, что это было именно видение, она уже не сомневалась, то неизвестно, как бы она себя повела.

Стрельба прекратилась. И оба, Фомин и Лида, вспомнив, что они здесь не одни, повернувшись в сторону позиции расчёта, смогли различить неподвижные

фигуры девушек, которые были обращены не в сторону лесного массива, куда ушли недобитые «бандерлоги», а в обратную, они молча смотрели на командиров.

Первый «пришёл в себя» комвзвода и поспешил отдать опоздавший приказ:

— Прекратить огонь!

Девушки, улыбаясь, поднялись, поправили обмундирование, взяли оружие «на ремень» и ожидали дальнейших команд. И она не заставила долго ждать. Фомин и Лида переглянулись, после чего, командир отделения подала команду:

— Отделение, в шеренгу по одному становись!

Лида встала во главе шеренги. Комвзвода, скорее всего, для важности момента, прошёл медленно от начала до конца строя и обратно. Повернувшись к строю, обвёл всех взглядом и произнёс:

— Сегодня, вами была отражена попытка отряда диверсантов, намерениями которого был вывод из строя батареи огневого взвода ПВО. Все бойцы, под командой командира отделения действовали грамотно, согласованно и собрано. Окончательные результаты боя будут подведены утром. За проявленное мужество и героизм, при отражении нападения врага, объявляю вам благодарность.

— Служим Советскому Союзу! — прозвучал громкий отзыв девушек, который эхом разнёсся по окрестности.

— Я буду ходатайствовать перед вышестоящим командованием о награждении личного состава правительственными наградами. Сержант, ведите личный состав в казарму. А я ещё обойду позиции батареи, проверю посты.

ХП

Если бы вам кто-то из фронтовиков сказал, что он с самого первого дня и вот до этого дня, когда вам пришлось с ним вести беседу, воюет неизменно в одном и том же подразделении, стрелковой роте, механизированном батальоне, полке, стрелковой дивизии, то можно усомниться вообще в том, а не дезертир ли он, не примазывается ли к славе тех, кто проливал кровь в названных подразделениях. Всё дело в том, что состав этих подразделений в течение трёх лет войны многократно обновлялся. Да, встречаются счастливики, которых Бог хранит и оберегает, но то, что воинские подразделения, начиная, хотя бы от батальона, в которых он мог воевать, ни разу не подвергались новому формированию, переподчинению и даже расформированию, с последующей комплектацией, начиная от стрелковых дивизий, заканчивая подчинённостью армиям и фронтам — поверить трудно.

Василию довелось проходить воинскую службу в 3-м особом батальоне, 889-го стрелкового полка, 197-й стрелковой дивизии. Эти подразделения были подвергнуты III-му формированию в апреле 1944 года на базе сильно истрёпанной в результате кровопролитных боёв 120-й стрелковой бригады. К подразделениям опытных фронтовиков произвели «вливания» пополнений из 147-й курсантской стрелковой бригады. Получилось замечательное фронтовое братство опыта и молодости. Конечно же, не имеющие пока хорошего боевого опыта бывшие курсанты, здесь, не на полигоне, а в реальных боевых сражениях быстро набирались опыта и становились высококлассными специалистами.

Весь 1944 год был отмечен важными победами Красной армией над Германскими войсками на всех фронтах. И с начала года все операции РККА было принято назы-

вать «ударами» и нумеровать их по решению Ставки Верховного Главнокомандующего. Таким образом, Первый удар — Ленинградско-Новгородская операция, проводимая в период с 14.01 по 01.03.1944 года, в результате его освобождена большая часть Ленинградской и Калининской областей.

Второй удар — разгром немецких групп армий «Юг» и «А» на реке Южный Буг и оттеснение их остатков за реку Днестр.

В результате Третьего удара, Одесско-Крымской операции (28 марта — 12 мая 1944 г.) освобождены Одесса, Николаев и Крым с городами Симферополь и Севастополь.

В результате четвёртого удара Советские войска разгромили финскую армию, освободили города Выборг, Петрозаводск и большую часть Карело-Финской ССР.

Пятый удар, операция которого носила название «Багратион», принесла победу Советским войскам, разгромившим группу немецких армий «Центр», и уничтожили 30 дивизий противника восточнее Минска. В результате чего были освобождены Белорусская ССР, большая часть Литовской ССР и значительная часть Польши. Советские войска, форсировав реку Неман, вышли к реке Висла и к границам Германии.

Очередь стала за южными Украинскими фронтами. Шестым ударом стало наступление войск 1-го Украинского фронта в июле — августе 1944 года в Западной Украине. Разгромив немецкую группировку под Львовом и отбросив её остатки за реки Сан и Висла, советские войска вышли на территорию Польши. Наши войска форсировали Вислу и образовали мощный плацдарм западнее города Сандомир.

Вот как раз во время этого, так называемого «шестого удара», который наносил 1-й Украинский фронт и подошло пополнение в 889-й стрелковый полк, 197-й стрел-

ковой дивизии, в котором и довелось получить «боевое крещение» Василию со своими сослуживцами, вчерашними курсантами. Можно даже сказать так: «с корабля на бал».

Хоть тем, кто пережил времена там на гражданке, но под обстрелами наступающих или отступающих войск вермахта, находясь даже в эпицентре обстрелов, когда снаряды над головами летели и с одной и с другой стороны линии фронта — это совсем не то ощущение, чем то, когда у тебя оружие в руках, на плече катушка телефонного полевого кабеля ТК-2, весом более четырёх килограмм, при каждом шаге, при беге особенно, ударяющая по щуплым бокам бойца. Когда под обстрелом ты стараешься побыстрее соединить перебитый провод, а непослушные руки не могут это сделать так же безукоризненно за 20 секунд, как на учениях, ты понимаешь, что пережить обстрелы в подвале было, хоть и неприятным испытанием, но то были даже не цветочки, а набухшие почти, по сравнению «ягодками», которые бойцы испытывают на фронте.

Важно было не спасовать, не запаниковать в первых боях, хоть и хладнокровие сохранять было, ох, как и не просто. Потому и назывались те, кем пополняли подразделения из, до этого не используемых в боевых действиях резервы, необстрелянными, «молодняком» и самым обидным — «одноразовые солдаты». Конечно, стать «одноразовым» не хотел никто, а вот совладать со страхом, не поддаться панике и, из-за этого не стать легкой мишенью для противника, смогли не все.

3 августа, юго-западнее города Сандомир наши войска форсировали реку Висла. А до этого подразделения 889 стрелкового полка переправились на остров, разделяющий Вислу на два русла. Под прикрытием огневой поддержки бойцов полка, осуществили форсирование

реки на западный берег 828-й и 862-й стрелковые полки. Реку форсировали на подручных средствах пехотинцы, занимая плацдармы на стороне противника. Затем была организована переправа танков на понтонах и плотках. Бои были упорными и кровопролитными. Военные знают, что наступательные операции всегда предполагают в разы большие потери, чем при обороне, а при форсировании рек тем более. Противник всеми силами стремится отбросить наши войска на восточный берег реки Висла. Нашими войсками всё же удалось занять на левом берегу Вислы около 50-ти населённых пунктов и город Сташув.

Здесь впервые «одноразовые солдаты» увидели кровь, если самим удалось сохранить жизнь и даже не быть подстреленным, получив пулевое или осколочное ранение, увидели ранения и смерть тех, с кем ещё вчера или сегодня утром хлебали из одного котелка. Говорят, что армия делает из парней мужчин, даже им-то всего семнадцать лет, а фронт делает из «одноразовых солдат», если они выживают в первых боевых испытаниях, закалённых, что сталь, несгибаемых ни перед каким врагом и трудностями, если так можно назвать ад, в который превращается всё вокруг, под «салюты» вздыбленной от разрывов земли, вместе с теми, кто уже не жилец, когда горит земля, превращаясь в адское огнище, а пули, свистящие рядом и над головой — это вовсе не трели райских птиц, это жужжание шмелей и безжалостные «укусы», жгучих, рвущих плоть своим жалом «ос».

Немецкие войска постоянно предпринимали попытки контратаковать, но натыкались на решимость и мужество наших бойцов и вновь откатывались дальше на запад. Порою в день удавалось продвинуться на 10—15 километров, а иногда, даже приходилось окапываться на достигнутых накануне позициях. Фашистская «гидра», отползая под напором Красной армии, оставляла

на поле битвы свои «щупальцы», в виде подбитых танков, среди которых выделялись «Тигры», самоходные и полевые орудия, автомобили и сотни, тысячи немецких солдат и офицеров.

Немцы пытались заткнуть наступательную брешь резервами из центральной Германии, где положение также было для них угрожающим, это была, к примеру, саксонская дивизия, которая также, как и другие, попадала в «мясорубку», под «жернова» войны». Нельзя сказать, что наступление наших войск было лёгкой прогулкой, конечно нет — шли ожесточённые и кровопролитные бои, с той лишь разницей, что за пределами нашей большой Родины, в Польше, Германии, в Венгрии.

Василию Домашенко выпала доля, пройти, проползти, волоча за собой катушку с проводом по степям, лесам и равнинам, через реки, озёра, болота. Кто-то скажет: «Подумаешь, другие топали от самой границы 2000 км, отступая и столько же в обратном направлении, это только, если дорогами и ещё нужно было загонять врага, как волка в логова, обвешав его позиции фронтами, как флажками...». Да, конечно, каждому выпало то, что предписано судьбой до метра, ни меньше, ни больше.

Вася быстро осваивался в воинских подразделениях, от отделения до взвода и батальона связи. И везде мог вызвать симпатии своей живостью, общительностью, быстротой принятия решений, юмором и даже своей непосредственностью в любой ситуации. Командиры, видя, как подчинённые старались, по возможности сходиться с боевыми сослуживцами, имеющими схожесть в характере, по темпераменту, по возрасту, землячеству и другим признакам.

Для Василия не было ограничений в этом. Он мог запросто найти общую тему для разговора, в минуты отдыха с и опытным фронтовиком, который чуть ли не в дедушки ему годится и с неразговорчивым годком,

боявшимся показать перед всеми свою трусость и не знающим, как это в себе перебороть. И, казалось, что он не имел ни усталости, ни страха, а лишь одно желание — идти вперёд и вперёд, чтобы быстрее покончить с фашисткой нечистью и вернуться к мирной жизни, где будет родной, цветущий в вишнях посёлок, отец, занимающийся мирными заказами, починки обуви, мама, хлопочущая на кухне, старшая сестра Лида и возможно, со своим избранником и меньшая сестрёнка, которую он представлял студенткой педагогического института.

В августе 889-й стрелковый полк, совместно с 828-м и 862-м стрелковыми полками, 197-й стрелковой дивизии, в составе Южного фронта, выполняя поставленное Ставкой Верховного Главнокомандования и Генеральным штабом, форсировали реку Вислу, прорвали полосу обороны противника, овладели населённым пунктом Лесьне-Халупы и вела бои за овладение колонией Цишица, в попытке продолжить наступательное движение на запад. Несмотря на успехи наступательных ударов Красной армии, сопротивление германских войск было упорным, боевое противостояние «вязкое», с медленным продвижением, кровопролитными боями и большими потерями с обеих сторон.

Вот уже и второй месяц пошёл, как Василий на передовой и казалось, что втянулся в службу, в служебные обязанности и в общем, к войне, если к войне можно привыкнуть. Хотя можно и люди привыкают. Изначально, необстрелянные бойцы «кланяются вражеским посылкам», при разрыве каждой мины, даже, если просто слышен разрыв, а место падения в сотнях метрах. Но проходит время, и бойцы начинают понимать зара-

нее, какая из них летит с недолётом, какая гахнет за позициями, в тылу, а «музыки» которой стоит оберегаться, она по твою душу пришла — падай поглубже в окоп или воронку.

«Здравствуй, братик Вася! Мама прислала мне письмо и указала твой новый адрес. Так получилось, что ты уже не просто красноармеец, а фронтовик. Не могу представить тебя в шинели или, какая там шинель — ватник, он практичнее для окопа и вообще в бою. А в шинелях будем на параде маршировать. Надеюсь, что это будет скоро. Рада, что ты сумел побывать даже дома, когда уезжал на фронт. Ты всегда был шустрым малым. Извини за „малого“, я же тебя так давно не видела. Небось, батю ростом обогнал?! Вася, одна просьба, послушай старшую сестру, отбрось свои пацанские привычки, лезть вперёд, как ты любил всегда делать и, тем более первым, даже тогда, когда этого от тебя не требуется — не стоит. Будь сдержанней и благоразумней, не огорчай маму и всех родных. Мы теперь с тобой в разы ближе друг к другу. Порой, мне кажется, даже ночами, что я тебя ощущаю каким-то восьмым чувством. Пиши, братик! Храни тебя Бог! Пиши. Моя п/п — 35286 „Г“. Мой полный адрес, если, по счастливой случайности, как попал домой, так и ко мне заглянешь на чай: Тарнопольская обл., ст. Подволочинск, ул. Староподволочинская, 127. Заезжай, братик. Я знаю, ты у меня способный, сможешь всё. Люблю. Целую. Твоя сестрица, Лида».

Вася был рад, что сестра, потеряв своего любимого человека, за более чем год фронтовых будней, не потеряла чувство юмора. «Боевая сестрёнка!» — подумал Вася и на его лице самопроизвольно появилась улыбку.

Но прежнему Васю мучила постоянно мысль — «почему ему не пишет отец?». Его адрес был уже давно постоянным и на этот адрес писала и Лида, и мать и, хоть

редко, но получали от него короткие весточки. Что могло произойти?

«Возможно, кто-то в письме наговорил на меня отцу что-то? Или он обиделся за то, что я оставил дома одну мать с меньшей сестрой? Но, ведь самые трудные дни оккупации позади, да и мать, если верить ей, а я ей не могу не верить, ничего отцу не говорила о нашей «пропаже» с Машей на несколько месяцев. Может быть, всё же кто из знакомых написал или дальней родни? Но за это ведь нельзя презирать или отказаться от родного сына...», — череда сомнений постоянно мучила бойца и отвлекаться от этих тягостных мыслей было очень трудно.

Отвлекали и радовали, кроме писем от сестрёнки Лиды, письма из дома, от мамы и редко от Маши, как он её не просил писать. «Неужели влюбилась, Дюймовочка и забыла своего старшего братика? Да, собственно, он у неё один и есть...», — думал о меньшей сестре Василёк, как она его любила называть.

Писала Вера добрые и теплые письма. Их было приятно читать, как и все остальные, даже в них присутствовали зачатки романтики и кокетства, которые не могли не быть замечены молодым человеком. Но, когда она в конце писем, после привычного «крепко жму руку», стало заканчивать письмо словом «целую», Васе было неловко. Ведь они были едва знакомы, и он её даже за руку не держал, не то, что дело до поцелуев доходило. Даже стыдно было своим боевым товарищам признаться, которые хвастали в редкие часы отдыха, о своих подвигах на «любовном фронте», что он сам даже ни с кем не целовался по-настоящему.

Зашёл почтальон с горсткой писем и все моментально повыскакивали из всевозможных «шхер» и окружили его, протягивая свои руки, чтобы быстрее взять в руки заветный треугольничек письма и прочесть весточку из дома

или от любимой. Почтальон весело выкрикивал фамилии бойцов, а те громко отвечали. Любопытный почтальон много обо всех знал: кому и кто пишет, а иногда для пополнения «анкеты» данных по бойцам, сам расспрашивал у них, кто пишет, о чём и, если они не хотели выведывать секреты, он всё равно узнавал, но уже у близких товарищей тех. Письма от девушек, чаще всего вручались, после исполнения импровизированного «танца благодарности» или, если письмо было долгожданное.

— Домашенко! Вася, танцуй! — после раздачи доброй половины писем, произнёс Виктор Кривонос, неунывающий почтальон.

— С какого перепугу? От землячки, её и девушкой называть нельзя, получил на днях, от сестрёнки, что ли?

— От Домашенко Петра Леонтьевича давно получал?

Вася пулей слетел с места и без повторного напоминания пустился в задорный пляс с присядками. Все расступились, дружно подбадривали, с гиканьем и азартным смехом, вращающего в кругу, что вьон, бойца хлопываниями в ладони и визгами, кто как мог.

Тяжело дыша от азартного танца, да ещё и потому, что в ватнике, Вася, улыбаясь протянул руку за письмом.

— Ну, вот, это другое дело. Видели?! Могёт же, артист! Туды его мать! — поддержал бойца, довольный, полученным удовольствием, в качестве «платы» за его скромный, но несущий радость, труд почтальона.

Действительно, письмо было от отца. Вася с нетерпением и без труда развернул, вскрываемое для проверки военной цензурой треугольник. Для небольшого листа треугольника, на одной стороне которого размещались в основном адреса полевых почт и фамилии, имена и отчества, от кого и кому, внутри страница была исписана не до конца. Конечно, Вася узнал почерк отца.

«Здравствуй, сын! Не думал, что и тебе доведётся когда-нибудь в жизни взять в руки оружие. Прости, что

не отвечал тебе. Ты уже мужчина и будущий отец, думаю, что меня поймёшь. Я виноват перед твоей матерью и тобой. Если сможешь, прости! Я встретил женщину, полюбил и домой не вернусь. Будь семье опорой, сын. Мне не пишу. Не стоит, это больно и тебе и мне. Матери я сам всё объясню. Ты её в этом не кори. Она здесь ни при чём. Такова жизнь

Прощай, сынок! И прости, если сможешь за всё. Отец».

Хорошо, что Вася читал письмо, присев на корточки и прижавшись спиной к стволу дерева, иначе, после этих слов мог просто упасть. В глазах всё помутилось, голова закружилась и он, буквально сполз по стволу, сев на сырую землю у комеля дерева.

— Ба-тя! Батя, как же так?! — не прокричал, а толи простонал, толи прохрипел Вася, медленно склоняясь на бок, держа измятый лист письма в руках.

После взятия, в результате ожесточённых боёв, важного в стратегическом плане железнодорожного узла, города Сандомир, расположенного на берегах р. Вислы, старейший город Польши, центр воеводства, в переводе означающим «Суд мира», поступил приказ о дальнейшем наступлении. Ближайшей задачей ставилось освобождение г. Старый Самбор с выходом к г. Добромыль и далее на г. Санок.

Попытка с хода взять город Старый Самбор не увенчалась успехом. Одной из причин было то, что немцы здесь успели создать крепкий оборонительный узел, а второй было то, что маленькая речка, протекающая на подступах к городу, стала непреодолимой естественной преградой, из-за того, что её берега имели большой уклон с резким перепадом на возвышение и танки, бук-

вально, проваливаясь в речушку, втыкались стволами орудий в противоположные берега.

В целом Львовско-Сандомирская операция, продолжавшаяся полтора месяца, закончилась 29 августа. Продвижение войск Красной армии, из-за упорного сопротивления армии вермахта, было медленным, а потери, в результате наступательных боёв, из-за сложности рельефа и хорошо оборудованных укреплений, были большие. И также, как и при освобождении родной земли, так и здесь, она было обильно полита кровью русских бойцов и бойцов других национальностей большого Советского государства.

К концу сентября бои велись юго-восточнее г. Санок. В объединённую группу армий «Северная Украина», которой командовал генерал-полковник вермахта Йозеф Харпе, входили: 1-я и 4-я немецкие танковые армии, 1-я Венгерская армия, насчитывающих 42 дивизии. В ходе боевых действий, группа была пополнена дополнительно 17-й армией, 24-м танковым корпусом, одиннадцатью пехотными дивизиями, дивизией войск СС «Галичина», состоящая из украинских добровольцев и других подразделений. Авиационную поддержку им оказывал 4-й воздушный флот, имеющий в своем составе около 700 самолётов.

Нужно было видеть счастливое лицо Васи, именно счастливое, в отличие от радостных лиц его сослуживцев, когда они наблюдали за падением вражеского истребителя или бомбардировщика.

— Лидок, bravo! Сестрѐнка, молодец! — кричал Василий, размахивая своим табельным ППШ-41, а когда позволяла боевая обстановка и салютовал короткими очередями.

Как и сестра несмотря на то, что между ними были две-три сотни километров, но он чувствовал рядом с со-

бой её присутствие, как и она его. Это необъяснимо, но это чувство было обоюдным. Обычно такое могут наблюдать братья или сёстры близнецы, которые, в более редких случаях бывают разнополыми. Боевые товарищи не смеялись над ним, а только поддерживали, ведь каждый сбитый самолёт или подбитый танк — это общая победа, приближающая полный разгром врага, врага сильного, озлобленного и коварного.

Боевые задания, иногда однородные, иногда в чём-то впервые выполняемые, были одинаково опасны потому, что никто не знает, в какой момент и в каком месте враз, в результате обстрела или диверсии перебьёт провод связи между подразделениями, и когда придётся её вновь восстанавливать, с риском для жизни, под постоянными обстрелами, так как в первую очередь в его услугах нуждались передовые подразделения, разведка и первые наступательные линии бойцов Красной армии.

Как в Белоруссии, где небольшая речка Проня, также вошла в историю ВОВ, так как подобно реке Миус на родине Лиды и Васи, так как на ней в течении 10 месяцев, с октября 1943 по июнь 1944 г. стоял советско-германский фронт, так и фронт на реке Висле, где в данный момент дислоцировался 889 стрелковый полк, в батальоне связи которого служил Василий. А до Берлина сколько ещё будет подобных и более полноводных рек? И их нужно форсировать, занимать плацдармы, расширять, вести ожесточённые бои и подвергаться арт- и авианалётам, гибнуть и получать награды за подвиги, часто, посмертно...

Но и не только на этой маленькой реке в Белоруссии фронт, из-за ожесточённых боёв устанавливался на такое длительное время. Бои на Висле, особенно на Сандомирском плацдарме, где зона ответственности 1-го Украинского фронта, затянулись на полгода, но это пока никто не мог предсказать и казалось, вот-вот и «лавиная возмез-

дия» попрёт ненавистные полчища врагов дальше на запад, но увы и ах.

А севернее, наши войска в середине октября вышли на территорию Восточной Пруссии. И южнее, где другие Украинские фронта, совместно с Южным продвигались по странам Восточной Европы: в августе был освобождён Бухарест, 16 сентября наши танки вошли в Софию, в конце октября освобождена столица Югославии и только ожесточённые бои за столицу Венгрии Будапешт до февраля месяца победного года.

Но это всё ещё впереди. А сейчас на реке Висла идут ожесточённые бои за овладение нашими войсками западным берегом и удержанием Садомирского плацдарма, где германские войска оказали беспримерное сопротивление и контратаки, имеющие для них позиционный успех. Возможно, тем и продиктованы успехи советских войск на других фронтах потому, что 1-й Украинский фронт стягивал на себя значительные силы армий вермахта, которые считали это направление более важным и опасным для германских войск, наравне с Белорусскими фронтами.

Оттого Совинформбюро сообщало об успехах Прибалтийских и фронтов южного направления и длительное затишье об успехах на фронтах центрального направления.

День, 11 сентября, был солнечным и по-осеннему теплый. Но ещё он отметился тем, что весь день на Садомирском плацдарме, где 1-й Украинский фронт, силами трёх стрелковых дивизий, закрепившись на западном берегу Вислы на глубину до 40 км и шириной около 120 км, было редкое относительное затишье.

Вечером Василий написал письмо, и так как письма все вскрывались и проверялись военной цензурой, не указывая в нём с каким, но поздравил маму и Машу с Усекновением главы Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна, но написав, не объясняя с каким, а кратко — «с праздником!». Каким может быть сон на передовой линии фронта, знают лучше всего те, которые там побывали, конечно.

Здесь даже о грубых тюремных нарах можно мечтать, но это смогли сделать лишь те, кто с ними знаком. Бойцы привыкли спать урывками, прижавшись к стенке блиндажа, в окопе, прижав, как любимую девушку автомат, присев на ящик из-под гранат или на корточках. Шинель солдату или матрасу, и одеяло, и подушка, когда в скрутке.

Ночь была звёздной. Серп Луны кокетливо вынырнул и-за вершин сосен, где-то за спиной и за рекой Висла, которую пришлось форсировать Василию, уже не в первых рядах, которые заняли первые рубежи ещё в конце июля, а уже через месяц после того, как плацдарм удерживался передовыми подразделениями 197-й стрелковой дивизии. И уже целый месяц боевых действий он находился в составе отделения связи взвода управления батальона.

Работы было много, если считать за работу прокладывание, налаживание связи между подразделениями батальона: стрелковыми, пулеметными и миномётными взводами. И из-за непрекращающихся обстрелов и авианалётов, приходилось за сутки несколько раз восстанавливать повреждения на линии. Связь нужна была постоянно и дожидаться окончания обстрела никто не собирался. А потому, неизвестно ещё, кому было опаснее, тому, кто сидел в окопе, прижавшись к брустверу или, чаще на открытой местности, под минометным обстрелом в случае, если твои передвижения, чаще

всего в группе из 2—3 человек из отделения связи, будут замечены противником.

Всё командование и даже бойцы, которые уже в течении месяца вели с немцами на этом, важном в стратегическом плане плацдарме, ожесточённые бои, знали, что это затишье не к добру. И вскоре после условного отбоя, когда уставшие, больше от ожидания неизвестности, бойцы, не занятые несением дозорной и караульной службы, смогли, пригревшись в шинелях приснуть — началось, началось то, что многие предвидели, но всячески отгоняли недобрые мысли, в желании выспаться за многие бессонные ночи. Но не в этот раз. Как любил повторять комбат: «После войны выспитесь». Так-то оно так, но не все, к сожалению.

Свист, «уханье», «завывание» и другие звуки невидимого «оркестра» противника, донеслись после 23 часов, по «взмаху», бесспорно умелого «дирижёра», перед глазами которого лежала музыкальная партитура для оркестра, а оперативные карты. Наверняка, на карты были нанесены все разведывательные данные, как авиационной разведки, так и полученные из других источников. От множества разрывов, казалось, что земля может расколоться, как ореховая скорлупа. Обстрелы артиллерии и тяжелых миномётов, которые бойцы прозвали «скрипунами» были не пристрелочные, а по важным объектам, видимо известным противнику: командным наблюдательным пунктам, пулемётным и миномётным позициям и то было совсем обидным, что обе батальонные «сорокопятки», после двадцатиминутного обстрела были выведены из строя.

В блиндаже НП командира 3-го отдельного батальона, капитана Трушников, после двух-трёх разрывов снарядом в непосредственной близости, просочившейся между брёвен наката землёй, потушило светильник и ординарец, сержант Мокрушенко, поспешно разжигал фи-

тиль лампы-«коптилки», традиционно изготовленной из артиллерийской гильзы 76-го калибра. Огонёк затрещал и заметался из стороны в стороны, из-за непрекращающихся разрывов, вызывающих ударную волну с потоком воздуха, под действием избыточного давления. Сержант плотно прикрыл входную дверь, которая в большей степени и мешала устойчиво гореть лампе.

— Всё верно, — улыбнулся комбат, — если завалит нас, готовая пирамида Хиопса получится, саркофага только не хватает.

— Так, это... товарищ командир, ну я же... — попытался оправдаться ординарец.

— Ладно, это я так, чтобы перекричать их канонаду.

Зазвучал зуммер телефона, и сержант бросился к аппарату. Прислонив трубку и без представления, сразу ответил:

— Так точно, товарищ «третий»! — протягивая трубку командиру, с прикрытым левой ладонью микрофоном, произнёс, — Савелий Филиппович, вас, Павлюк.

— Да понял я!

Привычно поправив усы указательным и большим пальцем левой руки, крикнул, как будто очищая горло от пыли, которой был заполнен блиндаж и, взял трубку, громко представился:

— Капитан Трушников на проводе!

— Капитан, что там на твоей позиции происходит? Не желаешь доложить? Или мне самому явиться, пока обстрел не закончился, чтобы посчитать убытки выполнимые и невозможные личного состава и вооружения?

— Никак нет, товарищ «третий»! Точные данные я предоставлю после обстрела. Но мне кажется, что сегодня это так не закончится. Разрешите высказать предположение, что противник готовит атаку, имея своей целью прорыв наших позиций, с выходом к берегу Вислы и от-

сечением батальона или даже в целом полка, проходом по тылам.

— Так тебе кажется или есть тому доказательства?

— Только косвенные на основании данных, добытых накануне батальонной разведкой, о которых я вам докладывал.

— Хорошо, держите связь с подразделениями и любые изменения докладывать мне немедленно.

— Есть, товарищ «третий»!

— Коля, свяжись с артиллеристами и миномётной ротой. Что-то они молчат, — ложа трубку и обращаясь к командиру отделения связистов, сержанту Богатикову, не поворачиваясь в его сторону и не слыша быстрого ответа, просит ординарца, — Саша, разбуди связиста. За три секунды не проснётся, буду командира взвода связистов просить... как там этого нового лейтенанта? А, вспомнил, Василий Иванович его зовут, почти Чапаев. Василий Иванович Савченко.

— Простите, товарищ майор, уже связываюсь... Виноват!

— Да, ладно тебе. Не солдат виноват в недосыпании, а тактическая обстановка на месте. Я пошутил. Обычно на такие обидные слова сразу реагируют, даже, если, как убитые спят, а слова шёпотом произнесены — проверено временем.

— Да, что они там оглохли от обстрела, контузило всех разом, что ли, — возмущался связист в попытке дозвониться ни до миномётной роты, ни до огневого взвода.

— Товарищ майор, никак не могу. Видимо порывы.

— Ну и что дальше? Я пойду исправлять? Прикажи, сержант, своему новому командиру, лейтенанту Савченко. Или слабо?

— Виноват! Будет сделано! — сержант козырнул и выскочил из блиндажа в ночь.

Ординарец в звании сержанта, чаще откликающийся на имя Саша, чем на звание или фамилию, беззвучно закатывался со смеху от постоянного юмора, потоком льющегося от внешне серьёзного капитана, но увидел укоряющий взгляд комбата, убрал веселье на лице, надел маску послушного исполнителя.

Сверху вновь рванул снаряд вблизи от блиндажа и засыпало помещение наблюдательного пункта землёй, а через неплотно прикрытую дверь донёсся запах тротила.

После массированного залпа гаубиц и тяжелых минометов по всей линии противостояния не только батальона Трукшников, но и соседних с ним, закончилась артподготовка. И сразу же в наступившей тишине все отчетливее начал прослушиваться гул двигателей. Этого и стоило ожидать, немцев не оставляла в покое мысль, что зацепившиеся «мёртвой» хваткой, как охотничьи псы зверя, подразделения Красной армии, необходимо прорвать на этом участке, вплоть до самой Вислы. Боевые подразделения Красной армии, не имея возможности развивать наступление на северо-запад, чтобы, совместно с Белорусскими фронтами, сжать сильнее удавку на шее фашизма, но являлись «занозой», постоянно тревожащими немцев и заставляя их привлекать в этот район Дороткинского плацдарма резервы, снимая их с других направлений. И, воспользовавшись прибывшим подкреплением, немцы решились, после авиаразведки и артподготовки, просто сбросить механизированными соединениями бойцов Красной армии в Вислу. И фактор внезапности был им также на руку.

ХІІІ

Сержант Богатиков, перебежками, согнувшись практически до уровня пояса, добрался до места расположения отделения связи и через пару минут, отдышавшись, отдавал уже приказ подчинённым:

— Ефрейтор Симаков — старший, Домашенко и Климович с тобой в звене, вам нужно восстановить связь НП с ротой миномётчиков и на обратном пути, на противоположной стороне оврага, наведаетесь к артиллеристам, если они там ещё держатся. С ними также нет связи. Задача ясна? Будьте аккуратны, сами видите, что сегодня, по всем признакам будет «Варфоломеевская ночь», а-то и того хуже.

— Так точно! — козырнул Симаков, — сделаем, не в первой!

— Исполнять. Хлопцы, аккуратно, немцы, видать, прорыв готовят, потому, не мешкая, пока они, как бешенные псы не почуяли, с запахом, вкус русской кровушки на клыках разинутой пасти, со зловонием гнилых потрохов. С Богом!

— Ну, ты, Гриша и завернул! А не проще было бы, короче, в три четыре слова, сложенных этажами, да по-русски, а? А-то мы сейчас не о задаче будем думать, а разгадывать твоё предложение по слогам, — ответил сержанту Климович, до этого никогда не слышавший от сержанта подобных изречений, чаще, коротко и со «связующими» словами матом.

— Я бы с вами пошёл, но почти уверен, что скоро ещё придётся с оставшимися бойцами выдвигаться на задание, — сделал вид, что не расслышал удивление подчинённого.

Богатиков усмехнулся и покачивая головой увёл за собой группу связистов. Рёв моторов усилился и вско-

ре слышались пронзительные звуки орудий танков и самоходок. Основной удар бронетехники был направлен на участок, подконтрольный 3-й роте капитана Богдановича.

Видимо, выбор этого направления был сделан неслучайно, так как для бронетехники выход, в случае удачного прорыва первой и второй оборонительных линий батальона Трушникова, здесь открывается кратчайший и удобный проход к «Синенькой», как в донесениях называли реку Вислу.

Короткими перебежками и ползком, связисты пошли по линии связи. У ефрейтора через плечо по диагонали переброшен был ремень полевого телефона. За месяц обороны занятого на западном берегу реки плацдарма в передовых подразделениях было повреждено при обстрелах четыре аппарата, «реанимировать» из которых получилось только два, остальные требовали серьёзного ремонта или, что лучше было сделать, передать их в разряд «ремфонда».

Василий штатно тащил на себе катушку с проводом, а в обязанности стрелка Александра Климовича вменялось бдительное охранение группы от вражеских нападений. В условиях темноты или освещения окрестных позиций только во время разрывов снарядов и мин, лучшего способа не потерять проложенную линию связи и вовремя обнаружить обрыв, даже самим не заблудиться, нужно было держать провод в руках, свободно, пропуская его в сжатой ладошке, как это делал впереди идущий ефрейтор.

Когда плацдарм был впервые занят, на пригорках и среди степной растительности попадались островки кустарника или, хотя бы одиночные кусты. Теперь, даже травяной покров был выжжен в результате обстрелов и сопутствующих им пожаров. На полях местами уцелели, неполностью убранные снопы пшеницы и ощущая

запах жжённого зерна, Вася вспоминал, как горело зерно на элеваторе, долго тлея и издавая пронзительно едкий запах. Над головой периодически свистели пули пулёмётных очередей, прочерчивая периодически себе путь «слепым» жужжащим «убийцам» трассирующими.

Чем дальше связисты уходили от НП батальона, тем звучнее становился звериный рык «тигров» и «зверей» с менее грозными именами. Самое лучшее сейчас, конечно, если бы была такая возможность, сидеть в окопе и ждать подхода танков и пехоты, которую и должна будет отсекать наша пехота. Но эта работа не для связистов.

Порыв был обнаружен и устранён всего в пятистах метрах от расположения командного пункта.

Ефрейтор Симаков доложил командиру роты, капитану Богдановичу об устранении порыва.

— Благодарю, бойцы! Не обещаю, что ваш визит был последним, но хотелось бы. Сейчас доложу комбату положение дел. Вы, может быть, тут в блиндаже чуток отдохнёте?

— Никак нет, товарищ капитан. У ваших соседей справа те же проблемы.

— Тогда не задерживаю, — капитан подошёл к аппарату, сделал вызов и услышав отзыв, повернулся к связистам и кивнул в знак благодарности и прощаясь, затем заговорил, — Савелий Филиппович, хотел бы пожелать тебе доброй ночи, но не получается...

Сразу же, выйдя из блиндажа командира 3-й роты, связисты попали под «фейерверки» взрывов авианалёта, которым противник решил «заутюжить» непокорных, оказывающих ощутимое сопротивление, а главное, без помощи ротной артиллерии, выведенной из строя в первые минуты артобстрела, а помощи от полковой приходилось только ждать, вернее просить, с помощью появившейся связи. Основная нагрузка легла на стрелковые взводы, на пока ещё «огрызающимися» миномёт-

ным огнём и встречающих «озверевшую» бронетехнику, петезеровцев.

И, если артобстрелу подвергались в основном передовые позиции, сдерживающих наступление красноармейцев, то бомбардировкой с воздуха, авиация вермахта уже прокладывали безопасный коридор далее вглубь обороны, до самых берегов Вислы и даже прихватывали организованные через неё переправы. И теперь, хочешь или не хочешь, а связистам приходилось чаще «молиться Богу», припадая к «свежеперепаханной», ещё парящей от множества взрывов земле.

Было бы очень обидно, если, проползя большую часть линии связи на животе, окажется, что линия вновь перебита, но уже на проверенном ранее участке и всё нужно было начинать сначала. Такова судьба военных связистов. Вася даже вспомнил рассказ преподавателей, когда он обучался на связиста в Сталинграде о подвиге связиста на Мамаевом кургане. Он запомнил его имя, он был тёзкой Василия, Василием Титовым. После того, как во время обстрела, исправленная им связь заработала, уже по окончанию боя, его нашли убитым с зажатыми в зубах концами проводов. И сейчас почему-то этот пример героического поступка всплыл в памяти.

— Чего разлеглись? Вперёд! От нас ждут связь, а мы тут... — толи самому себе, толи бойцам, идущим сзади, если идущим здесь уместно, высказал недовольство Гриша Симаков.

— Так, а в чём-же дело, Гриня? Шевели копытами или уступи дорогу более проворным бойцам, — съязвил, практически упёршийся головой в огромные подошвы сапог 44-го размера ефрейтора, Василий.

Гриша обернулся, желая чем-то ответить, но только буркнул себе под нос и стал шустро выполнять сгибательно-разгибательные движения, до хруста в коленных

суставах и «вальсируя» локтями. Вася успел оглянуться к замыкающему Саше Климовичу и лишь сказал:

— Ну, ты видал?!

Порывов оказалось на линии сразу два и похоже, что второй был сделан в результате уже авианалёта. Всё ближе были слышны выстрелы немецкой бронетехники. В отличие от миномётов, когда можно услышать и понять даже траекторию полёта мины, о снарядах такового сделать невозможно, так они летят, обгоняя звук выстрела и только тогда, когда ваша душа, если такова судьба, начинает покидать неподвижное тело, звук взрыва пытается напугать уже не бойца, а его дух. Но по поводу силы духа — это отдельный и не короткий разговор. А у бойцов важное задание, им об этом и думать — не сметь, кровь из носу и из ушей даже, но выполнить и доложить.

Побывав не более получаса назад у миномётчиков, связисты сумели разглядеть, как немцы работают по известным заранее позициям противника. Наверняка, авиаразведка дала точные данные и замаскировать основательно расположение миномётных установок батальона, не удалось или не успели, да и, по большому счёту нечем было. А сменить позиции комбат не успел или не позволило тоже отсутствие связи.

Потери личного состава были большие. Особенно на первой линии обороны, где танки сделали прорыв и, из-за отсутствия и нехватки «зверобоев», они елозили и засыпали земляным валом брустверов стрелков в окопах. Но отчаянные защитники бросались вслед, устремившихся в проход танкам и забрасывали гранатами их моторные отсеки. Кроме тех, что были остановлены на подступах к первой линии окопов, три горящих танка замерли в устрашающей позе, с «оскалом» раненного или убитого зверя, гримаса которого застыла, как и рёв их мощных моторов, которая не сравнится с силой духа

простого рядового красноармейца, командира отделения или политрука взвода.

— Гриш, а Гриш! Дождя нет, обстрел не в счёт, он если и обмочит, то только портки. Может заночуем под звёздным небом, распределим линии связи и будем, как пограничники, взад — вперёд мозоли натирать на брюхе. Думаешь отчего старшие офицеры все в основном с животиками, если так их брюшка называть, не ругаясь? Они, знаешь сколько за свою службу на пузе-то проползли, от того и мозоли заработали, а все думают, что от обжорства, от харчей по высшему разряду. Нет, брат мой, не от того... — не унимался «достать» по полной программе впереди движущегося Григория, и делал это не со зла, а от того, чтобы отвлечь всех от тяжких мыслей кромешного ада, начавшегося миномётного обстрела с обстрелом из танковых орудий, и «привета с неба» от «стервятников» за компанию.

— Что-то ты, рядовой Домашенко, раздухарился, не к добру всё это, не к добру.

— Ой, гляньте на него. Небось о лычках сержанта мечтаешь.

— Если бы в другой ситуации, я бы тебе показал, «где раки зимуют».

— Не старайся, я знаю — на Волковой горе.

— Это где? — ничего не понимая, спросил Гриша.

Разрыв мины заставил вновь всем помолиться, хоть и про себя, Богу, чтобы спас и сохранил их солдатские молодые жизни.

Отряхнувшись от мелких комочков земли, с прищуром в глазах, толи от пыли, которая ещё не осела, толи от того, чтобы сделать выразительнее лицо, которое по большому счёту, если и видно, то только очертание, абрис его, Вася продолжил:

— Гриша, как война закончится, приезжай ко мне на родину, Примиусье — райский край, а с горы какой

чудный вид открывается на десять километров в долину, а природа какая неповторимая, а река — приезжай, не пожалеешь.

— Вася, — перейдя на обычный вид общения, как и Вася с ним, Гриша серьёзно ответил, — если будешь думать, то не только к тебе после войны, мы даже в расположение НП батальона к утру не попадём или вовсе...

— Чего вы завелись? Хотите немцев развеселить? — не сдержавшись, вступил в спор, обычно молчаливый Саша, — вот они сейчас остановят танки, повывлазят на башни, усядутся, как в театре и начнут, болтая ногами и укатываясь от смеха, ржать над вами.

— Саня, а ты крещённый? — спросил Вася.

— Ну, а причём тут это? Я же комсомолец.

— Но крестят же ещё до того, как становятся комсомольцем. Что боишься сознаться? А я, вот смотри, — Вася расстегнул гимнастёрку достал, подвязанный нательный крестик, — видишь?

— Что там, медальон? Крестик?!

— А ты думал, что? Вот он меня бережёт, Бог нас бережёт, но тех, кто верует, в первую очередь, так как он нас потом с почестями к себе заберёт, ну и понятное дело, в самые почётные небесные хоромы поселит. Понял, босяк?!

— Почему, босяк! Крестили меня тоже, мамка говорила, и крёстные есть. Но в Бога я не верю и крестик не ношу, нельзя. Я же комсомолец. Не верю я в то, что ты ту напел нам. Скажи ему Гриша?

— А, что ему говорить? Бесполезно. Нужно замполиту доложить, пусть возьмёт его в оборот, — сделал вывод Гриша и попытался перевести тему разговора в другое, актуальное русло, — сам меня давеча подгонял, вот и сам «шевели живее копытами», хотя, ты и копытами не вырос, как и ростом...

— Братцы, вы чего. Смотри, как пуляют, головы не поднять. Давайте выбираться до наших окопов, а там

тогда и спорьте себе, коль охота, — снова включил здравый смысл Александр.

— Натирайте вы тут себе мозоли, а я уже Господу помолился и Он меня услышал, мне самому доложить сержанту о выполнении задания или вы утром сами доложите? — с явным укором объявил Вася, при этом вскочил быстро на ноги и отряхнувшись, оглянулся на товарищей, поправил ремни катушки с проводом и ППШ, добавил, — верующие и крещённые за мной, остальные на месте.

Пару секунд постоял, пристально и с улыбкой смотря на ошарашенных, потерявших дар речи боевых товарищей и двинулся, чуть пригибаясь легким бегом в сторону расположения дислокации их отделения, при батальоне Трушников.

— Домашенко, стой! Стой, я тебе говорю! Ложись-ложись! Я буду вынужден доложить о твоём неподчинении приказу... — Григорий уже кричал, перекрикивая взрывы и стрекотню оружейной перестрелки на разных тонах и «тембрах» их смертельной мелодии и приподнявшись на локтях.

Первый разрыв мины лёг, после характерного свиста между лежащими в авиационной воронке связистами и Василием. Когда, после разрыва, Гриша приподнял голову, то через ночную темень и оседающее, что вуаль красотики, всё поднятое фонтаном вверх и оттого смог лишь смутно различить более тёмное пятно, в котором, как он мог догадаться и пребывал рядовой Василий, предположительно в телесной, а не духовной оболочке. Почему-то вновь пришли в голову слова Васи и, как он не пытался их отогнать, ничего не получалось.

— Вася! — закричал, первый пришедший в себя после увиденного, Саша Климович, — Вася, жив...

Последние слова потонули в следующем разрыве, который случился примерно в той точке, в которой

в последний раз ещё мог различить его силуэт Григорий.

— Ну вот и всё! Вот тебе и верь в Бога... — как будто самому себе, тихо и опустошённо произнёс Григорий.

— Гриша, давай поспешим, может Васе помощь нужна, может быть, он ранен? — Саша стал выползать из воронки

— Да, навряд-ли уже помощь потребуется, в аккурат накрыло, я видел, после взрыва его уже не было. Но идти надо, по любому...

Видимо заработала связь, командование полка, по просьбе командира батальона, оказала огневую миномётную и артиллерийскую поддержку гаубиц калибром 122 мм, а затем и дивизионные орудия, калибром 76 мм и другими, теми средствами, которыми командование посчитало возможным использовать в данной ситуации. Советская авиация, в отличие от немецкой, возможно, где-то и оказывала действенную помощь, но не здесь, на Сандомирско-Виславском плацдарме — это была просто мечта всех командиров полков и дивизий. Значит, командующий 1-м Украинским фронтом и штаб фронта не видели в том острой необходимости. Но им виднее, не будем устраивать заочный суд, мы на это не имеем право. И по этому поводу есть поговорка, которая может поставить точку в обсуждении необходимости того или иного в те тяжёлые и кровопролитные бои на плацдарме: «После драки кулаками не машут».

Бой, продлившийся несколько часов, завершился тем, что немцы, потеряв на поле боя безвозвратно и с возможностью восстановления, до трети бронетехники, принявшей участие в ночной атаке. Недобитых «зверей» утащили в «логово», где они будут «зализывать раны» и, возможно в скором будущем, сделают ещё одну или несколько попыток оттеснить и, в перспективе «уто-

пить» защитников плацдарма в «Синенькой». Хотя, это в донесениях среди командных подразделений существовало такое зашифрованное название реки Вислы, как и многих других важных объектов, для случая перехвата докладов противником.

— Ну, как ты, Вася-Василёк? Пришёл в себя? Молодчина! Ты, видимо «в рубашке» родился.

Вася, открыв глаза, не мог понять, где он и что с ним. Рядом с ним, у его изголовья сидела молодая девушка в белом и улыбаясь о чём-то говорила, что до его сознания не могло прийти. Он повернул голову, осмотрел всё и понял, что он или умер и сейчас перед ним в лице этой девушки Ангел, или это происходит не там, на небе, а на грешной войне, где идёт война и где он выполняет то, чему его учили. Но, а где его товарищи?

— Ты, что не можешь понять где находишься? Я — медсестра Вера. А это дивизионный лазарет. Ты не помнишь, что случилось?

Вася отрицательно покачал головой и попробовал подняться, но почувствовал боль в спине и скривив гримасу от боли, принял первоначальное положение на животе, с повернутой в сторону медсестры головой.

— Значит я его действительно видел. Это он меня спас...

— Да, тебя твои товарищи с поля боя вытащили, — подтвердила Вера.

— Я не об этом. Но я всё вспомнил. Хотя, зачем всё это вам?

— Вася, у нас здесь можно на ты и если не против, то и я буду тебя тоже. Я же сестра, а все, за кем приходится ухаживать — мои братья, логично, да? Если хочешь, то расскажи, что случилось и кто спас. Мне интересно. Как

мне рассказали, то у тебя и шансов не было никаких, мина прям под ногами разорвалась.

— Ну, ладно, только если смеяться и перебивать не будешь. Только сразу скажи, я в спину ранен серьезно?

— Нет, глубоко проникающих ранений и поврежденных внутренних органов нет. До свадьбы заживёт. Ну, так говорят, чего ты так на меня смотришь? Я же сейчас не о нас, — Вера покраснела, из-за своей говорливости и неумении обдумывать то, что хочется сказать, по простоте душевной.

— Я поспорил со своими товарищами, когда мы около полуночи возвращались в подразделение, после выполнения задания. Я поспорил с ними, ну с Гришкой и Саней и сказав, что меня Бог бережёт и ничего не может случиться, чуть-ли не обвинив их в трусости, короткими перебежками двигался в сторону окопов нашей линии обороны. Слышал, как сзади меня разорвалась мина и со мной ничего не случилось, я, убедившись и усилив веру в мою защиту, продолжил движение вперёд, не обращая внимание на стрельбу и взрывы. Затем справа от меня яркая вспышка, непохожая на взрыв или пламя огня, при выстреле орудия, осветила всё вокруг ярко-ярко, что я смог видеть всё перед собой на сотни метров, но главное то, что передо мной возник опять он. Я его уже ещё в первый раз назвал Ангелом-хранителем. Он был в облике парня моей сестры, погибшего ещё осенью 41-го года в боях за Ростов-на-Дону.

— Вася, можно я перебею тебя? А ты уверен, что это был он? Ты был с ним знаком, знаешь его в лицо?

— В том-то и дело, что никогда вживую его не видел, но он уже приходил ко мне в трудные минуты и сказал, что будет защищать сестру Лиду и опекать всю нашу семью, так как Лиде обещал. Я даже Лиде об этом не говорил, чтобы не подумала, что я сошёл с ума. А вот после

этого случая, я точно знаю, что это был он и благодаря ему я с тобой сейчас разговариваю. Знаешь, я раньше думал, что, когда просят Бога: «Господи спаси и сохрани!», то думают, как и я тоже, что Он сам всем вовремя протягивает руку помощи. А сейчас понял, что у него много помощников, верных Ангелов-хранителей и для того, чтобы люди доверяли им, как себе, они приходят в облике умерших родных или близких людей.

— Мистика, конечно, но мне почему-то тебе хочется верить. Прости! Я тебя слушаю.

— Мне показалось, что пока он со мною говорил, время вокруг остановилось. Я мог видеть перед собой и на приличном расстоянии, как в воздухе зависли, секунду назад, летящие со скоростью, превышающей

скорость звука, снаряды, рой пуль и всякого-разного другого, и пламя порохового заряда в жерлах стволов орудий и танков тоже превратились в яркие пятна со зловещими языками, как у сказочного Змея-Горыныча. И вдруг слышу: «Вася, у меня времени нет. Лида в опасности. Падай!» — это был его голос, я с ним уже знаком и с другим не спутаешь. В следующий момент меня кто-то сильно толкнул вперёд. Я за что-то зацепился, видимо за что-то лежащее у ног и пролетев, точно не знаю, по ощущениям метра 2—3, начал проваливаться в какую-то глубокую яму или пропасть. И всё пропало, и видение, и Пётр, вернее, Ангел в лице Петра. И всё это я видел так, как сейчас тебя вижу, только очень медленно, что... Можешь не верить и сказать, что это было, как там в медицине — шоковое состояние или ещё как.

— Действительно, трудно поверить, мистика какая-то. Но я склонна поверить больше, чем не верить. А главное то, что и твои товарищи, очевидцы происшедшего тоже сказали, что ты «в рубашке родился». А падал ты в глубокую воронку и, как я понимаю своим девичьим, «куриным» умом, что во время падения и произошёл

взрыв, иначе тебя посекло бы осколками всего и..., ну в общем-то, это мое мнения.

— Тоже скажешь, всем бы такие, как ты выразилась, «куриные мозги» — за счастье приняли бы. Спасибо тебе! Ты славная.

Вера засияла с облегчением, хоть такие и подобные слова она слышала очень часто, но услышать их именно от этого парня, который сейчас был в её «власти» ей хотелось больше всего. Вера, молоденькая, восемнадцатирейс сущ.я девушка, как и многие другие комсомольцы, по зову сердца и осознанием долга комсомольца и советского гражданина, осознавая необходимость и востребованность её там, где она сможет принести максимум пользы, окончила медицинский курсы всего пару месяцев назад. И за это время, работая буквально рядом с передовой линией, видела в разы больше крови, чем те, кто работал в тыловых госпиталях.

Опустив от стеснения глаза, Вера тихонько ответила:

— Ты тоже, Вася, славный парень.

— Тебе-то это откуда меня знать?

— А мне не нужно говорить, твои глаза мне об этом говорят. Через них можно даже в душу заглянуть, она открыта, а значит — ты человек открытый и душевный. Такие никогда подлости не сделают, они надёжные.

— Ты, случаем не на психолога училась до того, как попасть в медсанбат? А тебе попадались уже на жизненном пути подлецы? Мне кажется, что ты сильно доверчивая девушка.

— Ой, не смехи. Правда, я тут с сотнями людей общалась и многие делились своим самым сокровенным. По неволе станешь психологом. И письма домой просили писать, каких только историй не наслушалась...

— Сестра... сестра! — звал тяжелораненый боец в голову, что, кроме маленького отверстия, как в скворечнике, на его голове не было свободных без бинтов мест.

— Я иду! — отозвалась Вера к зовущему и, повернувшись к Васе, добавила, — не скучай, мы еще поговорим. Обход сделаю и процедуры...

Вася, чуть приподняв голову, развернул её в другую сторону, где между плотно стоящими кроватями удалялась девушка, влившая в его кровь, вместе с уколom, по всей видимости, приличную дозу адреналина. И даже, если это не так, то настроение у него было замечательное, несмотря на то, что ещё прошедшей ночью он был на грани того, что ему было всё равно, что с ним может случиться, хоть и перед товарищами хотелось выглядеть, как эталон человеческой бравады, на грани с безумием. Случись, если бы это завтра, а не вчера, возможно, что были бы поводы ещё раз подумать и всё взвесить.

Вася наблюдал, как Вера подходила к раненым, улыбаясь общалась с ними, выполняла медицинские процедуры или простые просьбы, если подопечные даже нуждались в услугах санитаров, а не медсестры. И видя её симпатичное личико, с которого не сходила улыбка, подумал: «Что это я совсем раскис: вчера был боец, как боец, а сегодня что произошло? „Знаток человеческих душ“, может быть и правду, нужно дверки своей души прикрыть?».

Толи уколы подействовали, толи общая усталость, окопная жизнь без сна и отдыха быстро увели Васю в «нирвану» покоя и сна, в котором, возможно, ему сейчас снится, как он, держа за руку белокурую девушку, стремительно поднимается на Волкову гору по крутому склону, помогая ей, что «буксир» на деле и подбадривая словом. И вот они на самой вершине, но вместо васильков и ромашек, которые он обещал девушке, похожей на медсестричку Веру, перед ними открылся вид недавно прошедшего сражения: разбитые блиндажи, окопы, воронки, догорающие танки, периодически выбрасывающие пламя из-под брони и моторного отсека, множество

убитых, как красноармейцев, так и немецких солдат, некоторые застыли в смертельных объятьях, воткнув друг другу в плоть штык-ножи...».

Вася открыл глаза, почувствовал холодный пол на груди и жар в спине, сделал привычное движение, чтобы повернуться и встать с кровати, но от резкой боли в спине застонал и, поняв причину, осмотрел вокруг себя палату, поворачивая голову. На освободившуюся слева от него кровать, санитары укладывали солдата лет сорока. Он был в бессознательном бреду, издавая неразборчивые слова и фразы. Его принесли из операционной и, в отличие от Василия, этот боец уже отвоевался, у него отсутствовала нижняя конечность, без малого до колена. Через бинты выступила и ещё не успела присохнуть кровь.

— Сегодня с плацдарма «конвейером» везут бедолаг. А сколько там их осталось?! — заговорил кто-то с кровати напротив Васи, за проходом, кого увидеть он не мог, не повернувшись на спину.

— Да, похоже, что не удержат наши плацдарм. Слышишь, как вторые сутки «утюжат» авиацией и гаубицы «ухают», что кузнец молотом по наковальне, сравнивают людей с землёй. Из земли вышли — в землю и уходим... — поддержал разговор другой.

— Но мы с тобой, браток, ещё повоюем. Вот только подлатают чуток и, видимо своих догонять не придётся, как бы они нас не нагнали, отступая, — ответил первый, начавший разговор.

— И что это у нас медицина не научилась делать так, как машине при ремонте: отстрелили ногу — в складе нужного размера подобрал, как кардан и заменил. Я думаю, что придумают когда-нибудь такую медицину, — продолжил тему разговора второй, судя по голосу, помоложе первого.

— Сёма, тебя видно сильно контузило, что умом тронулся.

— Нет, у меня пулевое, навывлет, сволочь, прошил меня немчура. Но меня так просто не возьмёшь. Я Волгу в лёгкую переплывал, а тут пару дырочек-то всего...

— Ага, всего. Ты сам себя не слышал, как из лёгких кровью плевался. Тебе и сейчас поменьше бы трепаться, силы береги. Иначе, мне самому придётся немчуру добивать, — высказал беспокойство за молодого бойца, более возрастной его сосед по койке и заметив, что Вася, ворочается в кровати, что напротив его, спросил:

— Парень, тебе что-то нужно? Верочку позвать или Нину Карповну, санитарку? Если тебе «уточка» нужна или ещё чего, Карповны не стесняйся, она за свои годы и за время работы всего навиделась, — и заметив невдалеке «легкую на помине» санитарку, окликнул её, попросив подтвердить сказанное, — я же верно о вас, Нина Карповна, сказал?

— Верно, сыночек, всё верно. Чего только не повидала. И работу на панских полях застала, и рожала под копной, и революцию помню, и раскулачивание тех, кто в отличие от лодырей, трудился на земле от зари до зари, всё повидала. И муж сгинул по доносу, и голод повидала, и холод, и младенцев хоронила от болезней и голода, всё, сыночек, повидала. А теперь вот, сыночки, за вами ухаживаю. Мой один сынок кровный уже сложил свою буйную голову, ещё в 41-м, под Киевом, а двое воюют. Думаю, если придётся, то и им кто-то, как я, и покормит, и «уточку» поставит и уберет, и ранки обработает, если нужно. Храни вас Господь, сыночки мои, — санитарка отвернулась в сторону и, нагнув голову, уголками косынки вытерла те скудные слёзы, которые ещё не были выплаканы за долгие и нелёгкие годы жизни.

— Не нужно мне Верочку, — поняв, что это было сказано в его адрес, Вася, — я «лёгкий», сам справлюсь, а ей хватит тех, кому помощь нужнее, — закончил ответ с кажущейся обидой.

— Ну, да, конечно! — с явной иронией произнёс боец, имеющий немалый жизненный опыт, судя по всему, и хорошо, что Вася не видел его ухмылке и подмигиваний, которые он адресовал Васе, но показывал своему молодому соседу по кровати.

— Слышишь, боец, а тебя как зовут? Давай знакомиться: я — Сёма, Семён Ефименко, рядовой, а мой сосед, опытный «волчара», с 39-го воюет, начиная с Освободительного похода и вот через пять лет «опять двадцать пять» — откуда начал, туда и вернулся. Мы из пехоты 828 стрелкового полка. Фу, ты! Забыл представить, он — старшина Еремеев Александр Михайлович и не иначе. На него без одежды смотреть больно, живого места, кроме языка нет, а туда же, кричит: «Выписывайте меня скорее! Без меня взвод, как без отца родного, пропадёт...». Так как тебя зовут, солдат?

— Василия, — не отрываясь от подушки, произнёс с неохотой, потом добавил, — соседи, значит. Я связист из 889 полка.

— Интересно, из какого подразделения новенький? — не успокаивался Сёма.

— Из ада я... — не то сказал тихо, не то прохрипел пересохшим горлом тот, которого недавно принесли из операционной.

Все притихли, понимая, что человеку нужно прийти полностью в себя и осознать нынешнее состояние. И с наступлением тишины, отчётливо была слышна канонада непрекращающихся боёв на Дороткинском плацдарме, результатами которых и стало непрерывное пополнение тяжелораненых бойцов.

За период ведения непрерывных боёв в течение 11—14 сентября, в результате многочисленных контратак

немецким войскам удалось достичь значительных успехов. Они оттеснили воинские соединения 197 стрелковой дивизии, сначала выбив из Лесьне-Халупы, а затем и с занимаемых позиций у города Цишица.

Когда боец назвал то, что там происходило «адом», он ничуть не преувеличивал того, что пришлось испытать тем, кто попал в этот «адский котёл». На следующий день по палатам медсанбата прокатилась нерадостная весть — «на операционном столе, не приходя в себя, от многочисленных ранений скончался исполняющий обязанности начальника штаба 197 стрелковой дивизии, майор Румянцев П. В..

А то, что здесь находящиеся не один день или, как Василий, попавший «под раздачу» в первый же день немецкой контратаки, были, как и он, скорее всего спасены от верной гибели в кровавой «мясорубке» потому, что это не их последний день. Видимо, их судьба в том, чтобы пройти всё войну до победного конца, пусть и с множеством ранений, как у старшины Еремеева; другому, как балабол Федя Ефименко, суждено было сложить голову на польской земле, вскорости после выписки из госпиталя. Всем уже уготовлена судьба. Солдата без ноги комиссуют, он дожждётся своих внуков и будет их учить ходить, сам хромая на грубом самодельном протезе. Но у него могла быть и другая судьба, как тех, кто не хотел обременять своих родных, скитался и бродяжничал. А за то, что они потеряли руки или ноги, их государство «наградило», щедро наградило бесплатными путёвками в специальные интернаты, а по сути — лагеря, под контролем и ведении МВД. Возможно, что он доживёт где-то свой век, например, на известном острове Ваалам.

Эх, Россия, Россия-матушка, как же ты, в лице высокопоставленных представителей власти, «помогла» инвалидам ускоренным методом до своих собственных могил

добраться. Это там, на фронте они боролись за жизнь, в госпиталях, стиснув зубы, когда наркоз не действовал и они слышали, как подтупленные зубья ножовки пилят кости их конечностей... А здесь, получив такую благодарность, хотели быстрее свести счёты с жизни, не перенося унижения и незаслуженного позора.

Всё это будет. И победа на Висле, и Великая Победа в мае. Но где будут вот эти бойцы или те, что из последних сил, используя штык нож или саперную лопату идут на вооружённого врага в рукопашную или бросаются со связкой гранат под танки? Многие из вас, совершив смертельный поступок и тем самым бессмертный подвиг, останутся безымянными героями или их трофеи засчитают в ходатайстве на награждение выжившим, как знать...

Что будет с Василием, суждено ли ему, как приснилось ему накануне, дружить и, возможно создать семью с весёлой и душевной девушкой Верой или нет? Мы ещё не знаем. Но мы уже сегодня, 14 сентября узнаем, что 197 стрелковая дивизия, после полутора месяцев удержания плацдарма на Висле, после ожесточённых боёв, обескровленная до состава одного полка, так как в боях потеряла около 70% личного состава и практически всё артиллерию, была вынуждена оставить удерживаемый долго западный плацдарм на Висле.

И уже 15 сентября дивизия отступила на восточный берег Вислы. Но для того, чтобы обеспечить их отход и переправу, на западном берегу, в качестве прикрытия было оставлено 50 человек во главе с капитаном Фёдоровым. Бойцы выполнили поставленную задачу и последний в своей жизни воинский приказ...

XIV

Три года на войне — это как, много или мало, не в рамках истории и не в истории отдельно взятой страны, участвующей в этой войне, да и не просто в войне, а во II-й Великой Отечественной — нет, если говорить о том, сколько испытание за эти три года выпадает человеку, отдельно взятому из великого множества советских солдат — это как?

Однозначно и не ответишь. Кто-то, пришедший ополченцем на фронт, не считая недели подготовки в тылу, если она была, в первом же бою слаживает голову, ничем особым не проявив себя или успел за несколько часов боя проявить себя не трусом, прижавшимся к сырой стенке окопа, как к груди мамки родной, или своим примером увлёл товарищей в атаку, совершив маленький пример мужества и героизма, а может быть, даже совершив подвиг.

Сколько людей, столько и судеб. Сколько людей, столько и характеров, убеждений, жизненных принципов и прочего. Конечно, всех людей, по большинству из признаков общности, можно объединить в группы, если уж сильно того захотеть. А как же в жизни, а как на войне, на фронте? Там главный психолог — политработник. Что-то сродни духовнику церковному, но в отличие от священника, он пропагандирует не веру в Бога, а веру в партию, веру в правоту её линии, веру в светлое будущее, под руководством этой партии и её вождя, вождя всех народов, Верховного Главнокомандующего ВС СССР, веру в командиров и военачальников, отдающих приказы, и, если они стратегически или тактически неверны, непрочитанные, поспешные, просто бездарные, то найти в этом случае доводы, чтобы оправдать это.

Мы стали забывать о том, кто в числе одних из первых, был призван на фронт ещё в июле 1941 года, об отце семейства Домашенко, Петре Леонтьевиче. Будет несправедливым, если мы не «окунёмся» или хотя бы не зайдём и не пройдемся, замочив по шиколотки ноги, в реке его жизненного пути, хоть одним глазком взглядом, как и что изменилось у него с тех пор, как по счастливой случайности, ему судьба преподнесла встречу с батальонным комиссаром 295 стрелковой дивизии, которая сделала резкие изменения в его судьбе, во многих смыслах.

Три года жизни, тем более в условиях войны, оставили у людей, видевших всё то, чего лучше никогда не видеть и прошедших испытания, и не только боевым «крещением» в первом бою, а испытания многих человеческих качеств, кроме верности и преданности присяге, Родине, сохранению в душе человеческих качеств и чувств. Ведь война и связанные с ней испытания многих просто ломала. Кто-то становился предателем, смалодушничав в бою, когда было трудно, если ничего не сказать о адских условиях во время ведения боёв в окружении, в котлах, где плавился металл от беспрерывного фронта огня и шквала обстрелов. Одних это ломало, а других закаляло, что сталь и дух, и тело. В ком-то проявились или открылись доселе неизвестные ему качества, а кто-то потерял веру во всё святое.

Когда речь заходит об интендантской службе, то мы представляем какого-то интенданта 2-го или 1-го ранга, а с 1942 года, ставшими капитаном и майором интендантской службы, то мы представляем их упитанными, если не сказать больше, с ключами от продовольственных и вещевых складов, торгующими продуктами и одеждой налево и направо, если не за деньги, то за ювелирные изделия и то, что ещё было на руках

у гражданского населения. Это в основном в тылу, конечно, и нельзя сказать, что такого не было.

А когда мы говорим о взводе материального снабжения при штабе фронта, то здесь, если и случались такие факты, то в разы на меньшем уровне или вовсе не имели места, так как тут большая вероятность попасть под военный трибунал и поплатиться за то не только должностью. А что касается ремонтных мастерских, так и подавно. Хотя, говорят: «Я человек, и ничто человеческое мне не чуждо». Где быто не было. А, если командование даёт команду, то оно и несёт ответственность за совершенное должностное преступление.

Что-то мы так далеко можем в дебри зайти. Лучше о хорошем. В 1942 году при крупных воинских соединениях, армиях, фронтах, после введения в обязанности интендантских служб, кроме заготовки новых вещей, обеспечение войск обмундированием, обувью и, особенно, теплыми вещами, дополнительно ещё хорошо организованным ремонтом вещевого имущества. Немного статистики. Большая работа за период ВОВ по ремонту обозно-хозяйственного имущества проводили войсковыми частями, например, ремонт повозок и двуколок — 956,5 тыс. штук, армейскими, фронтовыми и окружными мастерскими — 302, 3 тыс., а гражданскими предприятиями всего 31,2 тыс. штук. И ещё один пример. За время войны было отремонтировано предметов обмундирования (в тысячах): шинелей — 17 179, гимнастеров х/б — 32 993, телогреек ватных — 17 372, полушубков — 7 626, обуви кожаной — 61 424. И большую часть ремонта выполнялся силами подразделений, в непосредственной близости с фронтами, что облегчало доставку на ремонт и обратно.

Старший сержант Пётр Леонтьевич Домашенко, за три года работы, так наверное, правильнее назвать интендантскую службу, только укрепил свои професси-

ональные способности и умения организовать производственный процесс в вверенном ему подразделении. Конечно, старшему подразделения позволялось даже больше, чем предусматривалось уставами и должностными обязанностями. А когда дела на фронтах изменились значительно в сторону улучшения, особенно в 1944 году, то сказалось даже и на напряженности труда и количестве срочных заказов.

Чего греха таить, появилась возможность сэкономить казённый материал и... Но, ведь когда начальник просит — это равносильно приказу. И тем более, если вышестоящий начальник выходит через непосредственного подчинённого или непосредственно сразу на исполнителя работы или, точнее сказать услуги, то, как говорят: «Начальство Богом дано, а военное, тем более». Командира «посылать» не только себе дороже, но и грозит серьёзными наказаниями, вплоть до отправки на передовую и это после долгого, уже привычного блаженного и «пригретого» местечка в интендантской службе.

Постепенно мастерство тех, кто занимался мелким и средним ремонтом обмундирования росло, и они могли уже не только ремонтировать, а как Пётр, мог сшить сапоги, так и работающий до войны закройщиком верхней одежды в мастерской г. Мариуполя, Аркадий Шохин. И когда тот же майор интендантской службы Поликарпов, который не любил дополнение после звания майор, хоть и был переведён после ранения на эту должность, но не мог смириться с тем, что ему никогда уже не придётся командовать передовыми подразделениями, узнавал о таких неслучайных людях в подразделениях, то о них становилось известным и высшему командованию.

Иначе говоря, в батальоне, как и во взводе Петра, были люди, выполняющий «спецзаказы». Думается, пришла пора проследить боевой путь, как самого Петра Леонтьевича, так и тех, кто с благодарностью вспоминал

золотые руки, как самого Петра, так тех, кто был под его началом и делал их поступь лёгкой, а ноги без усталости шагали по этому самому боевому пути в обуви, заботливо ремонтируемой указанными мастерами обувного отделения интендантского взвода.

Отступая через города и селения Донбасса, 295-я стрелковая дивизия, сменив за период, со дня создания II формирования дивизии, с октября 1941 года до апреля 1944 года восемь командиров, первый из которых исполнял обязанности всего 10 дней, а второй был тяжело ранен 27 марта 1942 года, вышла из под Ахтырки, где было переформирование, через Белгород, Ворошиловоградскую область к с. Миллерово Куйбышевского района. В декабре 1941 года дивизия принимала участие в Ростовской наступательной операции, от с. Миллерово, через Криничный Луг до с. Куйбышево. Тогда ещё Пётр был бойцом стрелкового подразделения и находился в боевых порядках всего каких-то 35—40 километрах от родного Матвеева Кургана.

Интересно, чувствовали ли его родные, что их муж и отец находился совсем рядом, после пяти месяцев войны, практически вернулся домой, но... Но, к сожалению, видеть реку Миус чуть севернее от Куйбышево Петру пришлось совсем недолго. Миус-фронт стал впервые неприступным рубежом для Красной армии.

Началось мучительное, опустошающее душу отступление. Летнее наступление Германских войск на Кавказ, заставило дивизия Южного фронта отступать на тех местах, о которых в мирное время мечтали многие, это были курорты Кавказа, Железноводск, Пятигорск и всю южнее и южнее, пока «спинами не упёрлись» в хребты Кавказских гор.

В это трагическое для всех время, Пётр уже был переведён на службу в интендантский батальон и тем самым,

его окопная жизнь, в основном стала только в воспоминаниях. Всему, и хорошему, и плохому когда-то приходит конец, как и в этом случае, но конец не трагический, слава Богу, а наоборот.

Вторично «переходить» рубеж Миус-фронта Петру Домашенко пришлось уже не с карабином или винтовкой Мосина, как ранее в 41-м и начале 42-го годов. Теперь его заботой была сохранность оборудования и инструмента, да ещё и материала, который был в работе. Что он чувствовал, вновь проезжая теперь рядом с родным домом? Ёкало ли его сердце мыслями о жене, а главное, о детях, о которых он ничего не знал довольно длительное время — трудно сказать. Почему? Да потому, что тому была причина.

У Петра появилась вновь возможность писать родным письма и знать, как они поживают, да и вообще живы ли все или нет. Когда штаб фронта и его подразделение находилось уже в районе г. Сталино, что в 100 км от родного дома, т.е. он уже удалялся от дома на запад, написал первое коротко письмо домой. Содержание стандартное: «...жив, здоров... чего и вам желаю. Муж и отец...».

Пришла осень 1944 года. Южный фронт соседствовал с 1-м Украинским, в котором служил сын Петра. После долго молчания, отец написал сыну, который не терял надежды, что отец ему ответит, всё посылал и посылал письма, сначала со Сталинграда, а теперь уже с фронта. Мысль признаться сыну во всём пришла не сразу, а после долгих раздумий. А что всё-таки произошло? Сказать, что без малого сорокалетний мужик, не мачо и ни какой-то там высокопоставленный начальник, от которого зависит чья-то судьба, карьера и благополучия — но, он-то

был всего-навсего мастером обувных дел, а проще — сапожник, но смог как-то или чем-то, или под действием женских хитростей или чар, сам не смог устоять.

Возможно, если его спросить об этом, чтобы он откровенно ответил, то ответа могло бы и не последовать. В одном только можно без сомнений быть уверенным — это то, что раз мужик, имеющий троих взрослых детей, ранее никогда не помышлявший, не то, чтобы погуливать от жены где-то налево, а и подумать о том мысль не приходила. А тут вот так, раз и всё! Два израненных сердца к разу, как минимум. Сердце Петра, пронизанное стрелой Купидона-нахальника и сердце человека, беззаветно верившего ему — жены Варвары, и оба сердца положены на жертвенник любви, где на троне восседала жрица Хатхор, которая для первого, разбив его сердце, из-за которой потерял покой, стала богиней; для другой же, чью сердце, в отличии от сердца того, которого она всегда любила, было изранено страданиями, эта жрица была разлучницей, если не применять терминологию сельских женщин.

Их знакомство состоялось в уже далёком начале 1942 года, когда Пётр с боевыми товарищами стали по большому счёту коллегами в трудовом коллективе, где были, кроме Устава внутренней службы и Строевого устава, ещё и должностные по штатному расписанию, не как стрелков, а как мастера по ремонту обуви или одежды, закройщики, швеи и прочие.

Татьяна, незамужняя двадцатидвухлетняя девушка, накануне войны студентка Ростовского медицинского института, должна была переводиться на пятый курс, после прохождения производственной практики в больнице. У неё были далёкие планы: после окончания института, аспирантура, защита кандидатской, добиться результатов в труде, продвинуться по должностной сту-

пени, а потом, как-нибудь и замужество само по себе подойдёт. Но не судьба было сбыться всем этим планам и в той же последовательности.

Институт выпустил специалистов медиков, после сдачи выпускных экзаменов в июне месяце. С началом войны было принято решение о переходе учебного заведения на ускоренное обучение. Увеличилось время аудиторных занятий и сокращены сроки обучения. Студенты-практиканты, закончившие 4-й курс, были отозваны с практики и через два месяца, в августе сдали выпускные экзамены. Вместе с дипломом врача специалиста по клинической направленности, Татьяна, как и другие выпускники, получили мобилизационные листы с направлением на фронт.

Выпускников приветствовали плакатами с напутствием «Наша Родина в опасности, идите, защитите своё Отечество!». И они пошли. Одни в тыловые госпитали, от Ростовского №3220 до лечебных в Ставрополе, Краснодаре, Майкопе и лечебно-восстановительных в бывших санаториях г. Сочи, Железноводска, Пятигорска, Минеральных Вод. Татьяна была направлена в распоряжение Южного фронта.

Этот двойной выпуск медицинского института назвали «Огневой выпуск», из-за того, что большинство из 1386 выпускников, получивших дипломы в июне и в августе, тем более, ушли практиковать не столько с заболеваниями, сколько с ранами и их последствиями. Вот только времени для сбора, хоть и богатого научно-исследовательского для диссертации, к сожалению, не было.

Однажды в помещение, где располагалась мастерская по ремонту обуви, вошла девушка в шинели и шапке со знаками различия медицинской службы в петлицах. Оценив быстрым взглядом обстановку в помещении

и ошарашенных, иначе не скажешь, неожиданным визитом молодой симпатичной персоны в должности медицинского работника, даже никто не догадался подать команду «смирно!», как полагается по уставу. И, если нет дневального у тумбочки, как в помещении для отдыха, казарме, то это должен был сделать командир отделения, на худший случай тот, кто первым заметил присутствие офицера в помещении, для выполнения производственных работ.

У многих красноармейцев просто отвисли челюсти, так как они до этого момента вольно травили байки и без мата, понятное дело не обходилось и тут, на тебе, «приплыли»... Когда Пётр всё же догадался, вскочил и начал сбиваясь докладывать, девушка перебила его, скомандовав:

— Отставить! Вольно! Я — старший военфельдшер медбата дивизии. По приказу начсандива обхожу личный состав, с целью ознакомления с условиями труда, отдыха, питания и состояния постельного и нательного белья на наличие паразитов.

— Так парит у нас один — немчур! — стараясь показаться юморным, с усмешкой и гикая, ответил Ярош Богданович.

Остальные его сослуживцы серьёзно и с осуждением посмотрели на него, и он понял без слов, что шутка была неуместна. Поднялся из-за своего рабочего места Пётр Леонтьевич и предложил даме присесть, хоть дама и в форме, но всё же дама, при любом раскладе, хоть и при офицерской должности.

— Благодарю! — ответила военврач, хоть и в должности военфельдшера, что соответствовало армейскому званию лейтенант.

Она сняла шапку, под которой были аккуратно сложенные в косу и уложенные на затылке светло-каштановые волосы. Её серые глаза излучали тепло и доброжела-

тельность, икрились, как бы улыбаясь, чего нельзя было сказать о пухленьких губках на размянутых, после мороза в помещении, пухленьких щёчках. Хоть и под шинелью, угадывалась её девичья фигура эндоморфного типа и, если бы была немного выше ростом, то можно было назвать — типичная русская девушка или молодая женщина провинциального города.

Хотя война сравняла различия между сельскими женщинами, провинциалками и, скажем москвичками или ленинградками, так как шинели у все одинакового пошива, да и из средств косметики только хозяйственное мыло и свежий воздух, если получается. Она внимательно смотрела на подошедшего для доклада Петра. И когда он докладывал, смотрела ему в зелёные глаза, а он от этого чувствовал себя как-то неуверенно.

— Товарищ военфельдшер, командир отделения, сержант Домашенко. Всё вами перечисленное у нас в норме. Окопных вшей давно вывели. Портянки стираем вовремя и регулярно. А тех, кто этого не делает, мы быстро приучаем.

— Как это, приучаете? Физическими воздействиями?!

— Боже, упаси! Нет, конечно. Мы устраиваем ему медицинские процедуры, — Пётр заметил, как лицо военврача выразило удивление, — мы просто, если его нестиранные портянки становятся для всех угрозой, как и химическое оружие, то, после того, как он засыпает, мы их улаживаем уме вместо марлевой повязки, для его же безопасности. Он так подышит немного и потом охота не мыть ноги, и не стирать портянки пропадает.

— Ну, так это ж... — и не досказав заулыбалась.

— Да и какие могут быть жалобы, товарищ военфельдшер, ведь мы все прошли через окопную жизнь, — и оглядев всех присутствующих, добавил, — ну почти все, кроме красноармейца Барсукова. Он, к его счастью дипломированный обувщик, бурситет закончил до того,

пока его мобилизовали во время Барвенково-Лозовской операции, из станицы Луганской. Вот он, к счастью, с окопной жизнью не знаком, бурсач.

— Хорошо, а жалобы на здоровье есть?

— Если вы нас будете принимать, то завтра мы строем в медсанбат, даже без завтрака, с песнями придём, — опередив Петра, Витя Калюжный, и не увидев недовольства или осуждения в глазах военврача, спросил, — а можно вас не по-уставному спросить, как к вам по-граждански можно обращаться... ну, когда война закончится.

Все опять с осуждением посмотрели на женихавшегося казака Калюжного, а затем с интересом уже на смутившуюся немного девушку, которая сменила, грив на милость и ответила:

— Татьяна Викторовна, — привстала, расправила шинель, одела головной убор, — ладно, раз у вас тут всё в порядке и жалоб нет, то я пойду. Да, товарищ сержант, проводите меня на улицу.

Пётр быстро одел ватник и шапку и поспешил за вышедшим военфельдшером. Все, кто находился в двухкомнатном помещении, прильнули к замёрзшим стёклам окон, пытаясь не упустить ни малейшего жеста и выражений лиц их командира и военврача, так как слышать разговор было невозможно.

Догнав Татьяну Викторовну, Пётр обратился к ней:

— Я вас слушаю, Таг... извините, товарищ военврач.

— Вы не волнуйте, товарищ сержант. Я пока ещё не военврач, хоть и окончила мединститут в Ростове. А вас как зовут по имени отчеству, вы же старше меня и сейчас можно без уставных отношений.

— Пётр Леонтьевич, но это не обязательно.

— Пётр Леонтьевич, у меня к вам просьба, вы больше не устраивайте своим подчинённым экзекуцию с «медицинскими повязками» из портянок. Если у кого случится

механическая или токсическая асфиксия, то вас может ожидать трибунал. Это в качестве совета, а не угрозы.

— Хорошо. Спасибо! Тогда разрешите мне, товарищ военфельдшер, тоже предложение сделать.

— Неужели? Девушка дождалась! Не слушайте, это я про себя. Да, сейчас и меня можно по имени называть, просто Татьяной. Не люблю, почему-то это звание, военфельдшер. Что вы хотели сказать?

— Я, когда вас догонял, Татьяна, то заметил, что из-за изношенных каблуков, у вас портится походка. Уверен, что до этого, она была, что у павы. Извините, разве нет?

— Как вы это определили, Пётр Леонтьевич?

— Давно живу, давно обувью занимаюсь и всегда перед тем, как заглянуть человеку в лицо, замечаю в какой он обуви и какая походка. Бывает, что девушка в красивых и дорогих туфлях на каблуках, а походка такая, как будто она волочит ноги в сандалях на каторгу.

— Серьёзно?

— Поверьте мне, это так. Извините, за пустые разговоры. Раз был познакомиться. Кстати, мы земляки с вами, скорее всего. Я из Матвеева Кургана. А вы?

— Я жила в Аксае. А из Матвеева Кургана у меня подруга была, Вера Страшевская. Какой парадокс, с такой фамилией, но девушка необычной красоты, я ей не чета.

— Ну, что вы? Вы девушка красивая. Поверьте, как человеку, видевшему в жизни много женщин, хоть и любившему одну. У меня старшая дочь чуть моложе от вас будет. Моей Лиде уже 18 лет, а вам, лет 20, наверное? Ой, простите!

— Ничего. Я уже старая... старая дева, мне 23 года.

— Простите ещё раз, я не хотел вас обидеть.

— Всё нормально. А сапоги я вам принесу. Вы правы, мне в них неудобно стало ходить. А к вечеру ноги ломит. До свидания!

— До свидания! — Пётр долго смотрел, как девушка шла медленно оттого, что старалась идти красивой походкой.

Пётр заулыбался, покачал головой и пошёл в расположение своего подразделения, обратив внимание, как подтаяли, пока он разговаривал все стёкла на окнах, к которым, буквально прилипли его подчинённые. «Ну, до чего же любознательные, словно бабы», — подумал, грозя в сторону окон своим, крепко сжатым кулаком. Моментально оконные проёмы освободились, для прохода в помещение дневного, хоть и не очень щедрого, света зимнего утра.

Через день, с утра, работа в интендантском подразделении ремонта обуви и обмундирования только набирала обороты, но помещение уже изрядно было задымлено табачным дымом махорки, с уловимым только некурящими, специфическим запахом сгоревшей бумаги с типографской, свинцовой краской. А чистой бумаги и для письма невозможно достать, не то, что для самокруток.

Открылась входная дверь и моментально повеяло утренним морозным воздухом, который моментально устремился, прижатый теплым задымлённым воздухом к полу и затем, «расправив свои плечи», сначала приподнял спёртый от сигаретного дыма, вперемешку с «зависшими» в нём матерными словами, разбитый здоровым потоком на узкие, «озлобленные» змейки дыма, нехотя, извиваясь, попятились к двери, обогнув улыбающееся лицо вошедшей, и после этого, постучавшей по открытой двери девушки.

— Отогреться в вашей хате можно? — также с улыбкой и в поиске старшего, произнесла Татьяна Викторовна, военфельдшер медбатальона, — заметив засуетившихся в попытке приветствовать по уставу красноармейцев, поспешила успокоить, — не стоит, товарищи, не отвлекай-

тесь, работайте. Я к вашему командиру, Петру Леонтьевичу.

После обращения к сержанту по имени отчеству, как часто обращались здесь сами красноармейцы интендантского отделения материального обеспечения, все по-доброму заулыбались, предвидя что-то неординарное. И не ошиблись. Пётр Леонтьевич, двигаясь навстречу, немного смущаясь такому вниманию, поприветствовал гостью:

— Здравия желаю, Татьяна Викторовна! Вы верно поступили, что прислушались к моему совету. Мы сделаем ваши сапожки такими удобными, что бальные туфельки Золушки позавидуют вам.

— Ну, для бала — это лишнее, а, чтоб стали удобные — это замечательно, от этого не откажусь.

— Мужики, сделайте перекур на улице, подышите свежим воздухом и откройте форточки, проветрите помещение минут на пять. Тем более, что Татьяна Викторовна не курит, так ведь?

— Да, конечно, не курю. Я выросла без отца и у нас в семье некому было курить. А здесь уже, сами понимаете, приходится смириться.

— Не стоит смиряться. А вы ещё здесь? — заметив, что те, которых Пётр попросил в хорошем смысле сделать перерыв, не спешили выйти за дверь, но после окрика, стали сбивать друг друга в проёме двери, — так-то! — удовлетворённый результатом, с улыбкой поставил в решении вопроса точку.

— Вы такой строгий командир, Пётр Леонтьевич! Видимо и детей также в строгости держали?

— Лучше бы у них спросить, но не думаю, чтобы так.

— А сколько их у вас? — интересовалась Татьяна.

— Трое, Татьяна Викторовна. Кроме старшей дочери Лидии, сын Василий, ему шестнадцатый год идёт и меньшенькая Машенька, той только четырнадцать.

— Дети все взрослые. А я вот и не знаю, выйду ли когда-нибудь замуж и будут ли у меня дети.

— Отчего так грустно? У такой красивой девушки таких вопросов не должно появляться. Уверен, что вниманием вы здесь не обделены.

— Да, это так, но вы же больше прожили и знаете, чего они добиваются, эти военврачи разных рангов, да и полевые командиры тоже. Но сущность их внимания у них же на лбу написана.

Пётр опустил голову, как будто Татьяна эти слова посылала в его адрес. Заметив это, она спохватилась и перевела разговор в другое русло.

— Простите, пожалуйста! Ну, что мне делать? Я же по поводу сапог пришла.

Эти слова сразу взбудрили Петра, и он предложил Татьяне сесть, пододвинув табурет:

— Прошу Вас!

— Пётр Леонтьевич, меня «Вас» старит. Можно, просто Татьяна, мне так приятнее, ощущаю тогда себя студенткой мединститута.

— Хорошо, Татьяна. Позвольте ножку, — девушка замялась, но Пётр настаивал, — давайте, я сразу проверю, как сапоги по ноге лежат, где и что не так.

Татьяна, улыбаясь протянула правую ногу, плотно облегающую хромовым голенищем. Пётр прошёлся по сапогу от самого верха до каблука и затем до носка, прощупывая пальцами, как обычно делают массажисты. И эти движения, видимо, вызвали щекотливые ощущения, что можно было заметить по легким вздрагиваниям ноги, при прикосновениях. Конечно, такого с ней никто и никогда не делал, и ей бесспорно были очень приятны прикосновения мужских, сильных и одновременно нежных рук, хоть и через качественную кожу сапог.

— Держитесь за табурет, — попросил, с легким тоном приказного голоса Пётр, — я сниму.

Татьяна подчинилась, внимательно наблюдая сверху вниз за «колдующим» над его ногой и обувью мужчиной. Пётр снял осторожно и плавно, без рывков сапог, взял в руки и присев на стоящий напротив Татьяны табурет, начал осматривать весь сапог, начав с каблука.

— Понятно, — проговорив тихо, видимо сам для себя, поднял глаза на Татьяну и их взгляды встретились.

Татьяна молчала, улыбалась и пристально смотрела на Петра. Трудно сказать, что было в голове девушки, но было видно, как её серые глаза излучали свет неистраченной, огромной душевной энергетики, чистоты и тепло сердечного «котла», в системе которого не было предохранительного клапана, что могло стать причиной в один момент взорваться и разнести в дребезги любую, самую надёжную и непреступную защиту мужской неприкосновенности. Она молчала, и он молчал. А их глаза говорили и говорили, эмоционально, на своём, им понятном языке. Они смотрели долго, не мигая до тех пор, пока Татьяна не ощутила, что из её глаз, собравшись в глазницах, вот-вот хлынет поток девичьих слёз, а в них всё: и обида за безотцовщину, и за неосуществимость девичьих планов, и за то, что она видела, обучаясь в институте, счастливые лица влюблённых подруг, а её никто не был нужен, она не могла испытать ничего подобного и ей даже говорили парни: «У тебя в груди камень вместо сердца...».

Он поняла, с ней что-то происходит, то, чего она никогда не испытывала и даже боялась. Она не верила сама себе и впервые за долгое время позволила себе расслабиться, вернее, её помог это сделать Пётр, этот ещё молодой, но и имеющий взрослых детей мужчина, он растопил своими нежными прикосновениями, казалось бы, не к самым чувствительным на женском теле местам, тем более, что это делал через обувь и чулки, и растопил лёд на сердце, талый поток которого хлынул, переполнив глазницы потоком слёз.

Татьяна резко отвернулась от Петра, вытирая слёзы руками. Пётр бросился к ней, стал перед опущенной головой девушки на колени, пытаясь заглянуть ей в лицо и испугано, повторяя:

— Татьяна-Татьяна! Таня, что случилось? Я вас, я тебя обидел? Чем? Прости!

Наступила тишина, потом Татьяна приподняла голову с сияющим лицом и влажными от слез глазами, которые продолжали искриться и через линзы слезинок рассыпали радужный спектр радости и больше, чем просто радости.

— Пётр Леонтьевич, Петя! Я не могу поверить, я не знала, что так может быть. Вы... ты на столько старше от меня, отец троих взрослых детей, и я это осознаю, но ничего с собой сделать не могу. Я боюсь себя. Я, кажется, влю... я вас... я тебя...

— Тише-тише! Татьяна, успокойся, — прижав её голову к своей груди и ощущая, как девушка вздрагивала, дав эмоциям слабину и на время став не военфельдшером, а простой девушкой, с горячим сердцем, чувственной, трепетной душой, переполненной чувствами и морем невыплаканных слёз.

Пётр долго держал так Татьяну, пока всхлипывания не прекратились. Потом, аккуратно и медленно отпустив девушку, подошёл к рукомойнику, снял полотенце, намочил его край и протянул своей гостье. Татьяна вытерла лицо и, заулыбавшись виновато и грустно, медленно поднявшись, посмотрела на Петра таким же опустошённым взглядом, как смотрит ваше отражение из прохудившегося ведра, у которого осталось на дне лишь йота от полного некогда воды, но достаточного, для отражения в нём, как в зеркале вашего недоумевающего от происходящего лица.

— Я пойду. Простите!

— А, как же сапоги?

— Ах, да! Я передам посыльным. Хорошо?
— Хорошо! Но... вы меня так больше не пугайте.
— Я такая страшная?!
— Ну зачем вы так? Я имел ввиду другое.
— Хорошо, я поняла о чём речь. Простите, не сдержалась. Нужно время, чтобы во всём этом разобраться. Так же? Скажите, как человек с большим жизненным опытом.

— Да, конечно, горячность тут плохой советчик. Будем живы, все установится на мета своя.

Обув сапог, Татьяна, притопнула каблуком, как это делают в танце, даже сделала простенько «па», повернулась к Петру уже с совершенно иным выражением лица и запела частушку:

Петя-Петя ясноглазый,
Послал Бог тебе заразу.
Та зараза пред тобой,
Мой милёнок дорогой...

Дверь за Татьяной медленно закрылась, а Пётр неподвижно стоял среди опустевшей комнаты и наблюдал, как она медленно шла по расчищенной от снега дорожке, а стоявшие, как в почётном карауле его сослуживцы, провожали девушку любопытными, даже голодными глазами, «съедающими» взглядами. Мужики, они остаются мужиками, и в 20 и 80 лет, и в гражданской жизни, и на войне. Это зов природы, реакция на красивое, как быка на красную ткань тореадора во время корриды.

XV

— Вася, можно я буду тебе писать? Ты же в свою часть вернешься, да? — заглядывая Васе в глаза и явно волнуясь, спросила Вера, медсестра, с интересной и незабываемой фамилией Черёмуха.

Бойцы, находящиеся на излечении или, как минимум в послеоперационный период, пока их не увозили для долечивания в тыловые госпитали, узнав о её фамилии, начинали шутить и вспоминать песни о черёмухе, одна из таких звучала в палатах чаще всех. Это была, как чаще называли такие песни, народная, написанная на стихи Бориса Тимофеева «Под окном черемуха колыхнется».

Она начиналась с таких вот слов в куплете:

«Под окном черемуха колыхнется,
Осыпая лепестки свои...
За рекой знакомый голос слышится,
Да поют всю ночь соловьи...».

В ней говорилось о несчастной любви девушки, но она была очень чувственная, трогала сердце и душу, и не оставляла никого равнодушным. Мы не знаем, к скольким, из посетителей медсанбата, пригорало девичье сердечко девушки, скорее всего, что Вася был далеко не первый, но девушке так хотелось красивых историй любви, и не на страницах романов, а, чтобы они происходили с ней, пусть и в скудных коротких письмах с фронта.

Дальше в песне были такие слова:

«...Ох, зачем тобою сердце вынуто?
Для кого теперь твой блещет взгляд?
Мне не жаль, что я тобой покинута,
Жаль, что люди много говорят...».

Ну, а заканчивалась так, как и большинство знакомств, которые Вера всячески хотела развивать, превратив её своей постоянной подпиткой в любовный роман. Бедная, наивная девушка, которая-то и хотела всего немного, простой человеческой любви. А её попытки заканчивались также, как и песня:

«...Под окном черемуха колышется,
Ветер рвет с черемухи листы...
За рекой уж голоса не слышится,
Не поют там больше соловьи».

— Пиши, если хочешь. Надеюсь, что у меня будет время, чтобы ответить, — не убивая в девушке надежду, ответил Василий, поправляя вещмешок на плече, — прощай, сестричка!

— Не-не, не так. Не прощай — до встречи! До свидания, Вася! — Вера сделала быстрый рывок и мгновенно обняв, и слегка прижав к себе Васю, чмокнула его побратски в щеку, — Вася, я напишу. Ты, хоть изредка отвечай мне.

Вася распрощался с теми, с кем делил хоромы в течение двух недель и шагнул через небольшой, постоянно забитый машинами дворик туда, где находилась его часть, его товарищи и он надеялся, что все они живы. Нина Карповна успела проводить бойца, осенив его крестным знаменем в спину.

Добираться долго не пришлось, используя попутный транспорт, который в прифронтовой зоне сновал, что муравьи в муравейнике и часа через три его встречало родное подразделение.

И, казалось ничего не изменилось, в плане дислокации дивизиона, да и его батальона связи и взвода связи, с той только разницей, что за такое короткое время мно-

гих, кого он знал близко и даже делил солдатский котелок, уже нет в живых или получили такие ранения, после которых их ждало комиссование по ранениям.

В дивизион, во всех его подразделения производилось срочное пополнение личного состава. В тех кровопролитных, ожесточённых боях, в первый день которых Василий и был ранен, все роты и взводы, особенно миномётные и огневые, на которые, в результате авиаразведки противника, были самые массивные обстрелы, были и самые большие невосполнимые потери. Сильнее всех пострадали также вторая и третья стрелковые роты 2-го батальона майора Трушникова. Командир третьей роты капитан Богданович, в результате попадания артиллерийского снаряда в блиндаж, был контужен. Принявший временно командование, его замполит, лейтенант Щербак, приняв решение оказать помощь огневому взводу, где с фланга на их позиции заходили, прорвавшие первую линию обороны, немецкие танки, погиб в попытке остановить рычащего зверя в броне связкой гранат.

Около половины младших офицеров выбыли из строя или безвозвратно, или с ранениями. Большие потери были даже в санитарном взводе и у связистов, у которых в эти три дня не было даже полчаса передышка. Погиб при выполнении задания Гриша Симаков, а командир отделения Богатиков, сменивший ефрейтора, не успевшего исправить повреждение на линии, восстановил связь, но был ранен, хоть и легко в руку, остался в строю, но потерял возможность выполнять самостоятельно работу связиста на линии, но до конца руководил работой оставшихся в строю подчинённых бойцов.

Пополненная за счёт резервных формирований 197 стрелковая дивизия, смогла вновь выбить войска вермахта с западного берега Вислы, образовав плацдарм

на глубину до 50-ти и расширив его по фронту до 80-ти километров. Противостояние на Висле продолжилось практически до нового года.

В январе месяце 1945 года 197 стрелковая дивизия, в составе пополненных из резервов фронта 828-й, 862-й и 889-й стрелковых полков, приняла участие в Висло-Одерской операции. 828 стрелковый полк одерживает победу над немецкими подразделениями, обороняющими населённый пункт Кребер, выйдя к Когажице в конце января. В это время 862 стрелковый полк выбивает фашистов из лесного массива в районе Ленч, юго-восточнее городка Лисса. На линии Ленч — Дамбич и южнее действовал 889 полк.

В феврале, обойдя г. Фрауштадт с юга, дивизия ведёт бои за этот крупный населённый пункт. За две недели февраля дивизия занимает более двадцати населённых пунктов. Но сказать, что это было совсем легко нельзя, так как везде встречалось ожесточённое сопротивление германских войск. Фрауштадт известен был ещё и тем, что ровно 239 лет назад, 13 февраля здесь Саксонско — русская армия потерпела поражение от шведов. Теперь русской армии предстояло одержать победу на польской земле и не над шведами, а над германскими войсками и теми, кто воевал на их стороне.

889 стрелковый полк, заняв город Нидер, продвинулся вперёд и вёл бои на западной опушке леса восточнее Кутлау и Мотвиц. 11 февраля дивизия выходит к реке Одер, а 14 февраля дивизия переправляется на её южный берег. На подступах к г. Губин, к которому с востока 18 февраля подошёл 889 стрелковый полк, у перекрёстка дорог в 4 километрах от города он был встречен артиллерийским и пулемётным огнём.

21 февраля подразделения 197 стрелковой дивизии, сламливая ожесточённое сопротивление противника, ведут наступательные бои в провинции Бранденбург, продвигались метр за метром вперёд. Советские пехотинцы 889 стрелкового полка, при поддержке танкового батальона преодолели большой лесной массив и вели ожесточённые бои на подступах к городу Губен. В это же время, южнее города Губен наши войска, с боями продвигаясь вперёд, на широком фронте вышли к реке Нейсе или Ниса, что на русском языке привычнее звучит.

И только 22 февраля удалось пробиться и укрепиться на восточной окраине города Губен. Ожесточённые бои были в районе городского кладбища. Казалось, что и покойники будут разбужены такими артобстрелами, когда грешная земля лопалась, казалось, до земного царства мёртвых и при разрывах гаубиц к привычным уже для бойцов звукам, добавлялись, как могло показаться и стоны тех, чей покой был нарушен.

Этот древний польский город, основанный в XIII веке, в течение всей своей истории, неоднократно переходил от одного правителя к другому, в XVII веке вошёл со всей Лужицей в Саксонию, а в начале XIX века стал частью Пруссии. Город с юга на север разделяла река Лужицкая Ниса.

За этот важный в стратегическом плане город и завязались уличные бои. Каждое здание древнего города превратилось в неприступные крепости. Взятие такого крупного, хорошо укреплённого города, как естественными, так и искусственными сооружениями не длительной осадой, а штурмом по приказу командования, предполагало изначально большие потери. И они были большими, неизмеримо большими по сравнению с безвозвратными потерями обороняющихся.

Бои в черте города чреватые были тем, что кроме того, что немцы, построившие оборонительные сооружения

и хорошо изучили не только пути подхода и отхода, а потайные уголки, подвальные помещения и коммуникационные сооружения, которые использовали, как для «залегания на дно», так и для внезапных вылазок, появляясь даже в тех районах, которые уже несколько дней были заняты советскими войсками и «удар в спину» здесь никто не ожидал.

Василий находился в расположении второго батальоне майора Трушников, к которому было приписано его отделение связи ещё полгода назад, во время боевых действий на Сандомирском плацдарме. Дислокация наблюдательного пункта изменялась с завидным постоянством, что заставляло связистов трудиться. Маскировать линейную телефонную связь в городских условиях было очень затруднительно. Диверсию могли устроить даже местные жители, улыбающиеся при встрече и выходящие, если позволяла обстановка в районе проживания, с садовыми ножницами или ещё лучше, если с кусачками для сахара, что в случае форсмажора не вызывало подозрения.

Передовые подразделения, разведка, координаторы артиллерийского огня, стрелковые подразделения, взводы автоматчиков, «зацепившиеся» за какой-либо важный, главенствующий над рядом расположенными объектами высотой, выгодным расположением, обзором или просто прочностью каменных стен метровой толщины, с удобными окнами, подходящими в качестве бойниц или для расположения пулемётных точек, требовали бесперебойной оперативной связи с наблюдательным пунктом батальона. Наблюдательный пункт и штаб батальона в свою очередь должны быть на связи, как со своими подразделениями: стрелковыми ротами, пулемётной

и миномётной ротой, «огневым» взводом, сан взводом и взводом связи и с командованием полка.

И, если связь от командных структур полка обычно осуществляли силами батальона связи, то задача обеспечения бесперебойной связи с низшими структурами внутри батальона возлагалась на взвод связи, под началом молодого лейтенанта Савченко. Заместителем комвзвода, после возвращения из медсанбата был назначен Богатиков. Командиром отделения телефонно-кабельной группы, в которой служил Василий и состав сменился наполовину, из-за восполнимых и невосполнимых потерь, уже в течение четырёх месяцев был сержант Калмыков Пётр, молчаливый, знающий своё дело, но старающийся не выделяться ничем, как говорят «быть в тени» у начальства.

Чаще всего Василий выполнял задания, которые не требовали участия всей группы, совместно с давним своим товарищем Сашей Климовичем и новеньким, но быстро «притёршийся» в тройку звена связистов, Аркадием Балашовым, 19-летним парнем из Днепропетровска. В таком составе им часто приходилось исправлять повреждения на линии. В таком составе старшим звена Калмыков назначал Василия, отличающегося среди других, кроме полугодичного опыта, ещё не менее важным свойством — умением быстро разбираться в сложившейся обстановке и принимать быстрые и единственно верные, часто неординарные решения.

— Саша, — комбат Трушников, после нескольких попыток связаться с ротами, для получения свежих данных о положении дел у передовых подразделений, ведущих тяжёлые уличные бои практически целую неделю уже в восточной части города Губен, — вызывай срочно Савченко ко мне. Если не по этому грнайди этоому комму-

татору, то посыльным. Когда уже, наконец-то, у нас связь будет, как у людей?

— После войны, товарищ майор, — с незамаскированной иронией ответил ординарец Саша Чаплыгин, которого практически все привыкли называть Сашей, как в ресторане официанта — «уважаемый» или ещё раньше — «человек».

Но Сашу все уважали и ценили, если бы он не справлялся со своими обязанностями, то требовательный комбат Трушников давно бы ему нашёл замену. Поняв, что его шутка в данном случае была или вовсе неуместна, или неуместна только частично, Саша, резко сменив выражение лица, как будто актёр, припасший где-то в потаённом месте маску серьёзного лица, громко, для убедительности ответил:

— Виноват, товарищ командир! Сию секунду уже посыльной побежал, — и громко крикнув через неплотно закрытую дверь уютной комнаты, служившей бывшим хозяевам этого двухэтажного кирпичного особняка, построенного в западном средневековом стиле, или спальни, или детской комнатой, размерами 3х4 метра на втором этаже, с хорошим видом на город, если не брать во внимание то, что окна более, чем наполовину были заложены мешками с песком, — посыльный, пулей сюда!

Через минуту посыльный уже стучал подкованными каблуками сапог по лестнице вниз, а через минут пять-шесть, лейтенант Савченко получал нагоняй от комбата за неисправную связь.

— Товарищ майор, ну не я же её сначала чиню, а потом снова порчу устраиваю? Это в полевых условиях, когда провод найти, что иголку в стоге сена, а тут... уже сколько времени, как вша на лысине... Простите, к слову пришлось! — лейтенант сделал виноватое лицо.

— Пошли лучших связистов. Надеюсь, у тебя есть такие, которые смогут и на улицах провод надёжно уло-

жить, чтоб тебе ни гусеницами танка, ни тебе разрывами не повредило, — повернувшись в сторону командира взвода связи и видя, как тот часто кивает, соглашаясь, головой, добавил, — я-то думал, что тебя уже тут нет. С Богом, лейтенант!

— Есть! — лейтенант, козырнув, быстро удалился.

Взвод связи располагался не далее, чем в 100 метрах от командного пункта батальона. Бойцы, пока выпала свободная минута, занимались своими личными делами, от починки обмундирования до написания писем родным и просто чуткому, кратковременному сну, прислонивших к холодным стенам неотопливаемых помещений домов, хозяева которых предрассудительно покинули их в преддверии неминуемого ожесточённого сражения за крупный город, имеющий большое стратегическое и тактическое значение в наступательных планах советского командования и планах обороны войск вермахта.

— Сержант, — обращаясь к Калмыкову, лейтенант как-то по-братски положил ему руку на плечо и легонько потряхивая за плечо, продолжил, — Петя, тут такое дело, нужно послать на устранение порывов самых опытных и, главное, смекалистых бойцов.

— Обижаете, товарищ лейтенант, мои бойцы прошли и огонь, и воду. Вы же не зря именно ко мне обращаетесь, а не к другим?! Ну, а если самых сообразительных, то лучше Васи Домашенко у меня нет. Вот, думаю, что и бойцы из его звена, они уже сплочённые, пойдут. Сколько нужно групп посылать?

— Одну, но лучшую.

— Всё ясно. Будет сделано, товарищ лейтенант! Разрешите идти!

— Ступай, Петя! Я надеюсь...

Вася заканчивал писать письмо отцу. После долгих раздумий, он всё же решился написать, хоть отец всячески отклонял даже самую мысль общения, даже по переписке. Это чувство непонимания отца, постоянно не давало покоя его кровному сыну. Для Васи отец был первым после Бога, если сказать на чуть возвышенных тонах, он был ему во всём примером, опорой семьи, кормильцем и защитником. А теперь, как получалось, все эти обязанности он просто перебросил на ещё не окрепшие молодые плечи сына.

«Батя-батя! За что? Почему так? Чем та баба, хоть я её не знаю, пусть эта женщина и расписная красавица, чем она лучше нашей мамки, скажи? Ты же прожил с ней без малого два десятка лет, больше, чем я живу на свете. Что я и мои сёстры расскажем своим детям, твоим будущим внукам? Что ваш дед — герой, не герой войны, хоть и трусом я тебя назвать не могу, тебе досталось тоже, дай Бог каждому, вернее — не дай Бог никому, ваш дед — герой-бабник?! Батя-батя! Мне стыдно будет смотреть мамке в глаза, хотя в чём моя вина, я не знаю. Как мне хочется просто посмотреть тебе в глаза, батя, и, если ты не выдержишь моего взгляда, значит ты бесчестный человек, ты мог поступить иначе, но не смог, не захотел, тебя так лучше, и ты думал о себе, только о себе, а не о нас, жене и детях. Я бы ничего тебе не говорил, а просто посмотрел бы тебе в глаза, и чтобы мой взгляд всегда напоминал тебе о нас, тех, кого ты предательски бросил, и бросил не в лучшее время, а в лихолетье. Ты счастлив, тебе хорошо, ты сидишь в тепле, делаешь свою работу, делаешь её, как всегда, хорошо, но у тебя нет угрызения совести, не мучают мысли о долге, обязанностях. Даже, когда я просил у тебя самого простого, что для тебя не представляло труда, я просил тебя выслать немного бумаги, чтобы я мог писать маме письма, а ты даже не отвечал. Я уверен, что

там, где ты служишь, при штабе, уж чего, но бумагу найти можно. Батя-батя! Что у тебя взяло верх, то, что ты герой-фронтовик или то, что ты герой-бабник? Разве мать заслужила это? Разве она была в чём-то плоха? Она тебе родила троих детей полностью отдавала себя тебе и нам, детям, старалась всем делать добро и была примерной матерью, за жену судить не имею права. Но ты же тоже никогда её и ни в чём не упрекал, так?! Значит и тебя устраивала. Батя-батя! Ты мне душу рвёшь. Как так можно? Как так...», — всё это Васе хотелось написать отцу, высказаться один раз, первый и, возможно, единственный.

Но он этого не сделал по двум причинам и первая банальная — бумага была в дефиците, а на клочке всего не напишешь. И второе, он после того, как мысли с эмоциями брали верх над здоровым разумом, как при проверке школьного домашнего задания, делал поправки. Порой они были очень значительные, как и сейчас. Но всё же короткое письмо Вася отцу написал, изложив свои мысли, после ретуши и правки.

«Здравствуйте, отец! Вы меня просили, чтобы мы Вас не тревожили. И я исполню эту просьбу, но прежде позвольте мне сказать.

Я, как сын, надеюсь, что Вы от детей не отказываетесь совсем, не в праве осуждать того, кто дал мне жизнь или был к тому причастен. Но в моём сердце нет покоя, как и нет того, любимого мной человека, которого я могу назвать, как раньше, папа. Я всегда хотел подражать своему отцу, который был для меня примером во всём, которым я гордился.

У меня есть отец, давший жизнь мне и моим сёстрам, но нет того, кому я смогу уже по-мужски пожать руку, кого я могу обнять, кому я могу от души сказать: «Здравствуй, папа!».

Бог Вам судья, батя! Хотел много сказать, но...

Прости, батя! Твой сын, Василий Петрович Домашенко.

28.02.45 г.».

Группа связистов во главе со старшим группы рядовым Домашенко, с переброшенным ремнём через грудь, расположенным на правом боку военно-полевого телефонного аппарата ТАИ-43 в деревянном ящике, с пистолетом-пулемётом ППШ на ремне, переброшенном через правое плечо. Следом за ним следовал Саша Климович с катушкой телефонного провода за спиной, карабином и длинным шестом в левой руке. Замыкал группу Аркадий Балашов, также с карабином и шестом.

Шесты, по предложению Василия были усовершенствованы тем, что были предназначены не для установки вешек, предназначенных для навешивания проводов над землей. Это обычно выполняют специальные подразделения, в задачу которых вводилось сооружение кабельно-шестовых линий. И это хорошо работало, но в полевых условиях и там, где необходимо было преодолевать водные препятствия, так как большинство имеющихся в наличие проводов, не имели необходимой изоляции и длительное время не могли работать, при нахождении в воде.

В городских условиях установка шестов затруднена тем, что большие площади территории были покрыты твёрдым покрытием и других, что затрудняло работу связистов и требовало привлечения большего количества связистов. В условиях уличных боёв, когда большая часть участков обстреливается, это бы привлекло внимание немцев и, с большой вероятностью, их труд стал бы «мартышкиным», в случае их обнаружения.

План, который предложил Василий был одновременно и просто и в тоже время усложнял работу звена, состоящего всего из трёх человек. Они, идя по проложенной линии, не просто искали повреждение, а пере-

брасывали её таким образом, что большая часть линий проводов размещалась и крепилась, с помощью заготовленных заранее крючков, имеющих слегка изменённую конструкцию. Если обычный крючок, предназначенный для подвешивания или поднятия над землёй, скажем, бельевого провода, выполняется формой прописной буквы «g», то Вася предложил ещё к нижнему изгибу добавить перегиб в обратном направлении, строго вниз. И вот эту «загогулину» устанавливали в прикрученной сверху шеста трубке. Боец, подвешивающий провод, установив крюк в приспособление, подводил его под провод, поднимал шест с проводом и подвешивал или на высоко расположенную ветку дерева, или на высокую ограду, телефонный столб и другие городские конструкции.

Подвешенный таким способом телефонный провод практически ничем не отличался от множества проводов телефонной связи и электрических проводов оборванных, которые в большинстве случаев были обесточены порывами, и тем самым провода, проложенные бойцами, имели естественную ландшафтную маскировку и не бросались в глаза на фоне строений и коммуникаций. Эта задумка пришла Василию в голову с тех пор, как начались ожесточённые бои в черте города, что приводило к ещё большему количеству повреждений, чем в военнопольных условиях на природном ландшафте, где всегда можно найти подручный способ маскировки проводов связи и по максимуму уменьшить вероятность обрыва гусеницами бронетехники.

Порой бойцы, в зависимости от расстояния прокладки линии связи поступали ещё и так. Один боец с напарником прокладывал совершенно новую линию, совместно с помощником, работающим с вешкой и крючками, как выше было описано, а третий, параллельно с ними, сматывал на пустую катушку повреждённый провод и,

при необходимости, устраняя его порывы. И когда существовала необходимость в дополнительном проводе, давал катушке «задний ход».

Работали связисты, молча и, только при необходимости, обменивались короткими репликами и командами. И на этот раз бойцы споро, по отлаженной технологии прокладывали надёжную проводную связь. Мороз на вечер крепчал, щипал за щеки и остужал руки, делая непослушными пальцы, когда приходилось выполнять тонкую работу без рукавиц.

Всё отчётливее слышались звуки перестрелки и, с наступлением вечерних сумерек, виднее были места вспышек и редкие очереди трассирующих пуль с немецких позиций. Периодически, на передовых позициях, где располагались стрелковые взводы батальона, ухали разрывы мин. Враг не давал красноармейцам расслабиться, а они отвечали им взаимность.

— Лучше бы было нам на полчаса позже выйти, тогда гансы трапезничать начинают. И мы за те полчаса могли бы спокойно пробросить связь до позиции, — бухтел Санёк Климович, — так же, Васёк?

— Да так-то оно так, но кто знает, что за эти полчаса может случиться. Это ты, когда девушке свидание на закате назначишь, а сам будешь выжидать из-за засады, чтобы тебя никто не «спалил», что ты с ней встречаешься, выйдешь на полчаса позже. Думаешь, что девка-дура, будет тебя ждать?

— Ну, при чём тут это. Ты тоже сравнил. Я же о другом тебе...

— Вот! Так и есть, диверсанты. Ёлки-палки, колкие иголки, — сняв зубами правую рукавицу, Аркаша, достал из подсумка инструмент, начал восстанавливать цепь соединением проводов, затем дернул провод, уходящий вперёд и тот, легко подался и вскоре он держал в руке ещё один конец обрыва, — Вася, обрублены топором,

скорее всего и концы снегом прикрыты. Вот суки! Я бы их...

— Ага, ты его поймал на месте преступления, а он тебе на своем «гортанном» скажет: «Ни слухом, ни духом не знал. Я лёд ледорубом рубил, чтобы руссиш-зольдат не упал...», — улыбнулся в ответ Саша, — ты живее, не отставай, чтобы тебя не «укоротили» ледорубом.

Исполнив добросовестно и качество задание, Вася с бойцами возвращался в своё подразделение, предварительно связавшись с наблюдательным пунктом батальона, где, с того конца провода, Саша, ординарец комбата ответил, что никаких распоряжений по поводу вашей группы не поступало, возвращайтесь в расположение взвода. Бойцы были в настроении, и оно подкреплялось ещё и тем, что к этому времени стрекотня стрелковой перестрелки попритихла, миномётные обстрелы, выполненные немцами «на закуску» после их ужина, нет, лучше сказать «поданную на ужин» или «zum Abendessen serviert» уже затихли. Возможно, плотный ужин и мороз делали своё дело, закрывая глаза, в желании предаться дремоте. Как бы то ни было, но наступила тишина до звона в ушах, что могло радовать и одновременно настораживать.

Кому часто приходилось возвращаться домой, пусть и не в прямом смысле, а к месту пребывания, где, как минимум, ждал долгожданный отдых и тот же котелок, с уже остывшей кашей. Снег начинал скрипеть под усиливавшимся морозом, который в дневные часы сдавал позиции. Приход весны хоть и не имел явных проявлений, но даже та же дата говорила о многом, 28 февраля — последний зимний день четвёртой военной зимы.

И само осознание, что завтра уже 1 марта, а значит начинается календарная весна. И бойцы надеялись, что именно в этот день они ступят на землю противника. А эта граница была одновременно и линией фронта на многих участках противостояния. От бойцов передового подразделения, второго стрелкового взвода, связисты также сегодня слышало нетерпение по поводу быстрейшего перевода линии фронта на территорию Германии. Кто-то мечтал, если повезёт, то сфотографироваться, если не у пограничного столба, то у какого-либо дорожного знака, с указанием на Берлин. Наверное, если родные получат такое фото, то и комментарий к нему не нужно. Это могло в разы поднять и так находящийся на должном уровне боевой дух бойцов.

XVI

— Не шумите! Забыли, что мы не на базаре и не за семечками ходили. Вспомните, как нас на Львовщине встречали. Думаете, что поляки нам хлебом с солью встретят, если постучаться к тем, кто отсиживается в просторных винных подвалах старинных замков или вот, хотя бы к хозяевам этого особняка? Правда ему хорошо досталось от обстрелов. И, если никто там не живёт, а призраки могут нам «сюрприз» устроить, — Вася, своим рассказом был больше похож сейчас на нравоучительную бабушку, укладывающую несговорчивых внуков спать, и припугивающей, на всякий случай их, дабы, чтобы поскорее зарывались от страха под одеяла.

— Вася, не чуди! Много ты видел тут этих самых «го степрийных» панов поляков? — противоречил ему Аркадий.

— А кто мне не так давно говорил, что провода, словно топором перебиты? Не ты ли?

— Ну, было дело. И-то, я же не уверен, но похоже. А, может быть, и тем же ледорубом.

— Ну, да! Ты много «пшек» видел, чистящих под обстрелом снег с тротуаров или своих дворов или рубящих лёд, чтобы мы, упаси Бог, не поскользнулись, а? — Вася остановился и пристально смотрел в глаза Аркадия.

Но этот взгляд, скорее всего, можно было только ощущать на себе, а видеть можно было только силуэты и то, если предметы тёмные, а у более светлых уже начинали линии абриса расплываться, становились нечёткими. И в этот момент, когда все остановились, молча смотря друг на друга, из соседнего дома донеслись звуки, заставившие всех напрячься.

— Ну вот тебе и доказательства, — тихо сказал Василий, направляя ствол ППШ в сторону дома, что указку строгая учительница.

— Может быть, это голодные собаки рыскают в поиске пищи. Днём, пока обстреливали, отлёживались в укрытиях, но «голод — не тётка», вот и потянулись на поиски пропитания, — предложил свою версию Саша.

— Да, нет! Тут что-то не так, — прислушиваясь и безотрывно смотря в сторону двухэтажного дома с разбитой крышей и выбитыми стеклами окон, насторожился Василий, — возможно, что именно тут и скрывается причина наших неприятностей и устали до упаду?

— Да, брось ты! Темно уже, да и к тому же эти кварталы давно уже были защищены. Пошли уже, каша стынет и прикорнуть не успеем, если что.

— Вот именно, чтобы «если что» не получилось, братцы, нужно проверить.

— Вася, придём, доложим, как положено по инстанции, — уговаривал старшего группы, а по существу, та-

кого же, как и сам спеца-связиста, Александр Климович.

— На этот раз Санёк прав. Вася, ну его к Лешему. Скоро совсем стемнеет, — высказался, молчавший до этого, Аркаша.

Снова донёлся шорох со стороны дома и через разбитую раму арочного окна с некогда красивым переплётом блеснул блик, как «зайчик» от солнечного цвета. Но в данном случае это могло быть отражение или лунного света, или, что ещё вернее от вспышки со стороны противника от разрыва снаряда, выпущенного советской зенитно-артиллерийской батареей по вражеским самолётам, перелетающим через линию фронта, для выполнения ночных бомбометаний.

— Видели?! — снова Вася указывал на окно, где был замечен отблеск, — быстро прижались к стене, — командовав товарищам и одновременно увлекая их за собой к высокой кирпичной ограде особняка.

— Ты, чего? — обидевшись от насильственных действий Василия, возмутился Аркадий.

— Ты, что ещё ничего не понял? — как-то зло и через зубы процедил Вася, — мы на мушке у снайпера.

В выражении лица Аркадия появился не натянутый, естественный испуг и он, как будто влип в стену, боясь пошевелиться.

— Мы, видимо, «намозолили» тут глаза и хозяева или «квартиранты» не выдержали, начали высказывать беспокойство, а потому и шорохи. Там же под ногами хлама не меряно, от того и шорох. Братцы, сейчас решим, как нужно поступить лучше, но нужно разделить и отвлекая противника со стороны улицы, зайти кому-то в тыл, со двора.

— Может нам связаться по телефону с НП батальона? Зачем нам приключения на причинное место, а, Вася? — с явной тревогой высказался Саша.

— Уже поздно. Мы только этим насторожим тех, кто там. Я почти уверен, что там «гости», возможно, что они появились после того, как мы протянули связь и прошли в том направлении. Знаешь, в какое время лиса на охоту выходит? — повернувшись к Климовичу, спросил Вася.

— Откуда? Что я тебе, следопыт?

— Ясно! Вот как раз, когда сумерки начинаются, на границе света и тьмы. Короче, остаётесь здесь. Саша, твоя задача — следишь за окнами, особенно за вон тем, что на втором этаже, правое. А ты, Аркадий, аккуратно подберись к проёму ворот, только не высовывайся, а больше на слух надейся и возьми под контроль двор. Долго не засвечивайся, не более одной секунды и-то из разных позиций, и из разных ярусов по высоте нос высовывай. А в общем-то, пока не начнётся, лучше не высовывайтесь.

— Что начнётся? — не понимая, спросил Аркадий.

— Не знаю точно, шум, стрельба, ну что-то начнётся.

— Вася, а может быть, как-то слиняем и всё обойдётся? — уговаривал товарища Аркаша.

— Всё! Я пошёл обойду забор и зайду от соседей. Там я видел проход во двор. С Богом! — произнёс Вася и прежде, чем товарищи смогли ему возразить или всё осознать, быстро, прижимаясь и пригибаясь, чтобы не «засветиться» двинулся по намеченному маршруту.

Переглянувшись, Саша и Аркадий, молча бросились исполнять задание, данное старшим на данный момент, Василия. Первый заметил в кирпичной кладке забора пробоину, сделанную, скорее всего увесистым осколком снаряда или мины и приспособил её в качестве бойницы. Отсюда был хороший обзор на фасад здания с окнами. Аркадий, боясь «засветиться» в проёме ворот, осмотревшись, нашёл решение поставленной задачи и пулей метнувшись к обочине дороги, где уже успел припорошить снежком, подбитую и сгоревшую бронемашину немцев,

оборонявшихся на этом рубеже дня 3—4 назад, заняв, под прикрытием брони позицию, с обзором выхода и большей части самого двора особняка.

Наступила мучительная тишина ожидания, которая обзывалась пульсацией учащённого пульса в височную область, постепенно доводя его слышимость в набат церковного колокола. Сейчас всё зависело от проворности действий Василия. Если удастся ему незамеченным пробраться, то вероятность успеха возрастала многократно, а если...

«Никаких, если!» — каждый отгонял от себя сомнения, но они вновь и вновь всплывали, что шуга на реке, накануне того, как лёд станет основательно и надолго. Климович, глаз, не сводивший с окон фасада, вновь на секунду заметил отблеск из углового арочного окна второго этажа. Видимо, Василий был прав, что там обосновал логово снайпер.

«Хорошо, если этот самый снайпер один, — подумал Климович, — тогда у Васи есть шанс, застав его неожиданно, ликвидировать. Эх, гранаты бы пулнуть и все дела. Так для этого необходимо выйти на простор, а значит открыться для прицельного выстрела того же снайпера...».

Прошло ещё минуты две-три, а может и меньше, трудно сказать. Климовичу было хорошо виден левый бок Аркаши — тот был неподвижен, только ствол карабина медленно поворачивался то влево, то вправо и казалось, что тот проверял готовность к ведению боя по каким-то представляемым целям или ожидаемым в тех или иных местах сумрачного пространства двора.

«Удобная всё же вещь — ватник, а у нас его почему-то фуфайкой называют, а кто и телогрейкой. Вот уж истин-

но богат наш родной, русский язык. Одна вещь может иметь несколько названий и наоборот, одним названием могут называться самые разные по назначению вещи. Но самое главное то, что все эти названия очень точно подходят к определению материала, из которого изготовлена эта верхняя одежда и назначению и особое место в этих названиях одной и той же вещи занимает, конечно, название телогрейка. Я бы ещё добавил такое название, как душегрейка. Когда в одежде удобно, комфортно и тепло, то и душа радуется. Вот о чём ты думаешь, солдат? — сам у себя спросил Василий, пробираясь осторожно по заснеженной соседней, с интересующим его домом, усадьбе, — в таком приличном доме должно быть, как минимум два входа: один парадный, я его вижу, он со двора и даже дверь приоткрыта или сорвана с петель. Ага, снег на входе „взъерошен“, хотя вчера была пороша, должно было замести старые следы наших бойцов, зачищающих этот квартал от „недобитков“ гитлеровских, а это свежие, не более час назад, как кто-то внутрь проник. Интересно, сколько их там. Сомневаюсь, что один. Если бы в нужный момент кто-то из бойцов прикрытия организовал показательный шум, чтобы отвлечь внимание немца или немцев на себя. Эх, жаль, что времени не было операцию до тонкостей разработать. Ты смотри, стратег тоже мне нашёлся — операцию! Оперативник! Какой ты оперативник, связист-телеграфист линейной связи и пацаня, как был, таким и остался. Детство у тебя, рядовой Домашенко, играет, не скажу, где, в каком месте, а-то товарищи услышат, засмеют...».

Мысль использовать в доме фонарик, Вася сразу отбросил и, для того, чтобы глаза «переключились» с режима «сумерки на фоне» снега на режим «сумерки внутри здания», сделал простое упражнение — прислонившись спиной к стене дома, в который он собирался войти и не через дверь выходящую в глубину двора и за ним

зимним садиком из фруктовых деревьев, а через образовавшийся в «глухой» стене лаз — пробоину от разрыва авиабомбы, по всей видимости, судя по размерам воронки, рядом со стеной, прикрыл открытые глаза рукавицей, при этом стараясь привыкнуть к образовавшейся темноте. Войти через разбитое окно грозило тем, что даже на заснеженном подоконнике и под окном снаружи и внутри было большое количество невидимого битого стекла, а что бывает, когда на стекло наступить, объяснить не приходится.

И только сейчас, пытаясь протиснуться в дыру, Вася понял, что ему это не даёт сделать телефонно-телеграфный аппарат. Быстро перебросив через голову ремень, он аккуратно просунул ящик в темноту с такой осторожностью, как будто сейчас должен сработать механизм гигантской мышеловки, прихлопнув то, что пересекло границы недозволенного. Прислушался, тишина. Но в один момент ему послышались чем-то знакомые запахи обувной ваксы и более приятный запах съедобного, похожего на разогретую тушёнку.

Скорее всего, это была гостиная комната, ещё до того, как её прочные стены стали проверяться на прочность, кроме «шалых» пуль, выпущенных из стрелкового оружия, снарядами ствольной и миномётной артиллерии. И, если после таковых попаданий оставались следы и незначительные повреждения, то против авиабомб ФАБ-100 и тем более ФАБ-250, соответственно, 100 и 250-колограммовые фугасные снаряды, способные, при прямом попадании сложить, как карточный домик, подобную постройку, но не в этот раз и не в этом месте.

Распрямившись в помещении, легко пошарил ногами, чтобы не наступить на что-либо хрупкое, Вася стал привыкать к затенённости помещения от более светлого пространства во дворе. Противоположную часть комнаты можно было рассмотреть и сейчас, из-за того, что она

располагалась напротив большого окна. В углу стояло, судя по очертанию пианино, кресла, стулья, большой стол посередине, мебель перевёрнута. Правее, у стены отдавались резными бликами уцелевшие стёкла буфета, слева и справа, на стене напротив висели большие портреты или картины, содержание которых было трудно различить.

Вася привычно нагнулся, взял за ремень аппарат и также, уверенным, отработанным приёмом не закинул ремень через голову, а повесил на правое плечо, чтобы, при необходимости, можно было от этого груза освободиться. Одёрнул фуфайку и заулыбался сам себе оттого, что высмеял мысленно себя: «Ты чего, на строевой смотр готовишься? Ну ты, боец, даешь!».

Взяв автомат на изготовку в обе руки, стал медленно и осторожно, прошупывая, засоренную хламом и отбитыми фрагментами штукатурки, пол, продвигался к двери напротив. Двухстворчатая дверь была приоткрыта. Осмотрев всё пространство просторного холла, разобравшись что куда ведёт, сориентировался, что на второй этаж вела лестница, начинавшаяся как раз с правого угла холла, от стены за комнатой, смежной с той, из которой Вася вышел.

На середине лестничного пролёта была расположена площадка и дальше деревянная лестница уходила влево, где напротив комнат второго этажа был выполнен переход с перилами и виднелись две двери. Одна располагалась почти сразу, после подъёма лестничного пролёта, вторая метрах в 3—4 левее.

«Если от меня сейчас всё, что левее, то с фасада — это и есть та комната, где было замечено движение, — просчитал Вася и теперь пожалел, — эх, гранату бы сейчас...».

Двигаться напрямик Вася не решился, так как это было сверх рискованно — в любой момент мог кто-то по-

явиться и, в случае своего обнаружения, в просторном пространстве холла укрыться, став тенью мебели, было невозможно. Он медленно, тщательно прощупывая и раздвигая всяческие мелкие предметы и хлам, как движется ледокол во льдах, раздвигая толстый слой льда в стороны, ступал на носочках, боясь вызвать «цоканье» подбоек каблуков.

В середине холла отдышался, под прикрытием большого камина, создающего тень тусклого вечернего света с улицы, через высокие фасадные окна из которых, совместно с этим сумрачным светом, через разбитые рамы окон также веяло свежестью крепчающего вечернего мороза на дворе. Осмотрелся и прислушался, даже услышал слабый скрип металла на разбитой бронетехнике, за которой сейчас была позиция его боевого товарища Аркадия.

«Только бы они не начали палить невесть куда, когда нервишки совсем растелепает тягость ожидания, — поглядывая через пустоту холла в окна, выходящие в сторону ограды и ворот, где сейчас и зашхерились товарищи, — надеюсь, что боязнь выдать себя, как минимум, заставит прижиматься ниже к земле. — Вася, перекрестившись, скомандовал себе, — пора! С Богом!».

Пульс учатившегося сердцебиения отчётливо ударял в виски. От напряжения на лбу появилась испарина и Вася рукавом фуфайки смахнул капли со лба, которые грозили, собравшись у переносицы, в самый неподходящий момент хлынуть ручьём в глаза.

Вот и лестница. Было желание взяться за поручни перил, но почти одновременно с мыслью, боец резко отдёргнул руку, решив, что это также могло спровоцировать скрип дерева в разошедшихся соединениях деревянных деталей. Заодно оценил, насколько это было видно, красоту резьбы перильных стоек, сделал глубокий, но медленный вдох и такой же плавный выдох, двинулся после

площадки на развёрнутый относительно нижнего, пролёт.

Сверху уже совершенно отчётливо доносились, кроме названных ранее запахов, просто присутствие человека, которое улавливалось по какому-то чуждому бойцу запаху и доносившемуся сверху полушёпоту на явно не польском языке. Хоть слова были нечёткие, но Вася различил западногерманское произношение немецкого языка, вспомнив как различала на уроках немецкий язык учительница. Она была немкой из одной из колоний-поселений, расположенных вокруг Матвеева Кургана. И кроме этой группы, вспомнил, что есть ещё северогерманская группа.

Уже были слышны легкие прохаживания кого-то в комнате верхнего этажа. Правая дверь на втором этаже была открыта полностью, а левая, за которой точно кто-то находился, а раз слышался говор, то и не один. Вот уже верхняя ступенька. И тут, Вася, расслабившись, а вернее отвлечённый посторонними мыслями, которые, что рой пчёл, атаковали его одновременно, так им и дела не было до главной цели, к которой стремился хозяин той головы, которую они обустроили, что улей... взялся за аккуратный шар на верхней угловой стойке. И тут раздался тонкий, но в тишине пронзительный скрип, от которого оборвалось сердце, и Вася замер. Его правая нога уже находилась в начале длинного прохода с балюстрадой, а левая оставалась в готовности оторваться от последней ступени.

Следующий миг длился невыносимо долго. Назад пути уже не было. Схорониться, хоть на несколько секунд также было негде. И тут его раздумья перебили быстрые шаги за открытой дверью, человек за дверью двигался навстречу непрошенному гостю. Мешкать дальше было нельзя. Вася встал на обе ноги на площадке и резко прильнул к стене, рядом с открытой дверью.

Сначала на полу перед дверью появилась матово-лунная тень, которая росла и вскоре переползла на стойки балюстрады и в следующий миг из дверного проёма показался ствол автомата, который медленно продвигаясь вперёд, нервно дергался, то вправо, то влево. И вот уже кованный сапог переступает через низкий порог.

«Жаль, что я не успел перейти за дверной проём. Вот тогда бы ты, фриц, все ступени пересчитал своими рёбрами...», — очередная мысль пулей пролетела в воспалённом сознании.

Но нужно было действовать быстро и решительно. Вася, отпустив из рук ППШ, который покорно и уравновешенно остался висеть на его шее, сделал шаг вперёд и схватив обеими руками ствол шмайсера, что есть силы дёрнул его вдоль себя. Немец, издав удивлённый и одновременно испуганный, но приглушённый крик, зацепив Васю локтем и провонявшейся кострами и ещё непонятно чем, шинелью, налетел на поручни балюстрады. От неожиданности он бросил автомат, который звучно шлёпнулся вниз, сам ухватился двумя руками за ограждение, с перевесом туловища выше пояса за ограждение.

Вызванная таким шумом тревога и паника в соседней комнате, заставили действовать ещё решительнее. Быстрый прыжок в сторону врага и удар прикладом автомата по голове, заставил фашиста машинально оторвать одну руку и, потеряв равновесие, тот хряснулся, судя по звуку хруста шейных позвонков на паркет пола в холле.

Вторая дверь, оказавшаяся наполовину закрытой, была по правую руку, и Вася на секунду оторвав правую руку от спускового крючка, резко дёрнул на себя правую половину двухстворчатой двери. Она со скрипом отворилась и в следующее мгновение Вася услышал стрекот и увидел и правого угла комнаты вспышки автоматной очереди. И в тот же момент что-то обожгло его бок под

деревянным коробом телефонного аппарата и правую руку выше кисти.

Но фоне светлого окна разогнулась тень и тот, кто её представлял, превратился в рослого немца, чья макушка без малого не дотягивалась до арки высокого окна. На подоконнике было оставлено его длинноствольное оружие — это была винтовка и вероятнее всего снайперская. Левее от немца-великана метался третий человек, до этого сидевший за столом у стены, видимо уронил или забыл, где оставил перед приёмом ужина, оружие.

Мысль — это самое быстрое, что только известно нам в мире. Возможно, она быстрее пули, а потому так долго излагаются мысли на бумаге, а по факту скорость пули известна, а величину скорости мысли лишь можно предположить. Одно дело, когда нужно решать одну задачу с одним неизвестным, другое же, когда задача одна, а решать её необходимо в три действия, если не получится одним. Но гранаты-то нет, а жаль, так можно было решить всё одним действием, без сложных «уравнений».

В кисти правой руки, при желании пошевелить пальцами и нащупать спусковой крючок ППШ, появилась сильная боль и инстинктивно, Вася, опустил руку. После короткой очереди, гитлеровец, стреляющий в неожиданного гостя справа, сделал передых, чтобы убедиться, что цель поражена, И такое впечатление, видимо создал тот факт, что Вася, имеющий и так небольшой рост, после выстрелов и тем более ранения, слегка присел из-за чего большинство пуль прошли над ним, улетев в дверной проём и были остановлены, выдавшими виды стенами старого дома.

Воспользовавшись короткой паузой, Василий сделал движение по «спирали» — выпрямляясь, он одновременно сделал оборот по часовой стрелке, как это делают спортсмены, метящие диск в дискболе. Возможно, что он вспомнил, как на физкультуре у него неплохо это

получалось, но для рекордных бросков не хватало роста и размаха рук. Когда он уже увидел немца, который повторно вскинул автомат, поняв, что его противник не повержен, отпустил ремень телефонного аппарата, прижимаемый до этого к груди, и вытянул правую руку, как регулировщик, в сторону на уровне плеча. Пятикилограммовый «снаряд», скользнув ремнём по скользкой, от подтаявшего на фуфайке снега, рукаву, как по стволу орудия, оторвавшись и пролетев 3–4 метра, глухо ударил автоматчику чуть ниже выставленного на изготовке ствола шмайсера, «ниже пояса» сказали бы боксеры.

От окна и из-за стола одновременно на Васю двинулись две фигуры. С улицы донеслись винтовочные выстрелы, это товарищи Васи «мочили» по стенам дома, как договаривались, услышав заваруху. Немцев это не остановило, хотя верзила, изначально сделал шаг назад, но потом поняв, что главная угроза не за стеной, а здесь, внутри, в четырёх-пяти шагах, максимум.

Послышался не то крик, не то воинственный клич или просто крик отчаяния и боли, который вырвались из груди, по большому счёту, восемнадцатирейс сущ.его паренька, понимавшего, что физические силы на данном этапе не равны, но силы духа у него в разы больше, чем у всех этих, не пришедших в себя от наглого нападения на их огневую точку одного-единственного бойца, да ещё такого «хлюпика», как они уже успели его оценить. Превозмогая боль в руке, Вася помог раненой рукой овладеть левой, здоровой рукой автоматом и в следующий момент все услышали характерные для ППШ звуки выстрелов, перекликающихся с «шорканьем» возвратно-поступательного движения затвора и создавая импровизированную «мелодию» смерти и победы оружия над угрозой физической расправы.

Пламя, вырывающееся из-под кожуха ствола пистолета-пулемёта, а проще — автомата, своими вспышками

освещали искажённые яростью, а затем вперемешку с болью и даже предсмертными конвульсиями лицевых мышц врагов, но, к сожалению, не всех. Двое из троих, грохнувшиеся в попытке выполнить яростные броски, подобно хищникам на жертву и сами стали жертвами более стремительного и проворного бойца. Третий же, этот самый громила, видимо был не из крови и плоти, а из брони, продолжал двигаться, если так назвать его быстрый рывок в сторону Василия.

И в тот момент, когда Вася, оценив результативность своей стрельбы, хотел сделать «работу над ошибками», сама «ошибка» уже надела на него, смяла под собой, как спящий великан подушку и левая рука, в которой по прежнему за цевьё он сжимал автомат, вывернулась в сторону и падая, очередная очередь «расписала» снизу вверх стену, а затем и потолок.

Немец, навалившись на парня, зловонно и часто дыша ему в лицо, левой рукой пытался вцепиться в горло, а правой удерживал левую руку, с зажатым в ней автоматом. И улучшив момент, он выбил оружие.

Застёгнутая верхняя пуговица телогрейки и втянутая шея Васи, не давали немцу выполнить удушение. И тогда он резко рванул одежду на себя, при этом не только оторвалась крепко пришитая пуговица, но и сам боец, оторванный от пола, с силой вновь был придавлен к полу.

Вася почувствовал кроме прочего еще шемящую, обжигающую боль по затылочной части шеи и почувствовал в том месте липкость. Вместе с мыслью, которая молнией пролетела в голове и испарилась, из-за необходимости искать выход из этого положения, если он был, Вася понял, что вражина порвал суровую нить, на которой мать повязала ему крестик. И прежде, чем оборваться, нить глубоко врезалась в его шею.

Немец, поняв, что сопротивление его соперника незначительно, переключился на удушение двумя рука-

ми. Освободившейся левой рукой, Вася попытался оторвать правую руку врага от своей шеи, но это не удалось сделать. Тогда он вытянул руку и провел ею по полу, в попытке нащупать отброшенный ППШ или ещё какой предмет, но ничего под руку не попало.

Правый бок, до которого всё же добралась пуля, пробившая телефонный аппарат, хоть, и не повредив внутренних органов, печени, в первую очередь, отзывался болью, причиняемой извне, особенно, когда немец менял положение своего неподъёмного тела. И тут Василий догадался — это был штык-нож, о котором немец забыл, упиваясь тем, что голыми руками вот-вот задушит этого юнца.

Правой рукой, Вася, сейчас уже ничего сделать не мог, она отнялась практически полностью и потому он стал медленно пробираться левой рукой, втягивая и так не выдающийся живот и заодно просовывал руку между собой и громилой. Ощущая, что сознание начинает мутиться и он вот-вот перестанет дышать, рука получила некую свободу — это произошло из-за пустоты в промежности ног немца. Мысль прострелила мгновенно, Вася, что было сил вцепился в галифе фашиста в промежности его ног и почувствовав в захвате то, что было целью его плана, сделал резкое движение, от которого противник взвыл, отвалившись на спину, отпустил на мгновенье противника.

Вася, не мешкая, повернулся к немцу и выхватил у него из ножен штык-нож и с замахом, насколько позволяли ещё, покидающие его силы, ударил, отклоняющего от него противника в грудь. Удар пришёлся немного вскользь и, из-за того, что недостаточно сильный, через шинель, гитлеровец заорал и в следующий момент отбил Васину руку с ножом, который улетел куда-то в темноту. Воспользовавшись тем, что немец ещё оставался лежащим на спине, Вася, стиснув зубы, вы-

дернул свою, зажатую под громилой раненную руку и вскочил на ноги.

Громила, зажимая левой рукой кровоточащую рану в боку, поднялся и ринулся с ещё большей яростью на Василия. Одной левой руки с ослабевшим телом нужно было сделать что-то такое, что могло во многом решить исход схватки, но что... и Вася это что-то нашёл или, лучше сказать, нашёлся. Сорвавшись с места, он бросился навстречу врагу в позе стартующего спринтера. И в момент столкновения, Васина голова пришлась примерно в область живота и ранения немца. Тот взвыл по-звериному и под натиском попятился назад к окну и едва устоял, чтобы не свалиться на свою пятую точку опоры.

Упёршись задом в подоконник, немец, из-за созданной им самим прогнутости в спине в сторону раненного бока, теперь не казался тем громилой, что ещё минуту назад, когда бросался на советского бойца, когда он был на целый локоть от него выше, если измерять старинными мерами. Не отрывая взгляда с готовящегося к продолжению схватки, Василия, он начал шарить за спиной в поиске своей именной «палочки-выручалочки», снайперской винтовки, с помощью которой он определил в мир иной не одну человеческую жизнь.

Вася отскочил назад, так как вновь попасть в объятья немца, больше напоминающие клещи или тиски, как-то не хотелось, так как силищи в немце оставалось немерено и его ранение, в случае свёртывания крови в ране, не было столь сковывающим движения, как у Васи, у которого правая рука была нужна для того, чтобы отзываться болью. Бок, занемел и тревожил меньше, а в горячке борьбы о нём можно было на время и забыть. Слева у стола кто-то зашевелился, это был тот немец, который после ранения пришёл в себя и продолжил свои попытки отыскать своё оружие и ему, похоже, это удалось.

Но Василий этого не видел, у него перед глазами был главный противник, заклятый враг, с которым нужно было покончить раз и навсегда, иначе... иначе всё будет наоборот. Самому искать свой ППШ было дело неблагодарное и, скорее всего, это было бы тем, последним, что он успел бы сделать, так как снайпер уже дотянулся до винтовки.

Вася пошёл «на таран», прижав левую руку к боку и согнув её в локте, сжав кулак. Сокрушительный удар, насколько он мог быть таковым, с учётом небольшой массы тела, но максимально большого ускорения, выполненного за 3–4 разгонных шагов. Масса, помноженная на ускорение, дала силу, которая была направлена по двум векторам, первый пришёлся совместно с ударом головой в левую сторону подбородка, опущенной и повернутой в сторону винтовки головы, а второй, плечом, совместно с прижатой рукой и кулаком в грудь.

Немец крикнул, выронил винтовку, прокручиваясь на одной опорной ноге и просунувшись «пятой точкой» по подоконнику, навалился всей своей массой на изрядно изрешеченную оконную раму, которая с треском ломаясь поддалась наружу, осыпая виновника слома битым стеклом. Послышался звериный рёв, иначе этот крик громилы назвать нельзя было. Но в момент падения, он успел, как утопающий хватается за соломинку, схватить Васю за ворот расстёгнутой телогрейки, хотя её хозяин и так по инерции двигался вслед за немцем.

За спиной затрещал шмайсер пришедшего в себя фашиста. Пули, разрывая ткань и вату фуфайки, безжалостно прошивали, что игла швейной машины, при изготовлении той же стёганки, с той лишь разницей, что очередь прошла не сверху вниз, с слева направо. «Нити» этого «шва» появились чуть позже, они были алого цвета и при этом они разрывались не кусками, а брызгами.

Оконная рама, которая некоторое время ещё выдерживала зависшего на ней снайпера, под натиском дополнительной нагрузки, тела советского бойца, не выдержала и вниз полетели соперники вперемешку с щепками и битым стеклом. Этого не могли не видеть, а перед падением не слышать стрельбы и треска рамы товарищи Васи, которые не знали, что им лучше предпринять в данном случае.

Саша с Аркадием подбежали вплотную и увидели на снегу распластанного огромного немца и сверху Васю, лежащего в полуобороте от немца, головой в снегу. Аккуратно повернув товарища и увидев «мёртвую» хватку немца за ворот фуфайки Василия, Саша, ударом приклада отбил руку фашиста и обратив внимание на его лицо.

Неподвижные глаза немца смотрели в небо, он не подавал признаков жизни, а из большой раны на его шеи, ещё продолжающие сокращаться сердце, выплескивало через сонную артерию, не голубую арийскую, а такую же алую кровь. Она сбегала по куску оконного стекла, который, при падении и перехватил артерию. Через пару секунд сердцебиение его прекратилось, немец был мёртв.

Но он уже мало интересовал связистов. Саша что-то кричал Васе, Аркадий пытался нащупать пульс и казалось, что слабый ещё прощупывался. Вася смотрел почти детскими глазами на товарищей и, казалось, что он улыбается. В крайнем случае, выражение лица было счастливое. Саша увидел, что его губы зашевелились в попытке что-то сказать и товарищ нагнулся, поднеся ухо ближе к губам Василия.

— Вишни-и-и! — прошептал слабым голосом, уходящего в мир иной, в мир Царства Вечности, Вася.

— Что он сказал? — нетерпеливо спросил стоящий у изголовья Аркаша.

— Он сказал «вишни».

В доме послышался шум и в рамном проломе появился гитлеровец, держащий автомат на уровне пояса, и намерения его были явно не добрые. Аркадий вскинул карабин и в вечерней тишине раздался хлесткий выстрел, с эхом, прокатившимся по улицам старого польского города, расположившемся на самой границе с Германией. Падая, гитлеровец успел нажать на спусковой крючок своего автомата, но пули ушли в сторону граничной реки Лужицкая Ниса и дальше на территорию Германии, как последний привет родным, отбывшего солдата вермахта, которому эта земля теперь станет роднее, да и не ему одному, к сожалению.

Как долго длилось падение Васи в «тандеме» с фашистом вниз, через окно второго этажа, неизвестно. Но в мыслях оно продолжалось довольно долго.

И в этих, промчавшихся в мыслях воспоминаниях, сначала Вася, босоногим пареньком бежал с ватагой пацанов на речку Миус, где шумно катались на тарзанке и отрываясь от неё, ныряли или просто прыгали ногами вперёд в воду, с таким же ощущением, как и при падении через окно. Одно только отличие было, в первом случае это вызывало детский восторг и радость, а сейчас, лишь ощущение выполненного до конца воинского долга и того, что короткая жизнь прожита не зря.

Ощущая состояние полёта, Вася разминулся с Ангелом небесным и это снова был Ангел-хранитель в обличье уже известного Васе человека, погибшего жениха Лиды, Петра Логвинова. Он пролетал стремительно, по видимому, куда-то спешил и из того, что Вася успел слышать, он прокричал ему:

«Прости, Вася! Не успел... Ты крест снял?! Теперь у Лиды... Мне нужно к ней... Мы скоро встретимся с тобой...».

Затем всплыл образ Веры Черёмухи. Она улыбалась и, иначе не опишешь её образ, чем выражением «цвела». Она кричала Васе:

«Василёк! Я тебе пишу-пишу, а ты мне не отвечаешь. Что я тебе совсем не нравлюсь? Женись на мне, я буду тебе верной женой на всю жизнь...».

А вот счастливая мама бежит ему навстречу с пригоршней вишен, сочных и крупных ягод, собранных ею заботливо с деревьев из их сада, на которых Вася мог добираться до самых вершин, благодарю своему малому весу и росту. А эти ягоды на глазах стали кровоточить соком, и он уже струйками просачивается между пальцев мамы и улыбка на её лице сменяется слезами, которые, сбегая на ладони, смывают с них кроваво-алые струи сока и от них тает снег у ног мамы. Они протягивает заскорузлые, старческие руки и с чувством вины и скорби говорит:

«Возьми сынок вот эти вишни. У меня больше ничего нет, сыночек, а так хочется тебя угостить. Там же такого не будет... А лучше заberi моё сердце, но возвращайся, сынок!».

Весенний разлив Миуса сменился цветущим садом, а затем и вишневым плодоносящим садом, в котором ветки свисали низко к земле, были обильно увешаны крупными ягодками зрелой вишни. Вася срывал их сначала руками, они давились и по рукам тёк кроваво-красный сок. Затем он стал срывать ягодки, открывая рот и срывая ягодки зубами. Всё тело покрылось соком раздавленных ягод и до них уже нельзя было дотронуться, чтобы не раздавить.

Сок капал наземь, но там, вместо привычного низкорослого травяного покрова, вся земля под деревьями была покрыта снегом, а вишнёвый сок обильно сбегал уже не с его губ, а из его смертельно-израненного тела, просачиваясь и впитываясь в вату телогрейки, капал и капал

в снег, который через несколько минут уже станет даже не февральским, а мартовским. Да и не сок это был вовсе, а если сок, то нагретый ярким летним солнцем Прииусья.

Но, почему, зимой? Этого он так и не смог понять. И он постепенно улета́л в ту сторону, куда чуть ранее взял курс тот, кто до конца был его Ангелом-хранителем. Но не судьба. Оборвалось связующее звено, православный крест, оберег, который мама повесила сыну на шею и каждый день молилась за него, за дочь Лиду, за их отца, за всех родных, близких и знакомых, которые были на фронте и она им всем желала скорейшего возвращения живыми и невредимыми, но...

Он смотрел в упор на своих товарищей, которые тормозили его, что-то говорили, но он уже их не слышал. Он улета́л, он летел и ему было так хорошо, так благодатно в этом полёте. Это была эйфория счастья. И когда он пролетал над родным посёлком, над родным домом, над цветущим и благоухающим посёлком с майскими цветущими садами, в небо взвивался фейерверк праздничного салюта.

После того, как Вася на секунду отвернулся или просто моргну́л и после вновь бросил свой взгляд вниз, то увидел урожайный вишнёвый сад. Вишни были такие крупные и сока в них столько много, что некоторые срывались с ломающихся от обилия плодов веток и с них капал, что слёзы, сок, капал обильно раскрашивая белое снежное покрывало в цвет крови или это и была его кровь?!

Эпилог

Василий начал свой боевой путь в конце июля на Сандомирском плацдарме и за семь месяцев боёв на территории Польши успел приобрести определённый боевой опыт. Но этот опыт был продиктован спецификой службы связиста, именно связиста, ни стрелка-пехотинца, ни артиллериста, ни разведчика, а именно связиста.

Хенри начинал свой боевой путь на Миус-фронте и как раз в то время, когда тот, кто ценой своей гибели ликвидировал снайпера, шестнадцатирейс сущий тогда ещё паренёк по имени Вася, находился в пяти километрах от расположения 3-й горнострелковой дивизии, где служил Хенри. Этот самый Хенри Вольф, бывший напарник Йозефа Аллербергера, по прозвищу Зеппа, одного из самых известных снайперов вермахта, имеющий безупречную репутацию и прекрасный послужной список, одну из лучших результативность снайперской работы и которого судьба свела в последние месяцы войны с никому практически неизвестным в высоких кругах командования, рядовым связистом, Василием Домашенко.

Хенри до этого уже имел на своём счету убитыми более 200 советских солдат и офицеров. Но это были его заслуги в умении выслеживать и уничтожать живую силу противника на расстоянии 300, 500 и даже 800 метров от его засады. А здесь совершенно иное. Он давно хотел встретиться с русским солдатом лоб в лоб, глаза в глаза, чтобы насладиться всеми «прелестями» того, как враг испытывает страх в последние мгновения перед тем, как этот громила медленно лишает его жизни, забирая силу врага и, не менее важно, его дух себе.

Но не на этот раз. Это была его последняя дуэль, как и, к сожалению, простого паренька из Примиусья, Васи Домашенко. Первый защищал фашизм, чуму, расплзшуюся по всей Европе, а второй освобождал эту же Европу от этой чумы.

Хенри, после гибели ждал очередной железный крест, посмертно, а Василия — Звезда, пусть не Героя Советского Союза, а орден Красной Звезды. Обидно другое, то, что Хенри успел оставить после себя отпрыска. Каким он будет, когда вырастет, неизвестно, а Вася не успел. Он сгорел, что мотылёк, бросившийся в самое пекло огня, огня войны.

Во время уличных боёв за город Губен дивизия понесла большие потери в живой силе, в особенности 889-й стрелковый полк. К исходу сражений в строю полка осталось всего 120 человек на линию фронта в два километра. Резервов уже не было. В стрелковых ротах полка осталось всего по 15—20 человек бойцов. Вот такими не радужными были итоги сражений, кульминация которых пришлась на последние дни февраля, 27 и 28 число.

Около полумиллиона советских солдат отдали свои жизни, освобождая Польшу от ожесточённо сопротивляющихся германских войск и войск их союзников. Нужно ли это было и можно ли было избежать столь массовых потерь ещё долго будут спорить историки и политики.

Вскорости после трагических событий гибели Василия, немцы начали массированные обстрелы позиций советских войск, где дислоцировалась 197 стрелковая дивизия, при участии авиации. В этой операции германское командование использовало тактику применения диверсионных групп, с целью нарушения коммуникаций связи противника и координирования ведения огня по обнаруженным позициям. Одна из них была ликвидировано, благодаря героическим действиям рядового батальона связи Василия.

Товарищи сумели вынести Василия из-под обстрела. Но в двух десятках метров от защитных сооружений, в результате разрыва мины, был смертельно ранен Аркадий и контужен Александр Климович.

Василий Домашенко, Аркадий Балашов и сотни других бойцов, сложивших свои головы за этот город-крепость, и были похоронены в братской могиле на восточной окраине г. Губен.

Мать Васи, Варвара Максимовна, получила после похоронки и письмо командира, который сообщал о трагическом событии. И с его слов, Василий был убит пулей снайпера, погиб как Герой и, что мама должна гордиться своим сыном. В подразделении пользовался заслуженным авторитетом и уважением, был весельчаком и мог поднять дух своим товарищам, даже в трудные минуты, в боевой обстановке.

За подвиги, совершённые ещё ранее, был награждён орденом Славы 3-й степени и медалью «За отвагу». Заканчивалось письмо словами, что он не сможет заменить сына, но сможет письмами поддержать и будет отвечать на письма ему, как родной матери. Трудно даже представить, сколько таким писем пришлось ему написать и как он себя чувствовал при этом — незавидная доля, но кто-то должен был и это делать. Хоть и странно прозвучит, но лучше знать такую горькую правду, чем получить извещение о пропаже сына без вести, мать всю оставшуюся жизнь будет изводить себя мыслью, что вот-вот случится чудо, а чудеса, если и бывают, то на то они и чудеса, чтобы случаться очень и очень редко.

Конечно же, ничего не может успокоить сердце матери, после такого известия. Вторым ударом было ещё то, но уже после войны, её муж, будучи жив и здоров

не вернулся домой, написав лишь прощальное короткое письмо.

После войны ей много пришлось хлопотать о льготах и прибавке к пенсии, как матери, потерявшей кормилицу. Рано потеряла здоровье. Даже и в мыслях, и в снах не бредилось ей то, чтобы найти нового спутника жизни, опору в жизни. А ведь в конце войны ей было всего сорок лет и её красота ещё была, что зрелая вишенка, сочная и желанная. Но всю оставшуюся жизнь так и прожила там, где всю её семью настигло то время, которое дало глубокую трещину не только в судьбе страны, но и в её судьбе.

Её счастье рухнуло в один момент и даже не с письмом мужа, которое она получила несколько ранее, чем похоронку на сына, а именно весть о том, что её сыночка, её надежды и опоры больше нет. Сколько ночей она молилась и просила Бога, чтобы он помог исправить эту несправедливость, она надеялась, долго надеялась, что это была несправедливая, принёсшая ей такие страдания, ошибка и что Вася жив, он не мог так сделать, он обещал же... Ведь она вручила ему освящённый в церкви и намоленный нательный крестик, который должен был стать ему спасательным оберегом.

И эта беда не стала последней. Отремонтированный наскоро домик, после обильных дождей, осадки грунта, особенно в месте попадания бомбы, стал резко оседать, дав трещины, стал разваливаться. Так как отремонтировать его было бесполезно, по мнению специалистов, а строить добротный дом не было средств, то Варваре Максимовне, с помощью такой же хрупкой, хоть и подросшей уже, семнадцатирейс сущ.ей девушкой Машей, самим строить небольшой домик на новом месте своей же усадьбы. А для того, чтобы выручить хоть немного денег на покупку стройматериалов, который был так же дефицитен, что хлеб в годы войны, пришлось продать полови-

ну земельного участка, под строительство, нуждающимся в этом людям.

Решили строить хату из самана на две комнаты. Старшая дочь, Лидия, вновь обосновалась, после возвращения с фронта в Ростове и возвращаться домой, тем более в тот дом, в котором жить невозможно, не собиралась. По возможности, помогала, конечно, иногда деньгами, иногда, при приезде, своими девичьими руками. Саман изготавливали из земли, который брали прямо в огороде и солома, которую было не так трудно достать и доставить для замеса. Замес делали, само-собой ногами, потом набивали в специальные рамочные формы и высушивали на солнце.

Так и прожила Варвара в этой хатке всю свою жизнь. Постоянной соседкой её по жилью была кошка, с которой она коротала время и разговаривала. Разговаривала обо всём, разговаривала, как с человеком и, казалось, что кошка её понимала, и отвечала на своем, только ей, одинокой женщине понятном языке. Кошки с годами сменялись, по естественным причинам продолжительности жизни, а она заводила новую, так и жили. Были и собачки, естественно, большинство из которых она называла не иначе, как Букет Моей Бабушки.

Максимовна насадила на усадьбе множество тюльпанов. Разноцветные, некрупные тюльпаны расцветали в аккурат в майские праздники. Обязательной традицией было для неё — возложение собственноручно выращенных цветов к памятнику в центре, а затем и в мемориальных сквер, куда был перезахоронен советский лейтенант Огородников, похороненный её заботливыми руками на своем подворье и затем перезахороненным, вместе с другими бойцами, похороненными в парке и во дворе школы.

Цветов было много, и она выходила в теплые майские дни в центральный сквер, где по соседству с такими же

одинокими и уже старушками, продавала «излишки» с сада и огорода. Молодёжь и не только, охотно покупали цветы по три копейки букет. За пять копеек ей даже было стыдно предлагать. Она лучше просто так подарит тем, кому они были очень нужны, парням, спешащим на свидание и солидной паре, идущих к памятнику погибшим воинам, чтобы почтить их память.

Второе богатство, которое она также лелеяла, были вишни. На усадьбе было десяток деревьев и все вишни. Урожаи зачастую были богатые. Максимовна закрывали из них пахучее варенье, чтобы потом угостить, редко приезжающих в гости дочерей с детьми. Много вишен она сушила для себя, чтобы зимой варить из сухофруктов компоты. А свежие также выносила в центр в эмалированных ведрах для продажи.

Чтобы веселее коротать зимние вечера, она брала к себе квартирантов. В основном это были девушки, обучающиеся в РайПО на продавцов или те, которых направляли в Матвеев Курган по распределению на работу. Были и парни, которые обучались на курсах водителей при школе ДОСААФ. Когда подросли сыновья меньшей дочери Марии, которая с семьёй проживала недалеко, в 25 километрах от райцентра, то её уютная хата становилась на два года их домом, при обучении в 9-м и 10-м классах десятилетки, которой в их селе не было.

Ушла из жизни Варвара Максимовна в 84 года и была похоронена рядом со своей свахой Анастасией, свекровью дочери Марии. Её мечта, подержать в руках награды сына, так и осталась несбыточной. Но она бережно сохранила все письма от сына Василия, которые часто вынимала из сундука, перечитывала и плакала.

Осталось и несбыточным желание побывать на могилке сыночка. Она даже представляла, как наберёт в платочек родимой земли с Примиусья, чтобы высыпать в той части города, которая отошла при разделе Герма-

нии и где находилось захоронение советских бойцов. А вот как осуществить второе желание, которое заключалось в том, чтобы доставить туда созревшие вишни, она придумать не могла. Спелая вишня хранится плохо, тем более с учётом длительного переезда, которые занял бы неизвестно сколько времени.

Варвара Максимовна отошла в мир иной рано утром, после 43 годовщины гибели сына, прожив всего один день високосного года, 29 февраля, с желанием дожить до весны и с мыслями о нём, сыне, которого она не смогла уберечь даже своей самой сильной в мире, материнской любовью.

Пётр Леонтьевич не мог, не имел никакого морального права возвращаться домой, тем более что не один и с повинной головой, а с молодой женой. Задержки с демобилизацией ни для него, ни для его избранницы не было и из-за возрастных данных, и из-за постановлений о демобилизации в первую очередь женщин-военнослужащих, и даже потому, что сразу после победы, они расписались ещё там, в части.

К себе домой везти мужа не захотела, а предложила небольшое и уютное для проживания село, в её же районе, отдалённом от г. Аксая на 20 км и менее, чем в 30 км от областного центра, г. Ростова-на-Дону. Пожили немного в съёмном жильё. Татьяна устроилась на работу в сельский фельдшерский пункт. Умелые же руки Петра были нарасхват. Он занимался привычным делом и организовав строительную бригаду занимался стройкой и ремонтом повреждённого во время боевых действий строений. И вскоре появилось и в их семье своё жильё. А следом за этим пошли и дети, которых оба долго ждали и какое-то время у них с этим были проблемы.

И им понадобилось более пяти лет, чтобы появился первый ребёнок, это была дочка. Счастье, в котором пребывала тридцатидвухлетняя, впервые родившая мама, трудно даже описать. Что повлияло на удачное протекание и беременности и родов, после многих лет неудач, трудно сказать. Но были и обращения к врачам, да и сама Татьяна была врачом, и, когда медицина была бессильна, она втихаря, чтобы Пётр не знал, ходила к сельской знахарке, и молитвы Богу — всё было, а что сработало — одному лишь Богу и известно.

Ещё через пять лет, когда уже отцу исполнился 51 год, его жена Татьяна, подарила ему долгожданного сына. Как назвать его, спору не было и оба понимали и чувствовали какую-то вину и перед той женщиной, которую Татьяна никогда даже не видела, а Петру она была женой и матерью троих детей и он должен был чувствовать, хоть и малую, косвенную, но вину в том, что его сын погиб. Хоть он никому не признавался, понимая, какая будет после этого реакция, но он мог в то время, когда был на хорошем счету, во время службы при штабе фронта в интендантской службе, походатайствовать о том, чтобы Василия перевели в его подчинение. Тем более, что Вася уже обладал определёнными навыками ремесла, к которым его с детства обучил отец.

Почему он этого не сделал? Ответ прост, как швейцарские часы — он бы стал нежелательным свидетелем любовных отношений отца с молодой женщиной и чем это могло закончиться, опять-таки, одному Богу известно.

Дочери в разное время провели своего отца ещё в бодром здравии. Лидия, проживающая рядом, посетила деда четырёх её детей в конце шестидесятых годов. А меньшая дочь Мария, не желающая даже видеть отца, предавшего в первую очередь мать и её, когда после войны ей нужна была материальная помощь, чтобы продолжить учёбу, она этого не смогла сделать и ей при-

шлось строить жилью и окончить лишь курсы кинемехаников.

Произошло такое стечение обстоятельств. Средний сын поступал в Новочеркасское военное училище, после получения аттестата о среднем образовании и было это в июле 1972 года. Проезжая на автобусе из Новочеркасска в Ростов и увидев указатель на трассе «х. Красный», мать спросила сына:

— Саша, а ты хотел бы увидеть своего деда? Деда Петьку?

— Так, а где? А как?...

— Поднимайся! Водитель! Остановите, пожалуйста, на развилке.

Они шли километра два до села, называемого хутором. Это было тихое, удалённое от оживлённой трассы селение. И искать добротный дом деда долго не пришлось.

Хозяева настороженно встретили неизвестных гостей, только узнав дочь, на лице отца лицевые мышцы затряслись судорожным танцем, но он сделал усилие, сжав зубы и сдержался, не выдав особой душевности и спрятав куда-то холодность приёма. Говорили обо всём и не о чём. Дед бросал свой взгляд то на своего внука, которого он видел в первый и в последний раз, то на дочь, которая, переборов неприязнь о чём-то говорила, рассказывала о семье, о работе, о детях.

Внук, которого звали Сашей, мало чем был в чертах лица похож, а вот фигурой и ростом сильно. Возможно, что генами Александру передались зачатки мастерства и пытливость, с которой он брался за любое дело и, во что бы то ни стало доводил до логического конца. Но этого дед, конечно, не узнал. Но он познакомил со своим меньшим сыном, Васей. Вася доводился Марии братом, но был по возрасту младше даже её сына Саши более, чем на год, а от самой сестры на 28 лет.

Вот такой расклад жизненного таро. Жалел ли дед Петька о том, что оставил свою семью, детей? Наверяд ли, он спрятался, как говори в селениях, «под бабью юбку» и чувствовал себя очень даже комфортно.

Умер Пётр Леонтьевич в 73 года и никто из его бывшей семьи, ни первая жена, ни их совместные дети, ни внуки на похоронах не были. Да и их никто не приглашал. Он остался человеком без далёкого прошлого, в семейных воспоминаниях новой семьи, где он появился в 1942 году и его жизнь началась с чистого листа, но то далёкое, думается всё же нет-нет, да и всплывало в его памяти, хоть и не грызло изнутри, но свербело — это точно.

Боевой путь Лидии закончился в Германии. И самыми запоминающимися были боевые действия в период с 13 февраля по 6 мая 1945 года в составе 10-го корпуса ПВО Юго-западного фронта ПВО в ходе осады и штурма города-крепости Бреслау. Её зенитно-артиллерийская батарея располагалась, менее чем в 200 км от г. Губена, земля которого приняла её брата, погибшего за 70 дней до победы.

И когда Лида узнала о гибели своего братика, узнала в какой день и в какое время суток, прокрутив мысленно события того дня, который был памятен и для неё. Когда они вели ожесточённую дуэль с асами немецкой авиации, как и ранее на Тернопольщине, когда их расчёт отразил нападение бандеровцев и её спасло от гибели чудо, иначе трудно подобрать нужного выражения, так как, если расскажи что тогда было, то никто не поверит. И на этот раз, когда она должна была по всей вероятности погибнуть, и на том месте, где она находилась буквально три секунды назад, до того, как её кто-то позвал

голосом Петра и она, повинувшись пошла на голос, произошёл разрыв снаряда, которым одну убило и двоих девушек из расчёта ранило.

И ей тогда же вспоминался брат, но каким-то не таким, какого Лида привыкла видеть и вспоминать. Потом, всё это забылось до момента получения извещения о гибели Васи.

Командир взвода Иван Фомин, не дождавшись взаимности от Лидии, сделал предложение скромной девушке Клаве из г. Сальска, поступившей во взвод с пополнением. Они и расписались ещё на фронте.

Лида демобилизовалась в мае 1945 года, а граф Монте Кристо со своей молодой женой осенью и уехали на родину Клавы. В 1946 году у них родился сын, а через два года дочь.

Лида осела в Ростове, но не в Нахичевани, как до войны и не в центре Ростова, а там, куда её чем-то притягивало место — это была западная окраина города Ростова, некогда называемой станицей Нижнегниловской. Возможно, это было связано с засевающим глубоко в душу рассказом замполита Смолякова о подвиге ростовских подруг-зенитчиц в 1941 году, возможно, что её теперь с казачеством ещё что-то связывало, что она не могла забыть. Здесь она познакомилась с настоящим гниловским казаком Дмитрием. Для него, Нижнегниловская и дом, где он проживал — это было его родовое гнездо и в округе проживала родня. Но это произошло не сразу, а через два года, когда она понемногу привыкла к мирной жизни и душевные рано мало-помалу затянулись.

Она поменяла род профессиональной деятельности, поступив на работу в детский садик, её тянуло к детям. Дети благоприятно повлияли на её реабилитацию.

У Лиды и Дмитрия, который покорила миусскую красавицу своей удалью и тем, что держал на подворье ло-

шадь, ухаживал за нею, выгуливал и работал в РайПО, используя для перевозки товаров в магазины собственный гужевой транспорт. К тому же он был страстным голубятником, одним из самых известным на Нижнегнеловской и заядлым рыбаком, имея собственную лодку, за которой также следил, как и за своей кормилицей, лошадью.

Они родили и воспитали двоих старших сынов и двоих дочерей, а те им в свою очередь подарили семерых внуков и внучек.

Лида постоянно приглашалась на встречу ветеранов Ростовского корпусного района ПВО, в составе которого она начинала свой боевой путь и в котором служил Иван Хомяков. Они встречались, много разговаривали, рассказывали друг другу о семейных новостях, обменивались поздравительными открытками и изредка говорили по телефону. По глазам Ивана было видно, что он по-прежнему не равнодушен к Лиде, но сдерживал себя, лишь оказывая ей особую симпатию и внимание на встречах.

Лида, воспользовавшись связями ветеранских организаций, первой узнала о месте проживания отца. Узнала также и то, что у отца есть сын, которого он назвал в честь погибшего её брата, Василием. Когда сводному брату Василию исполнилось уже 16 лет, она написала отцу и попросила, чтобы он отпустил сына к ней, сильно хотела познакомиться. И когда парень приехал на каникулах в семью Демидовых, такую фамилию по мужу носила Лида, то она просто ахнула, настолько этот Вася, приходящийся сводным братом, был похож на геройски погибшего. Кто-то мог бы сказать — «как две капли воды». И затем, обучаясь в Ростове, Василий иногда забегал в гости, проведать старшую сестру.

Но ещё больше Лиду поразил её родной внук, которого подарила ему старшая дочь, Людмила. Назвали внучка

Алексеем. Но чем старше он становился, тем больше все восхищались удивительным сходством Алёши с дедом Василием, которым в большой семье Демидовых все гордились. И лицом, и ростом, и непоседливостью, егозливостью, любознательностью, вездесущностью — ну, просто Вася Домашенко в детстве.

Лёша любил помогать деду по хозяйству, косить траву на пойменных участках дельты Дона, ловить с ним рыбу, ухаживать за голубями и был такой же жизнерадостным и всесторонне развитым пареньком. Когда он гостил в Матвеевом Кургане у бабушки Маруси, то излазил все доступные и недоступные места в округе. Мария, смотря на племянникового внука, лила слёзы, вспоминая своего любимого братика, с которым прошло всё её счастливое и тяжёлое военное детство.

И какая тут существует закономерность, непонятно для осознания простому обывателю. Но в истории происходит повторение судеб. Вот, например, племянниковый внук мужа Марии, Алексей, был назван в честь брата мужа, Алексея, пропавшего без вести в 1941 году на полях сражений. Через 50 лет уходит на службу Алексей, внук, названный в честь деда. Через два месяца, после обострения Нагорно-Карабахского конфликта, он пропадает без вести в зоне конфликта. Многолетние поиски сына матерью Евгенией не дали результатов.

Алексей же, внук Лидии Петровны не был назван в честь погибшего деда Василия, но в декабре 1995 года, через 50 лет, после гибели деда на фронте, героически погибает под Гудермесом. Что это, рок или случайность? Как-то на случайность не очень похожа. Парню также шёл всего девятнадцатый год.

Единственно, чего Лидия не увидела, гибели своего любимого внука, она ушла из жизни, в результате болезни ещё раньше, в 1992 году.

Еще одна возможная случайность, в восьмидесятые годы Иван Хомяков, по непонятным причинам переезжает, после смерти жены в посёлок Щепкин, что в 24 км от Ростова и девяти километрах от хутора, ставшим в последствии посёлком Красным, где тогда ещё был жив отец Лидии Пётр Леонтьевич. Какая тут связь? Да никакой, конечно. Но Ивана Федоровича, в молодости имеющего фронтовое прозвище граф Монте Кристо был замечен родственниками Лидии на участке кладбища в п. Каратаево, где была похоронена и Лидия Петровна, и её сын Геннадий, и внук Алексей и позже меньшая дочь Анна. Он приходил тихонько, вернее приехал на машине и возложив цветы, долго сидел у гранитного памятника однополчанки и не только.

А ещё намного раньше, с того момента, когда Лидия возвратилась с фронта, она ежегодно в день гибели её любимого человека, Петра Логвинова, возлаживала цветы, чтобы не шокировать жителей дома, напротив подъезда, на углу газона. Также садилась на скамью в тени и долго-долго сидела молча, часто протирая глаза платком.

Когда же на острове Зелёный, где Пётр сражался в составе ополченцев, прикомандированным к полку НКВД, поставили памятник, то Лидия, пока была способна, приезжала и сюда. Всегда ездила одна, даже не говорила ни мужу, ни детям, с какой целью и куда отправится. Но должна же быть у каждого человека, хоть маленькая, но очень важная и дорогая сердцу тайна.

Мария, после освобождения Примиусья, продолжила обучение в школе, где контингент был разномастный по возрасту, с разницей возраста до трёх лет. И виной тому была, конечно, война. Как и другие, так называемые

«дети войны», привлекалась к посильным работам и помогала маме построить новую хатку, которая получилась размером всего 6х4 м, с земляными полами-мазанкой, но очень уютной, а главное, что своей. А тот, кого война заставила скитаться, то и подавно, крыша над головой — это счастье. Естественно, хата была покрыта камышом: зимой хорошо удерживает тепло, а летом не прогревается в комнатах, комфортно.

Выучившись в Ростове на киномеханика, так как Марию не привлекали сугубо женские специальности, хотя способности проявлялись во многих областях, но преимущественно там, где были механизмы, электроприводы, технические устройства. Возможно, сказалось и то, что всё детство она провела с братом Васей и привлекали её те же, совсем не девичьи интересы к технике. Да и кому, особенно в довоенное время не нравилось кино?

Но работа была не из лёгких, особенно в осенне-зимний период. Она поступила на работу в районную кинофикацию на кинопередвижку. В заведовании её было кинооборудование, состоящее из: довольно громоздкой силовой электроустановки, массой более 200 кг, в которую входил одноцилиндровый двигатель с жидкостным охлаждением, редуктором и генератором мощностью 0,75 кВт и напряжением 120 В; кинопроектора работающего на легковоспламеняемой 16-миллиметровой нитроцеллюлозной плёнке; звукового усилителя и большой звуковой колонки; футляров для киноплёнки, оборудования для перемотки пленки и прочие принадлежности и топливо для двигателя.

Для обслуживания установки киномеханику, как и в пулемётном расчёте, положен по штату «второй номер» — это моторист. Мотористом у Марии был молодой парень, Иван Молчанов. Несмотря на молодость, ему еще и не исполнилось 19 лет, был довольно рослым, а главное крепкий парень. Установка запускалась руко-

яткой вручную. И вначале капризничали, то магнето, то карбюратор, пока моторист не настроил, не новую, но довольно надёжную технику.

Мария Петровна, как называл её Иван, сразу расставила приоритеты:

«Значит так! Я — старшая, несу за всю ответственность, как материально-ответственное лицо. Ты — в моём распоряжении и никаких „сюси-муси“ мне, терпеть ненавижу. Иначе узнаешь какая я в гневе, не смотри, что я малая ростом, как „крутану“ рукоятку — лампочки перегорают. Понял?!» — при этом глаза её блестели так, что казалось, что сейчас разразится молния.

Всё необходимую, для кинопроката «музыку», а точнее кинопередвижку, грузили на телегу, запряжённую в «конный экипаж», состоящей из одной-единственной лошадки, низкой монгольской породы. Было такое ощущение, что лошадь подбиралась по соответствию с хозяйкой экипаже, как для верховой езды. Лошадка была очень выносливая и выручаю в любую погоду и даже в сильную распутицу.

Обслуживала Мария своей кинопередвижкой восточный «куст», как называли третью часть Матвеево-Курганского района, куда входили сёла и хутора: Новоротовка, Поповка, Селезни, Ново-Андриановка, Петровка, Бутенки, Марьевка, Соколовка, Марьевка, Камышовка, Бирючий, Политодельск, Каменно-Андрианово. А так как в те годы фильмы демонстрировались только вечером, села располагались друг от друга на расстоянии 5—10 км и на разгрузку-погрузку и подготовку киноустановки требовалось время, то в редких случаях получалось за день удавалось прокрутить два сеанса.

Жизнь была походная. Ночевать приходилось в разных сёлах, у разных людей, но везде молодёжную кинопередвижку встречали радушно и гостеприимно, а те,

в свою очередь радовали селян редким событием — кинопрокатом любимых кинолент.

Однажды «кинщикам» пришлось ночь коротать у молодого заведующего Марьевским сельским клубом, совсем недавно демобилизованном из армии. А до армии, Иван, так звали завклуба, с 15-летнего возраста, после освобождения территории от немецких захватчиков, до призыва работал заведующим избой-читальней. Стройный и красивый 22-летний парень не мог не понравиться Марии, и эта была её первая и настоящая любовь.

Вскоре Мария вышла за Ивана замуж и переехала в село. Её призванием не было работать дояркой на ферме и она, окончив курсы лаборантов молочного производства, начала работать по новой специальности на местном маслозаводе.

Вскоре у молодых родился старший сын, Алексей, а ещё через четыре года двойня, Александр и Виктор. До 1975 года, когда старший, отслуживший в армии сын женился и стал жить в М-Кургане, меньший Виктор служил и ушёл служить его одноклассник Александр, оставшихся одних родителей уже в селе ничего не удерживало и они переехали в районный центр. Купили добротный новый дом, построенный на той же улице, где жила мать, Варвара Максимовна.

Мария, как заботливая курица-наседка, собрала всех сынов вместе, с той разницей, что старший жил в доме, расположенном через три дома от родителей, а средний, так как был старше от своего двойняшки на полчаса, со своей семьёй ровно напротив, меньший с родителями. Заботилась Мария и о матери мужа, которую, естественно, забрали с собой, а затем и свою стареющую мать также досматривала у себя дома.

В течение лет десяти, Мария не прекращала попытки, как и её мать ранее, получить те награды, которыми за-

служенно был награждён брат Василий, но тщетно. Существуют законы, по которым эти награды передаче родственникам не подлежали. Поисковики узнали подробно и о месте захоронения и каким образом можно было организовать поездку в Германию, но случились перемены и изменения политической обстановки в Европе и в целом в мире и мысль посетить место захоронения брата, канула в Лету.

На почётном мероприятии в областном центре, куда Марию Петровну пригласили, для вручения ей очередной награды, в честь 70-й годовщины Великой Победы, как Ветерану ВОВ, в категории «дети войны» и совместно с этим хотели вручить наградные книжки на рядового Домашенко. Мария, со слезами отказалась, как она выразилась, «от бумаг». От них она не могла почувствовать связь с братом.

Писала, подобно, как и её мать Варвара Максимовна, но не по адресу, как та: «Москва, Кремль, Хрущёву Никите Сергеевичу», а потом его предшественнику Брежневу, а Президенту РФ, с единой просьбой, которая при её жизни так и не была исполнена. Но не судьба, видимо, чтобы награды Василия смогли подержать в руках его родные.

Из большого семейства Марии остался один средний сын, священным долгом которого стало хранение памяти о родных, уход за их захоронениями, кроме деда Петра и дяди Василия, который покоится за две тысячи километров от родного для всех его родных Примиусья.

Сможет ли Александр сделать то, что не смогли и не успели, хоть и имели большое желание, мать Василия и сестра? Не знаю. Очень сложный вопрос. И ещё его сложность в том, в какое сложное время мы сейчас живём.

Река Миус, земля Примиусья проходит красной нитью от начала до этого логического конца. В чём же логи-

ка? Примиусье располагается на юго-западе Ростовской области России и на юго-востоке Донбасса, изначально именуемой Новороссией, затем входившей в состав Украины и вновь под девизом «Своих не бросаем» и девизу донских казаков «С Дону выдачи нет». Последнее объясняется так: «Это значило, что каждый, кто селился на территории Донского войска, получал здесь убежище и жил по местным законам и обычаям. Чаще всего такими «переселенцами» становились беглые крестьяне. На Дону были свои законы, и боярам, от произвола которых бежали земледельцы, их не выдавали...». Донбасс же был заселён донскими казаками, земли которых были щедро были дарованы великим преобразователем России, императором Петром Первым в награду за верность Отечеству.

Сознание закипает и кровь в жилах стынет, когда представляешь, что сейчас льётся кровь внуков тех, кто «взламывал» непреступные рубежи Миус-фронта от Таганрога до Саур-Могилы, что на Донбассе. И на той же Саур-Могиле, но с той лишь разницей, что в 1943 году советские войска брали штурмом высоту 277,9, а летом 2014 году бойцы самообороны и народной милиции героически защищали высоту «Саур-Могила», пролив свою кровь и покрыв свои имена героической славой через 70 лет, после подвига их дедов на этой же высоте. И затем вновь брали эту высоту, занявшими её солдатами ВСУ, как и их деды в далёком 1943 году.

От мемориального комплекса героям-освободителям, открытого в 1967 году, после этих ожесточённых боёв ничего не осталось. И на этом месте, за 90 дней в 2022 году был реконструирован старый комплекс возведён им добавлены три новых пилона, на которых изображены были герои ДНР, участники событий 2014 года — Жога, Гиви, Моторола и Корса. И уже 8 сентября 2022 года состоялось торжественное открытие.

Разве можем мы, россияне предать память тех героев, которые проливали кровь в борьбе с фашизмом в годы Великой Отечественной войны и тех, чья кровь, впитавшись в землю смешалась с кровью их дедов? Никогда и ни за что!

Оглавление

Часть вторая	3
От Миуса до Нисы	3
я	3
II	18
III	36
IV	52
V	69
VI	84
VII	103
VIII	120
IX	137
X	159
XI	175
XII	192
XIII	210
XIV	229
XV	247
XVI	262
Эпилог	283

Александр Иванченко

Вишни

Роман в двух книгах. Книга вторая

Редактор Александр Иванович Иванченко

Дизайнер обложки Александр Иванович Иванченко